

Василий Криптонов

ТЫ МОЖЕШЬ ИДТИ ОДИН

Застенчивый подросток Дима знакомится с новым одноклассником. Борис Брик — странный парень. С первых дней в школе его прозвали Маленьким Принцем. Он знает то, чего не должен знать человек, но теряется там, где каждый подросток чувствует себя как рыба в воде. Он с одинаковым энтузиазмом поражает учителей своими способностями и противостоит жестоким хулиганам. Он либо сумасшедший, либо действительно явился из невероятных космических далей, приведя за собой погоню. На глазах школьника, который давно забыл о своем праве на счастье, разворачивается битва между двумя главными силами Вселенной. Дима должен выбрать: слиться с серой массой безразличных людей или идти в бой, даже если идти придется одному.

Криптонов Василий Анатольевич

Ты можешь идти один

Глава 1

Это — жизнь

Я впервые увидел Маленького Принца на перемене, когда Саня Рыбин, по прозвищу Рыба, поймал меня в коридоре. Рыба требовал денег, а я молчал, надеясь, что ураган как-нибудь пролетит мимо. Смотрел в его налитые кровью глаза, вдыхал вырывающийся из его рта отвратительный запах сигарет и мятной жвачки.

— Ну что, Димыч, давай по-хорошему, а? — говорил Рыба, потирая кулак. Костяшки покрыты коростами запекшейся крови.

Я молчал. Пытался разлепить губы и соврать, что денег нет, но не мог. Только смотрел в глаза своему мучителю и молил его мысленно: «Не можешь же ты быть таким жестоким! За что ты унижаешь меня? Почему? Отстань от меня, пожалуйста! Сделай вид, будто меня не существует!» Если бы я мог тогда выбрать любую суперспособность из любого фантастического фильма, то стал бы невидимым.

— Ты чего на меня так смотришь? — Рыба дернул рукой, делая вид, что хочет ударить, и я инстинктивно согнулся пополам. Семен Волохин, маячивший за спиной Рыбы, засмеялся.

— Слышь, ты с «брони» слезай, пока не поздно, — сказал мне Рыба. — Я у тебя полтинник прошу. Не дашь — заберу все. И после школы тебя встретят. Тебя каждый день колошматить будут, если я так скажу, понял? Понял меня, я тебя спрашиваю?

Мысленно я распрощался с небольшим количеством мелочишки, которую оберегал до последнего. Рука потянулась к карману, когда раздался неприятный тонкий голос:

— Господа, не могли бы вы мне помочь?

Рыба и Семен повернулись и смерили взглядами стоящего перед ними коротышку. Тот смотрел на них, будто совсем не испытывая страха. Пухлый, круглолицый, с коротко стриженными светлыми волосами. При виде его мне, несмотря ни на что, захотелось улыбнуться.

— Тебе чего надо? — с угрозой в голосе спросил Рыба. — Ты кто такой?

По лицу паренька скользнуло нечто, что я поначалу принял за испуг. Но потом, воскрешая в памяти тот случай, я пришел к выводу, что он просто прищурился, словно пытаясь что-то вспомнить. Что до меня, то я радовался крошечной надежде спастись.

— Мне нужно узнать, где занимается одиннадцатый «Б» класс, — отчеканил парень. — С сегодняшнего дня я числюсь в этом классе. Меня зовут Борис Брик!

— Брик? — усмехнулся Рыба. — Немец, что ли? А что ты мне дашь, если скажу?

Пользуясь сложившейся ситуацией, я старался незаметно выскользнуть из угла, не совершая резких движений. Семен тоже отвлекся, так что я мог беспрепятственно улизнуть. О нависшем над пропастью новичке я старался не думать. Сам виноват, нечего было влезать.

— Насколько мне известно, моя национальность — русский, — пожал плечами Брик. — Ты предоставляешь платные информационные услуги?

— А? — растерялся Рыба.

— Я так понимаю, что мне нужно внести некую плату за необходимую информацию, так?

— Ну, так. — В голосе слышалась неуверенность.

— Сколько я должен заплатить? — Брик полез в карман. Я остановился на месте и во

все глаза смотрел на этого чудака. Он что, правда ничего не понимает?

Рыба и Семен переглянулись. По выражению лиц обоих я понял, что они тоже удивлены не меньше моего.

— А сколько у тебя есть? — подал голос Семен.

— В данный момент, с собой — шесть тысяч сто двадцать рублей, — тут же ответил Брик. — Этого хватит?

Рыба присвистнул и выпучил глаза. У меня перехватило дыхание. Для меня понятие «карманные деньги» включало не больше двух сотен, которых за глаза хватало на неделю, а то и больше.

— Шесть? — прохрипел Рыба, оглядываясь на проходящих мимо школьников. — Давай!

Брик выдал ему все содержимое своих карманов.

— Учись, Димыч. — Рыба повернулся ко мне и махнул купюрами. — Вот, правильный пацан, не жадный. А ты за пятьдесят рублей жмешься. Пошли!

Они с Семеном поспешили прочь. На лице Брика появилось удивление. Он посмотрел на меня, и я почувствовал жалость к этому несчастному дурачку. Словно поняв, что помощи от меня не будет, Брик развернулся на каблуках и крикнул в спину Рыбе:

— Одну секунду!

Рыба обернулся.

— Чего тебе?

— Мне нужно узнать, где занимается одиннадцатый «Б» класс, — повторил Брик. — Я только что заплатил тебе за эту информацию.

— Да я вообще без понятия! Вон, у Димыча спрашивай, — посоветовал Рыба.

Тут в коридоре появился новый персонаж — завуч Александра Петровна. Седая женщина в круглых очках, в любую погоду кутающаяся в шаль. Она с осуждением поглядела на вымогателей, равнодушно — на меня и задержала взгляд на Боре. Тот, не обращая внимания на нее, заговорил так громко, что у меня в ушах зазвенело:

— Я заплатил шесть тысяч сто двадцать рублей тебе. Если ты не в состоянии оказать мне необходимую услугу, то передай деньги Димычу, раз уж мне придется обращаться к нему.

Рыба замер. Семен, пользуясь тем, что на него не смотрят, ускользнул. Несколько проходящих мимо учеников остановились, наблюдая за происходящим. Александра Петровна насторожилась.

— О чем идет речь? — спросила она.

— Без понятия вообще! — жалобно заныл Рыба. — Это новенький, он гонит!

— Ты Боря? — спросила Александра Петровна. — С утра не пришел, я уж думала завтра только будешь.

— Я Борис Брик, — кивнул ей Боря. — К сожалению, с утра нужно было позаботиться с маме, и прийти на первый урок не получилось.

— Ясно. Что у тебя с этим охламоном приключилось? — Она перевела взгляд на Рыбу.

— Я спросил его, где занимается одиннадцатый «Б» класс. Он назначил цену за эту информацию — шесть тысяч сто двадцать рублей. Когда же я передал ему деньги, он отказался оказывать информационные услуги. Мне кажется, в таких ситуациях нужно вызывать милицию, но я пока не уверен.

Александра Петровна, когда начинала злиться, раздувалась, будто морская рыба в минуту опасности. Надулась она и в этот раз.

— Саша! — грянула она. — Опять начинается?

— Он врет! — заорал Рыба. — Нет у меня никаких денег!

— В правом кармане брюк лежат шесть тысяч сто двадцать рублей, — отрапортовал Боря. — Купюрами по пятьсот рублей, сто рублей и десять рублей. Номера купюр...

Когда он начал перечислять номера купюр, я просто остолбенел. В коридоре творилось что-то невообразимое. Стал собираться народ. Все переговаривались, спрашивая друг у друга подробности. Они глядели на смешного коротышку, который громким, писклявым голосом называл какие-то цифры и буквы. Среди собравшихся я заметил Жанну. Она тоже бросила на меня взгляд, и я поспешил отвернуться. Полжизни за невидимость!

— Выверни-ка карманы! — Александра Петровна двинулась к Рыбе.

— Вы права не имеете! — отступил тот.

— Я? Не имею, конечно! Давай тогда позовем тех, кто имеет. Милицию вызовем, отчима твоего. Хочешь?

Рыба в ярости сплюнул, вытащил деньги, подошел быстрым шагом к Боре и протянул ему.

— На, забери. Разнылся!

Боря и пальцем не пошевелил.

— Передай деньги Димычу, — повелел он.

— Я тебе чего, мальчик на побегушках? — рявкнул Рыба.

— К тому же, ты должен извиниться, — добавил Боря. — Из-за твоего непрофессионализма возникла конфликтная ситуация.

— Да я тебя сейчас!..

— Саша! — прикрикнула Александра Петровна.

— Да слышу, слышу!

Рыба подошел ко мне и сунул деньги с таким выражением лица, что я понял три вещи: 1. если я не возьму деньги, он убьет меня прямо сейчас; 2. Если я возьму деньги, он убьет меня сегодня после уроков; 3. Если я внезапно умру до конца уроков, он достанет меня с того света и убьет.

Желая протянуть как можно дольше, я, не глядя в глаза Рыбе, взял деньги и сунул их в карман. Ворча какие-то страшные ругательства, Рыба ушел. Ко мне приблизился Брик. Все собравшиеся смотрели на него, и я тоже внезапно оказался в центре внимания. Тогда я услышал эти слова, произнесенные непонятно кем: «Маленький Принц!» Действительно, несмотря на свою комическую внешность, Брик держался и говорил с безупречным достоинством.

— Расскажешь мне... — начал он.

— Да-да, пойдём! — Я схватил его за рукав и потащил в класс, желая как можно скорее скрыться от настойчивых взглядов.

Мы поднялись на третий этаж и зашли в кабинет, пустовавший перед уроком алгебры. Я покинул Борю и подошел к последней парте первого ряда. Усевшись, я обнаружил, что Брик стоит рядом и внимательно смотрит на меня.

— Ты из одиннадцатого класса «Б»? — спросил он.

Я кивнул и, спохватившись, вытащил деньги из кармана. Был небольшой соблазн оставить их себе. Буквально на уровне секундной фантазии. Но я не мог наживаться на человеке, который просит меня о помощи.

— Забери.

Боря посмотрел на протянутые купюры, потом перевел взгляд на меня.

— Почему? Я не имею никаких претензий...

— Боря, ты что, ничего не понял?

Его взгляд меня просто поразил. Он смотрел, как маленький ребенок, открывающий для себя мир. Ему было интересно, непонятно и немного смешно.

— Здесь в обращении другие денежные единицы?

Я откинулся на спинку стула и вздохнул. Новичок был явно не в себе. Что, объяснять ему прописные истины? Придется.

— Тот парень, который взял у тебя деньги, просто хотел их отобрать. Он постоянно отбирает у всех деньги.

Боря снова нахмурился, то ли вспоминая что-то, то ли пытаюсь осмыслить новые сведения.

— То есть, информационные услуги предоставляются бесплатно?

— Разумеется!

Он забрал деньги и положил их в карман. Наступило молчание. Я принялся готовиться к уроку: положил на парту учебник, тетрадь, дневник, пару ручек и карандаш. Боря с любопытством следил за моими приготовлениями.

— Все это нужно для обучения?

Я замер. Странности этого паренька перевалили за все мыслимые границы. Если сначала я записал его в ранг совершенно заучившихся «ботаников», то теперь он уверенно разрывал и эти рамки.

— Ну... Конечно!

— А если у меня этого нет? Что тогда?

Я вырвал из тетради двойной листок и отдал Боре, заодно пожертвовав запасную ручку.

— Это все меняет?

— Ну, не то чтобы все... Ты новичок, тебя сильно ругать не будут. Дома-то есть учебники, тетради?

Боря посмотрел на учебник, на тетрадь, потом кивнул.

— Да, есть! Завтра я возьму все это с собой! А где мне нужно сидеть?

— Где хочешь, на любом свободном месте, только...

Я не питал иллюзий относительно того, что кто-то захочет общаться со мной дольше необходимого. Не надеялся и обзавестись другом. Если уж за десять прошедших лет ничего не вышло, то и выпускной год исключением не станет.

— Спасибо, Димыч, — кивнул Боря и сел рядом со мной.

— Дима, — поправил я.

— Дима? — Боря нахмурился. — Это ведь... Дмитрий, если не ошибаюсь?

— Ну да, Дмитрий. Сокращенно — Дима.

— Ясно. Я понял тебя, Дима. Спасибо тебе.

В класс потянулись ученики. Каждый бросал взгляд на новенького. Борис, в свою очередь, внимательно разглядывал своих новых одноклассников и улыбался каждому. Никто не отвечал на его улыбку, кроме Насти Елизаровой. Она с первого класса была воплощением доброты и милосердия.

Разговоров почти не было слышно: каждый занимался своими делами. Зевая, доставали учебники. Девочки расчесывались, глядя в зеркало. Кто-то пытался за пять оставшихся минут написать домашнюю работу.

В класс вошла Жанна, и у меня перехватило дыхание. Она выделялась из всех, приковывала внимание, будто айсберг, внезапно выросший по соседству с египетскими пирамидами. Платиновые волосы, редко знавшие с расческой, торчали во все стороны, напоминая дикий куст — так же, как в первом классе. Белая блузка и джинсовая юбка были чистыми, но не глаженными. Девушка, которой плевать, как она выглядит. Но выглядела она сногшибательно. Ее не портили даже веснушки, которые с годами становились все бледнее и теперь почти не бросались в глаза.

— Почему ты на нее так внимательно смотришь?

Я вздрогнул. Брик задал свой вопрос громко, на весь класс, и теперь все таращились на меня. Даже Жанна! Господи, как бы я хотел, чтобы в этот момент снова оказаться лицом к лицу с Рыбой!

— Заткнись, — прошипел я, краснея.

Боря оценил ситуацию быстро. Он наклонился ко мне и, сквозь зарождающийся в классе смех, я услышал его шепот:

— Ты не хочешь, чтобы она знала, что ты на нее смотришь?

— Да, не хочу! — шепнул я, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы.

— Почему?

— Непочему. Отстань.

— Мне показалось, что она тебе нравится.

— Отвяжись, пожалуйста!

— Почему тогда ты боишься показать это? Мне правда интересно. Кажется, людям свойственно сближаться с теми, кто им нравится.

— Не так все просто.

— Объяснишь?

— Потом. Урок начинается!

Одновременно со звонком в класс ворвалась Екатерина Михайловна, наша сумасшедшая математичка. Пожилая женщина с острым маленьким личиком, напоминающим мордочку лисы. Мы все подскочили и замерли в молчаливом приветствии. Боря некоторое время сидел, но потом неторопливо поднялся и с любопытством оглядел стоящих рядом учеников и Екатерину Михайловну, которая, раскрыв журнал на нужной странице, ждала безупречной тишины.

— Садитесь! — каркнула она.

Ученики единым порывом опустили за парты. Родился и быстро умер шепоток.

— Брик Борис, новенький, где?

— Я здесь! — откликнулся Боря.

— Где? Тебя руку поднимать не учили?

Боря, помешкав, поднял руку.

— Ясно. Первый день, и сразу без учебника. Молодец, ничего не скажешь. В какой школе учился?

Брик опустил руку на голову и почесал макушку, вызвав негромкий смех класса.

— Не уверен, что смогу сейчас ответить на этот вопрос, — признался он.

— Что? Это еще почему?

— Я думаю, в данной ситуации уместно говорить о шоке, вызванном резкой сменой обстановки. Из-за этого шока могут возникать небольшие провалы в памяти. Завтра я приду в себя и смогу дать подробный отчет о том, где учился ранее.

Тишина. Все пытались осмыслить слова Бори. Нелегкая задача, ведь обычно все изъясняются куда более простыми предложениями.

— Встань! — крикнула Екатерина Михайловна.

Боря послушался.

— Характер свой мне тут показывать не надо, понятно?

— Да, понятно, — кивнул Боря.

— Не знаю, какие были порядки в твоей бывшей школе, но тут ты будешь себя вести, как полагается!

— Я прикладываю к этому все усилия.

— Ты издеваешься?

— Нет, я поддерживаю диалог...

— Это тебе не диалог! Это я тебе говорю! Ты понял?

Боря на секунду задумался и кивнул:

— Не показывать Вам мой характер, вести себя согласно установленным порядкам, не вступать в диалог. Да, я понял.

Екатерина Михайловна кипела, но продолжать прения не имело смысла. Все ее фирменные приемчики, доводящие до слез любого, словно падали в черную дыру.

— Садись!

Она сделала перекличку. Все были на месте, кроме Рыбы. Напротив его фамилии Екатерина Михайловна поставила «Н», судя по венам, взбухшим на запястье, прорезая ручкой страницу насквозь. Урок начался.

* * *

Когда отзвенел последний на сегодня звонок, я схватил Брика за руку и провел к черному ходу. Мы вышли на задний двор школы, перелезли через забор и углубились в лес, окружающий поселок. Я увидел лежащее на земле трухлявое бревно и со вздохом облегчения уселся на него. Боря сел рядом.

На улице было еще тепло. Совсем недавно закончилось лето, и солнце по-прежнему светило ярко, воздух был все еще полнился свежестью и ароматами лета. На земле валялись окурки, пустые бутылки и банки из-под пива и коктейлей. Очевидно, это бревно пользовалось популярностью. Может, не самое безопасное место, но Рыба вряд ли станет нас здесь искать.

— Теперь ты можешь ответить на мои вопросы? — спросил Брик, оглядываясь по сторонам. Я тоже покрутил головой, но не увидел ничего, достойного внимания. А Боре, кажется, был интересен каждый сучок.

— Какие вопросы? — покорился я.

— Почему мы вышли из школы не как все?

— Это из-за Рыбы.

— Мы пойдем на рыбалку?

Я засмеялся. Эта святая простота начинала меня забавлять.

— «Рыба» — это кличка. Так называют Саню Рыбина, который у тебя деньги хотел отобрать. Он сильно разозлился и я думаю, что он подстерегает нас у выхода. Потому мы и убежали.

— А что он хочет, по-твоему, сделать?

— Ну, что... Избить нас, думаю.

— Зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем ему нас бить?

Я задумался.

— Боря, скажи, где ты жил раньше?

Он повернулся ко мне, отвлекшись от созерцания мха на северной стороне дерева. Смотрел, будто размышляя о чем-то.

— Это очень непростой вопрос, Дима. Я отвечу тебе на него позже, при одном условии.

— Каком условии?

— Ты будешь моим другом?

От этих слов я чуть не рухнул с бревна. Вот так просто взял и спросил, как в фильмах делают предложение! В моем понимании дружба должна начинаться несколько иначе. И, безусловно, никто и никогда не просит стать его другом!

— Я? Другом?

— Ну да. У меня сложная ситуация, в которой мне необходим друг. Человек, который поможет мне. Я понимаю, что дружба — это процесс взаимовыгодный. Пока я, к сожалению, не знаю, какие услуги смогу оказать тебе взамен, но, наверное, что-нибудь придумаю.

Станный это был паренек, очень странный. Но явного неприятия он во мне не вызывал. Хм, друг... надо же...

— Ладно, — улыбнулся я и протянул ему руку. — Друзья?

— Друзья! — Боря скопировал мою улыбку и ответил рукопожатием. — Итак, Дима, объясни мне, зачем этот Рыба бьет людей?

— Рыба считает себя крутым...

— Что значит, «крутым»?

— Значит, самым сильным, что ли... Он пьет, курит, общается с криминальным... миром. В общем, он считает себя выше всех. И, чтобы доказать это, он унижает людей.

Я почувствовал, что меня понесло. Чуть ли не впервые в жизни я общался с человеком, способным понять предложение, составленное более чем из трех слов.

— Видишь ли, есть общественная иерархия, включающая в себя уйму факторов. Первый фактор — возраст. Чем человек старше, тем он главнее. Другой фактор — интеллект, напрямую влияющий на образование. Человек более образованный будет главнее менее образованного. Так, люди с высшим образованием занимают руководящие посты, люди со средне-специальным работают на них, а со средним или даже без среднего — работают на самой неблагодарной работе. Так живет мир. Понимаешь?

— Разумеется, — пожал плечами Боря.

— Ну вот. А что если человек очень хочет пробиться наверх, но при этом у него не хватает ума? Он ведет себя так, как Рыба. Он бьет и унижает тех, кто слабее. Дальнейшая его жизнь — это бандитизм. Бандиты убивают и грабят, паразитируя на обществе. Вот и все.

Боря улыбнулся.

— Я понял. Сильный поработает слабого. Этот закон действует во всей Вселенной. Ладно, оставим это. Думаю, остальное я смогу постепенно понять и сам. А теперь меня интересуют твои чувства к той девушке.

Я вздрогнул и почувствовал, как снова краснею.

— Что тебе интересно?

— Все. Это ведь любовь, так?

Я чуть не завыл в голос.

— Боря, да с какой ты планеты?

Настал черед Бори содрогнуться и выпучить на меня глаза.

— Почему ты задал такой вопрос? — пробормотал он.

— Потому что ты ведешь себя странно, не понимаешь очевидных вещей. Как будто инопланетянин, честное слово.

Боря встал с бревна, прошелся по небольшой полянке, потрогал сосну и повернулся ко мне. На его лице расцвела улыбка.

— Давай так, — сказал он. — Представь, будто я и вправду инопланетянин, и мне очень важно понять, как устроен ваш мир.

— Но на самом-то деле это не так? — с надеждой спросил я.

— Конечно, нет. Но мы же договорились, что я расскажу о себе позже. А до тех пор ты расскажи мне все, что сможешь. Меня очень интересует любовь!

Я закрыл глаза. Будь рядом со мной нормальный человек, я, может, и раскрыл бы перед ним душу. Но Боря ждал не откровений. Он жаждал информации, как одержимый биолог подстерегает очередную лягушку, готовя сачок и скальпель.

— В другой раз, — сказал я. — Когда расскажешь о себе.

Путь через лес с Борей превратился в целый поход. Он останавливался у каждого куста, поднимал с земли листья, шишки, провожал взглядом птиц. Вел себя так, будто это не он двумя часами раньше разозлил самого свирепого парня в школе.

В поселок мы вышли возле частного сектора.

— Где ты живешь? — спросил я.

— Здесь.

Он показал на ближайший частный дом, который, сколько я себя помню, стоял заброшенным.

— Здесь?

— Да. Два дня назад переехал.

— Круто... Ну ладно. Давай тогда до завтра.

Я отошел на несколько шагов, когда Боря меня окликнул:

— Не хочешь зайти?

— В смысле? — обернулся я.

— Ну, зайти в гости. Друзья ведь так поступают, да?

Я озадачился. Почему-то это приглашение меня встревожило. Может, звучало чересчур интимно, не знаю.

— На самом деле мне нужна твоя помощь, — признался Брик. — Там целая куча этих учебников и тетрадей. Ты можешь помочь мне отобрать те, что понадобятся завтра?

* * *

Дом был стар. Половицы истошно скрипели под ногами, известка сыпалась со стен. Боря включил свет, и тот, прежде чем загореться, несколько раз мигнул. Я поежился,

стараясь побороть чувство брезгливости.

— А здесь вообще жить можно? — поинтересовался я.

— Наверное. Никто не запрещал.

Одноэтажный домик состоял из двух просторных комнат, кухни и даже ванной с туалетом. Повсюду громоздились коробки и мешки — чувствовалось, что переехали недавно и не успели обжиться. В прихожей стояло несколько банок с краской — видимо, мадам Брик планировала произвести хотя бы косметический ремонт. Я увидел и ее саму: на стене в одной из комнат висела фотография, на которой Боря, совсем еще ребенок, сидел на коленях у сидящей женщины с усталым лицом. Мне стало грустно от этой фотографии. Матери Брика, должно быть, несладко пришлось в жизни. И наверняка она любит сына, раз уж первым делом повесила на стену фотографию.

Немало не смутившись беспорядком, Боря прошел в комнату и продемонстрировал старинный письменный стол, заваленный учебниками.

— Какие нужны?

Я, воскрешая в памяти расписание, отобрал необходимые учебники. Все тетради оказались чистыми, и я вложил в каждый учебник по одной.

— Вот так вот, — сказал я.

— Спасибо, Дима! — поблагодарил меня Брик. — Кажется, я понемногу осваиваюсь.

Я улыбнулся. Все-таки, он был очень смешон в своей манере говорить все, что приходит в голову.

— Пойду домой, — сказал я. — До завтра.

* * *

— Как в школе? — спросил отец, заходя в кухню. Он жевал бутерброд и, кажется, вообще не обращал на меня внимания. Открыл холодильник и достал бутылку пива — первую за вечер.

— Нормально, — ответил я, ковыряя вилкой макароны.

Отец кивнул и вышел. Судя по звукам из комнаты, телевизор готовится показать некий крайне важный футбольный матч.

Мама сидела за столом напротив меня, уткнувшись в кроссворд. Уловив краем уха вопрос отца, она встрепенулась и подняла на меня взгляд:

— Чего напучал? — Имелись в виду полученные мной оценки.

— «Четыре» по алгебре, — буркнул я.

— А почему «четыре»?

— Не знаю.

— Как ты не знаешь?

— Ну, не знаю. Вызвали, ответил. Поставили «четыре».

— Наверное, плохо ответил?

— Ответил бы плохо — поставили бы «два».

Мать отложила газету с кроссвордом и посмотрела на меня.

— Дима, ты когда за ум возьмешься? — начала она привычный монолог. — Ты понимаешь, что ты уже не ребенок? Это уже жизнь! Я десять лет с тобой бьюсь, а ты... Вот не дай бог в институт не поступишь, в армию тебя загребут — и все! Куда ты потом?

Сантехником работать будешь? Стоило ради этого учиться столько времени!

Эти разговоры преследуют меня с первого класса. Рассказы о том, что в армии меня если не убьют, то покалечат. Рассказы о том, что всем миром управляет злобное сантехническое божество, так и жаждущее заполучить в свои сваренные из труб лапы очередную зазевавшуюся жертву. Что я мог возразить? Я, не знающий жизни совершенно?

— Все нормально будет, — сказал я, теряя остатки аппетита.

— Ты уроки сделал?

— Нет еще, я ем.

— Ну так ешь быстрее и иди, занимайся!

Я заставил себя проглотить остатки макарон, положил в раковину тарелку и закрылся у себя в комнате. Уроки. Мертвые черные буквы на белой бумаге. Унылые синие линии, которые я вывожу в тетради. Это — жизнь?

Глава 2

Луковая бомба

В школу я пришел раньше обычного, чтобы не столкнуться у входа с Рыбой. Поднялся на второй этаж, посмотрел расписание и отправился на урок литературы. Литература — это мне нравится. По крайней мере, я люблю читать.

В жизни у меня были разные периоды. Иногда я боялся нового дня, иногда ждал его с нетерпением, и только в последнее время пришло равнодушие. Я все острее понимал, что новый день не принесет ничего. «Живи еще хоть четверть века — все будет так, исхода нет». Если уж взрослый человек, общепризнанный поэт и классик изрек такую истину, то почему я должен смотреть на жизнь с оптимизмом?

Но со вчерашнего дня кое-что изменилось. Вернулось беспокойство, пробирающее до глубины души. В первую очередь меня терзал страх. Я понимал, что Рыба будет в бешенстве, ведь его заставили отдать деньги, уже лежавшие в кармане!

А другое чувство, пробуждающее некий интерес к жизни, было надеждой. Непонятной и странной надеждой на то, что с появлением Брика, этого смешного невысокого паренька, что-то изменится. Глупо, конечно, но эта надежда и не была связана с разумом.

В класс зашел Петя Антонов, наш староста. Высокий светловолосый парень с надменным выражением лица. Заметив меня, он поморщился и отвернулся. Петя всегда умудрялся одновременно хорошо учиться, вливаться в любую компанию, всей душой ратовать за общественную и учебную жизнь класса и даже быть полноценным лидером. Он гордился тем, что приходит в класс раньше всех. Я посягнул на его первенство, а значит, он мне отомстит. Нет, речь не об избиении. Просто подстроит какую-нибудь каверзу по учебе, или даст малоприятное поручение, от которого не отвертеться. Что ж, не в первый раз.

Пять минут спустя народ начинает собираться. Заходят Антон Дрокин, переживший немало неприятных килочасов из-за своей фамилии, Надя Зыкина — ничем не примечательная девочка, тихо-мирно отсидевшая за партой все десять лет. Серега Маклаков, некое подобие меня, только с обостренным чувством несправедливости мироздания.

Жанна пришла раньше обычного. Я, как всегда, проводил ее взглядом до парты. Мне даже пришлось выработать особый взгляд исподлобья, перехватить который невозможно. Хоть в чем-то я добился совершенства.

Краем глаза я ощутил какое-то движение и повернул голову. Петя поднялся со своей парты, подмигнул мне и сел рядом с Жанной. Они о чем-то заговорили. Я смотрел на них, и мое сердце колотилось все сильнее. Жанна засмеялась, и Петя придвинулся к ней ближе. До меня донеслись его слова:

— ... после уроков?

Жанна пожала плечами, потом кивнула. Петя вернулся на свое место, на прощание коснувшись плеча Жанны. Я закрыл глаза. Что произошло? О чем они говорили? Я был близок к тому, чтобы подбежать к ней и начать расспрашивать. Неизвестность невыносима.

Открыть глаза меня заставил дружный смех. В класс зашел Боря, и на плече у него висела растрескавшаяся от старости кожаная хозяйственная сумка. Я снова закрыл глаза. Причудам этого человека, видимо, конца не будет.

— Борь, ты зачем такую сумку взял? — поинтересовался я, когда он сел рядом и расстегнул молнию на этом чудовище.

— А что? — он извлек учебник литературы, тетрадь и целую россыпь разноцветных авторучек.

— С такими не ходят!

— А что в ней не так? — Боря приподнял сумку и покрутил ее перед глазами. — В нее входят все учебники, она прочна и удобна. К тому же я взял еды, и она тоже прекрасно поместилась.

— Может, и так, — вздохнул я. — Но вот только над тобой будут смеяться. Это слишком необычно.

— Смех — это хорошо, — улыбнулся Боря.

В этот момент подал голос Петя:

— Боря, ты у мамы сумку отобрал, что ли?

Массовка расхохоталась. Еще бы, сам Петя пошутил! Я украдкой взглянул на Жанну, но и она тоже смеялась, глядя в нашу сторону. Как будто надо мной.

Боря, улыбаясь, окинул взглядом класс.

— Нет, не отобрал, — возразил он Пете. — Маму мне пришлось убить, она мешала. С тех пор я могу невозбранно пользоваться ее вещами.

Несколько секунд царит молчание. Класс решает, как отнестись к этой фразе. Если сейчас все засмеются, то Борю приняли, он — часть коллектива. А если промолчат и отвернутся, то он — навеки в разряде «чудиков». Но даже я не мог найти сил засмеяться. От этой остро?ты мороз пробирал до самых костей.

— Дурак, что ли? Нельзя так шутить, — тихо сказала Маша Шibaева.

Пару лет назад мать Маши умерла от рака гортани. Я представлял, как ей неприятны подобные шутки. Она бросила взгляд на меня, и я подавил свою искусственную улыбку. Наши отношения с Машей — это нечто особенное. Если бывает дружба без общения, то это она и есть.

— Я не...

Я с силой ударил Борю по плечу. Он повернулся ко мне.

— Перестань, — прошипел я. — Просто помолчи. Не надо такого говорить.

Боря кивнул и начал листать страницы учебника, просматривая краткие биографии писателей. Я снова встретил взгляд Маши и прочел в нем одобрение.

Класс быстро потерял интерес к Боре и его сумке. Тяжело смеяться над человеком, который не смущается. Я смотрел то на Петю, то на Жанну, пытаюсь отгадать, что их связало.

За десять минут до начала урока в класс, громко хохоча и матерясь, ввалились Семен Волохин и Саня Рыбин. Они сразу увидели Борю.

— Опа! — заорал Рыба, направляясь к нашей парте. — Новенький! Как там тебя? Фриц?

— Брик, — улыбнулся ему Боря. Он закрыл учебник и сложил руки на парте с таким видом, будто он — директор крупной фирмы, а Рыба — младший помощник заместителя уборщика, пришедший к нему просить повышения зарплаты.

Рыба внаглую уселся на наш стол и уставился на Борю. Семен встал так, чтобы отгородить нас своей широкой спиной от нежелательных взглядов. Я судорожно сглотнул. Вот и расплата. Хоть бы Софья Николаевна пришла раньше!

— Ну что, немец, как расплачиваться будешь? — Рыба взял учебник Бори, перевернул несколько страниц, а потом швырнул его в угол.

— Не припомню, чтобы я остался тебе должен. — Спокойствием Бори можно было

только восхищаться.

— Ты как разговариваешь? — Семен дернулся, делая вид, что хочет ударить.

Боря перевел взгляд на него.

— Я разговариваю на русском языке, соблюдая правила вежливого общения, — сказал он. — С тобой нужно разговаривать как-то иначе?

— Мальчики! — Я повернул голову и увидел Настю, с озабоченным видом глядевшую на спины Рыбы и Семена. — Ну что там такое? Опять начинаете?

— Да все нормально, мы просто разговариваем! — отозвался Рыба, не сводя глаз с лица Бориса.

Семен дыхнул на кулак и покосился на Рыбу.

— Я ему пробью, а?

— Да я сам ему пробью сейчас, — ответил Рыба. — Ты чего так борзо начал, а? Учителям стучишь, хамишь. — Тут он ладонью несильно стукнул Бориса по лбу. — Деньги где?

— Мои деньги у меня в кармане, — отвечает Боря. — Некоторая их часть.

— Сюда давай.

— Зачем?

— Я тебе сейчас нос сломаю, дятел! Потому что я сказал! Деньги мне свои отдал, быстро!

Боря покачал головой и улыбнулся, словно разговаривал с ребенком.

— Ты путаешь понятия «почему» и «зачем». Я не спрашивал, почему ты хочешь заполучить мои деньги. Я спросил, зачем мне их отдавать. В чем мой интерес? Какая моя выгода? Что я приобрету за эти деньги? Отдавать их просто так я не собираюсь. Деньги нужны мне для приобретения пищи. Пища необходима, чтобы поддерживать процессы жизнедеятельности в этом теле. В принципе, ничего другого мне пока не нужно, поэтому, что бы ты ни предложил, я буду вынужден ответить отказом.

На середине этой речи Рыба закатил глаза. Семен фыркнул и огляделся по сторонам.

— Но, впрочем, я уже кое-что о тебе знаю, — продолжал Борис. — Тебе нужно избить меня, чтобы доказать свое превосходство. А все, что ты сейчас делаешь — это набор ритуальных слов и действий, предвещающих избиение. Мне не интересны ритуалы. Я люблю сущность вещей. Давай сэкономим время.

Он резко встал и вышел из-за парты. Развел руки в стороны, напомнив мне образ распятого Христа.

— Бей!

Рыба вытаращил на него глаза.

— Ты чего, типа «на броню», что ли? — прорычал он.

— Я не понимаю этого выражения. Ты хочешь меня избить, подняв свой авторитет в глазах класса. Бей.

Рыба огляделся. В классе собрались уже все ученики, и каждый смотрел в нашу сторону.

— Крутой, да? — Рыба сплюнул. — Пойдем, выйдем!

— Отказ, — ледяным тоном изрек Боря. — Пять минут до начала урока. Я не хочу пропускать занятия. Избить меня ты можешь и здесь. Или ты стыдишься этого действия? Тогда вели всем выйти.

Велеть всем выйти мог только Петя, а Рыба никогда не был лидером. Обратись он к классу с подобным требованием, девчонки, сейчас раскрывшие рты от удивления, мигом

налетят на него с возмущенными воплями, и все обратится в фарс. Рыба понял это, и его злость прорвала плотины.

— Уродец! — зарычал он, кидаясь на Борю.

Рыба ударил его по лицу. Боря должен был упасть или даже отлететь на несколько шагов, но он всего лишь отшатнулся. Его голова повернулась от удара и заняла прежнее положение. Выражение лица осталось неизменным.

— Что, еще хочешь? — крикнул Рыба.

В классе стало тихо. Девочки поспешили отбежать подальше от опасного места. Только Жанна стояла возле своей парты, глядя на Брику. В ее взгляде светилось любопытство. И, словно издеваясь, рядом с ней встал Петя, закрыл ее собой, будто оберегая от опасности. Я отвернулся, стиснув зубы от злости.

— Время тратишь, — сказал Боря, сверля взглядом Рыбу. — Ты хотел избить меня гораздо сильнее.

Рыба с Семеном налетели на него, как хищники. Борю избивали так сильно, так быстро, что я испугался. В этот момент у меня в голове пролетело миллион мыслей. Тысячи разных вариантов того, как поступить сейчас и как жить дальше. В конце концов, я сказал себе: «Это твой первый и единственный друг!»

Драться я не умел, поэтому просто схватил Рыбу за плечи и оттащил от Бори. Рыба развернулся, и кулак скользнул по моему лицу. На секунду я замер, но быстро сообразил, что зашел уже слишком далеко. Я удвоил усилия. Ко мне неожиданно присоединился Илья Киров. Он не только помог удержать Рыбу, но и заорал на него:

— Ты совсем съехал? Тебя ж отчислят, отчим убьет!

Это подействовало. Рыба сплюнул и окликнул Семена:

— Хорош. Потом с этим терпилой разберемся.

Когда они отошли, я помог Боре подняться, отряхнул его брюки.

— Как ты?

Выглядел он неважно. Лицо изрядно помято, нос распух, из разбитой губы сочилась кровь.

— В полном порядке! — улыбнулся Боря. — Зачем ты его остановил?

— Что? Ну, мы же, типа, друзья!

— Ах да, точно, я и забыл! Ну да, друзья заступаются друг за друга. Об этом я не подумал...

Прозвенел звонок, и мы сели за парту. Я протянул Боре носовой платок и жестом показал, чтобы он промокнул кровь на губе.

— Ты поцелуй его! — крикнул со своего места Рыба.

Некоторые засмеялись. Громче всех заливался Сережа Маклаков. Он наивно верил, что если будет гоготать над шуточками Рыбы, тот примет его за своего.

— Ты-то чего ржешь, Скрудж МакДак? — прикрикнул на Маклакова Рыба. Он швырнул в него авторучкой. Сережа весь сжался, прикрывая голову руками. Ручка отскочила от его плеча и покатила по полу.

— Ручку принес, быстро!

Сережа побежал за ручкой и вернул ее Рыбе. Идя к своему месту, он изо всех сил пытался встретиться взглядом со мной или с Борей. Взгляд его говорил: «Вот какие они уроды, да?» Но Боря разглядывал испачканный кровью платок, а я не собирался поддерживать Сережу. К тому же я пытался поочередно встретиться взглядом с тремя

людьми. Сначала — с Петей. Я хотел спросить его: «Ну и где ты был?» Но Петя сделал вид, будто всецело поглощен чтением учебника.

Мой второй взгляд был адресован Жанне. И в этом взгляде другой вопрос: «Как выглядел мой поступок для тебя?» Но Жанна смотрела не на меня, а на Боря.

И мой третий взгляд — в сторону Маши. «Все ли я правильно сделал?» Она кивнула и улыбнулась. На душе стало немного теплее.

— Свертываемость крови! — Боря, забывшись, снова заговорил громко, на весь класс. — Поистине великолепное свойство человеческого организма!

Наконец, в классе появилась Софья Николаевна. Эту симпатичную молодую учительницу любили все без исключения. Как будто солнце заглянуло в класс.

— Здравствуйте! — мелодичным голосом произнесла Софья Николаевна. — Садитесь, пожалуйста.

Рыба и Семен пристально смотрели в мою сторону. Я занервничал, ожидая какой-нибудь каверзы, но потом понял причину их внимания. Они ждали, что мы станем жаловаться. Только вот Боря, кажется, был с головой поглощен своими занимательными опытами с кровью, а я не собирался «стучать», поскольку почти не пострадал. Да и вообще, от этих жалоб только хуже.

— Так, у нас тут новенький, как я вижу, — заметила Софья Николаевна. — Боря Брик, правильно?

Боря вскочил, как подброшенный пружиной.

— Вы абсолютно правы! Борис Брик, очень приятно.

— Ну, а я — Софья Николаевна, — засмеялась учительница. — Взаимно приятно. Садись!

Боря сел. Ученики заметно оживились, принялись шептаться и хихикать.

— Итак, Боря, в твоей прежней школе вы на каком произведении остановились?

— К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос, — развел руками Боря. — Я много болел и почти не посещал уроки. К тому же, после автокатастрофы, в которой погиб мой отец, у меня наблюдаются пробелы в памяти, вызванные, отчасти, посттравматическим шоком, а отчасти — глубоким психологическим потрясением. Тем не менее, сейчас я полностью готов к восприятию любой новой информации.

Софья Николаевна растерялась.

— Мне так жаль, — сказала она, собираясь с мыслями. — Да, жизнь порой неоправданно жестока. Что ж, я не буду давить. Мы просто начнем изучать новый материал, а если тебе будет что-то непонятно, захочется что-то обсудить, то ты подойди после урока, хорошо?

— Хорошо, — кивнул Боря.

— Кстати, у нас в школе действует литературный клуб, по средам в четыре часа. Ты любишь читать?

— Я много читаю.

— Вот и хорошо. Приходи! Заседания веду я. Будет очень интересно. Ты, Дима, кстати, тоже мог бы прийти. Раньше ходил ведь.

— Подумаю, — буркнул я.

Этот литературный клуб — настоящее проклятие. Конечно, мне было там интересно. Но я не видел никаких перспектив у этого увлечения. Чтение, на мой взгляд, могло быть приятным времяпрепровождением, к тому же — весьма интимным. Заседания клуба

порождали у меня в сознании диссонанс. С одной стороны, взрослый человек, учитель организовал все это, а значит, есть какой-то смысл. А с другой, чтение так и оставалось способом скоротать часы досуга. Я не видел здесь мостика в будущее. Поэтому, посетив несколько заседаний, перестал на них ходить.

Но сейчас мысли о клубе меня не занимали. Отвлекся я и от Жанны с Петей. Меня беспокоил Брик. Помнится, вчера на алгебре Боря заявил, что перепугался учительницы и не может вспомнить номер своей бывшей школы. Теперь же он рассказывает об автокатастрофе и провалах в памяти. И то и другое — явная ложь. Его лицо не выражало ни страха, ни скорби. Странный — да. Но не сломленный. Такое чувство, будто все происходящее для него — не больше, чем игра.

* * *

Неприятности не заканчивались. Я на каждой перемене видел, как Петя разговаривает с Жанной. Я все ждал, когда же она нахмурится и отойдет от него, но Жанна только смеялась его шуткам. А на большой перемене они и вовсе ушли вместе в столовую.

Боря с аппетитом поглощал принесенные из дома бутерброды.

— Возьми бутерброд, — посоветовал Боря.

— Нет, спасибо.

Я никогда не питался в школе. С детства почему-то так пошло. К столовой у меня было ничем не объяснимое отвращение, а братъ еду из дома не позволяла застенчивость. Нет, вернее взять-то я мог. Даже брал пару раз. Но ел, запершись в кабинке туалета. В этом было мало приятного, и я предпочитал подождать с обедом до конца уроков.

— Это отличная белковая пища! — настаивал Брик.

— Это бутерброд с колбасой.

— И с сыром!

— И с сыром, — признал я.

— Слушай, я тебя опять не понимаю. Ты скрываешь любовь, скрываешь голод... Какой в этом смысл? Поев сейчас, ты освободишь мозг от мыслей о еде и сможешь лучше усвоить новый материал! Кстати, с любовью то же самое. Если бы ты вчера...

Поскольку на нас опять начинали оглядываться, я взял бутерброд, посмотрев при этом на Брика так, что он не стал заканчивать фразу.

— Спасибо, — сказал я сквозь зубы.

— Пожалуйста! — заулыбался Брик. — Кстати, можешь сегодня зайти ко мне опять?

— Что случилось?

Боря понизил голос и наклонился ко мне:

— Мне нужно научиться готовить пищу.

— Чего?

— Я успел изучить только эти бутерброды. А в книгах пишут, что питаться ими всегда — вредно для организма. Мое тело и так норовит умереть при каждом удобном случае! Дома есть какие-то продукты, но с ними нужно что-то сделать.

— Господи боже, а мама-то тебе на что? — Мне не хотелось никуда идти после уроков. Хотелось прийти домой и молча страдать, вызывая в памяти лицо Жанны.

— Маму я убил, я ведь говорил об этом, — напомнил Брик.

Я поморщился.

— Блин, Боря, перестань так говорить, у меня мурашки по коже. Я не очень-то хорошо готовлю. Суп устроит?

— Суп — да. Читал, что горячая жидкая пища очень полезна.

Я не мог долго концентрироваться на рассуждениях Брика о вкусной и здоровой пище. Немного успокоиться получилось лишь когда Жанна вернулась в класс, и они с Петей уселись за разные парты. Почему-то я считал, что пока они не сели вместе — все не серьезно.

На физике Боря вновь завладел вниманием класса. Анна Федоровна рассказывала о переменном токе, и Боря, раскрыв рот, слушал ее. Когда же с теорией было покончено, он поднял руку.

— Да, Боря? — указала на него Анна Федоровна.

Брик встал.

— Вы хотите сказать, что в проводах реально все это происходит? — спросил он.

Я покраснел и уставился в парту. Почему мне стыдно за его нелепость? Это, что ли, называется дружбой?

— В смысле? — растерялась Анна Федоровна. — Конечно! Я весь урок об этом говорю!

— То есть, даже в такой плотной материи, как медный провод, действительно с огромной скоростью перемещаются электроны?

— Замолчи! — шипел я, что есть мочи, но Брик только отмахнулся от меня.

— Боря, ты издеваешься? — вздохнула Анна Федоровна.

— Нет, почему вы так думаете?

— Да, Боря, все так и есть.

— Но ведь любое движение само собой порождает энергию, насколько я успел усвоить. Значит, движение электронов, помимо того, что оно является электрической энергией, должно вырабатывать еще какую-то сопутствующую энергию.

Лицо Анны Федоровны просветлело.

— Ты совершенно прав! — Она повернулась к доске и принялась чертить какие-то завитки. — Эта энергия называется индукционной. Схематически ее можно изобразить как спираль, на всем протяжении проводника.

— И она никак не используется?!

— В бытовых условиях — нет.

— Это ведь потери большого количества энергоресурсов!

К этому моменту я уже перестал стыдиться. Брик не выглядел дурачком, задающим глупые вопросы. Я смотрел на него с удивлением.

— В общем, да, — признала учительница. — Но современное развитие науки не позволяет ее использовать.

— Не могу поверить. Вы можете зафиксировать эту энергию, но не можете использовать?

— Ее используют, но не настолько широко...

— Зря.

— Боря, извини, конечно, но я не отвечаю за практическое использование энергии, — съязвила Анна Федоровна. — Моя задача — объяснить вам принцип действия. А уж движение вперед науки и техники — ваша забота. Вы молодые, амбициозные — вам и карты в руки. Садись.

Боря просто рухнул на место. На его лице появилось такое выражение, будто он внезапно узнал, что окружающий мир — матрица, а на самом деле человечество давно порабощено машинами.

* * *

Я стоял на крыльце школы и провожал их взглядом. Жанна и Петя. Он держал ее за руку и тархтел о чем-то без передышки. «Вот и все, — сказал я себе. — Конец истории, у которой и начала-то не было».

— Мерзкий тип, да?

Я вздрогнул и увидел рядом Брика. Он тоже смотрел вслед этой паре.

— Тебе-то что? — скривился я.

— Мне — ничего. Просто он, очевидно, тебе не нравится. Ну что, пойдём?

— Куда?

— Готовить суп!

— А, точно...

Дома у Бори стало гораздо чище. Он разобрал некоторые коробки, а остальные распихал по углам, чтобы не мешались. В холодильнике у него я обнаружил курицу, немного картофеля, морковь и лук.

— Порежешь лук? — спросил я, разбираясь с устройством плиты.

— Конечно. Попролам?

— Нет, мелкими кубиками. Сначала почисти, потом режь. Возьми доску.

Я занялся морковью. Почистил несколько штук и принялся тереть их на терке. А интересно, что сейчас делают Жанна с Петей, пока я готовлю Брику суп?

— Кстати, не расскажешь, что там у тебя с мамой? — спросил я, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

Вместо ответа Боря всхлипнул. У меня рука остановилась, сжимая морковку. Неужели он плачет?

— У меня нет мамы, — пробормотал Брик, вытирая слезы рукавом.

— Она... умерла?

— Нет. Она... Господи, да что это такое!

Боря бросил нож и отскочил от стола. Уставился на меня покрасневшими глазами.

— Ты хочешь меня убить? — крикнул он. — За что? Я ведь ничего плохого тебе не сделал!

— Я? Убить? Борь, ты рехнулся? — Я не знал, что и думать.

— Не надо прикидываться! Что ты используешь, как это называется? Нервно-паралитический газ? «Сыворотка правды»? Чего тебе нужно? Не денег ведь! Хочешь узнать правду, да? Я ведь обещал рассказать, зачем ты так?

Он остервенело тер глаза, как маленький мальчик. Мой взгляд упал на разделочную доску с порубленной в кашу луковицей. И тут до меня дошло.

— Боря, это лук, — сказал я.

— Спасибо, мы знакомы!

— Нет, я не об этом. Лук щиплет глаза. Когда его режешь, он выпускает какой-то сок или типа того. От этого глаза слезятся.

Боря замер, глядя на меня.

— Ты хочешь сказать, что это все от лука?

— Ну да. А ты думал?

— Не важно. Но какой ужасный фрукт!

— Это овощ. Наверное. Не такой уж он и страшный, просто щиплет глаза. Зато в нем много витаминов. Отец зимой заставляет меня по целой луковице в день съесть, для укрепления организма.

Боря с опаской посмотрел на луковое месиво.

— И что мы с ним будем делать?

Я посмотрел на сковородку. Масло уже начинало шипеть. Я забрал со стола доску и осторожно пересыпал лук. Потом стал быстро дошинковывать морковь.

— Почисти штук пять картофелин, — велел я Брику.

Он безропотно принялся за дело. В его молчании мне виделось что-то странное. Маленький Принц явно хранил тайну.

— Так ты не ответил насчет мамы, — напомнил я. — Что с ней случилось?

Брик подумал над моим вопросом несколько секунд. За это время он дочистил первую картофелину и взялся за вторую.

— У меня нет мамы, — наконец, отозвался он.

— Она умерла?

— Нет. У меня ее вообще не было никогда. Меня создали в лаборатории искусственным путем. Вся моя жизнь, сколько я ее помню — череда бесконечных опытов и исследований.

Я пересыпал на сковородку морковь и смешал ее с луком. Вода в кастрюле начинала закипать, и я схватил курицу. Нельзя было терять ни секунды. Суп — это гонка с плитой, в которой нельзя проиграть.

— А потом ты сбежал из лаборатории и решил укрыться в маленьком поселке, смешаться с толпой? — подсказал я Брику.

— Да. Предсказуемо, правда?

— Вполне. Ты теперь поможешь мне завоевать сердце Жанны, побить Петю и Рыбу в честном бою и с отличием сдать выпускные экзамены. Но где-то в процессе твои создатели объявятся здесь, и мы начнем изобретать хитрые планы, укрывая тебя от них. Наконец, они поймут, что ты — простой ребенок и тебе нужны не лабораторные условия, а настоящая жизнь.

— Вполне возможно, что так и получится, — невозмутимо отозвался Брик. — Ну, теперь твоя очередь.

— А? — я оторвался от препарирования куриной тушки.

— Расскажи про Жанну, про любовь. Ты же обещал.

— Да, точно. Что ж, сдержу обещание. Видишь ли, Жанна на самом деле моя мать. Я прилетел сюда из будущего, чтобы спасти ее от пришельцев. Понятия не имею, зачем она сдалась пришельцам, но они за ней охотятся. Сперва я принял тебя за одного из них и применил луковую бомбу замедленного действия. Но теперь, когда ты все объяснил, я нейтрализую лук. Надеюсь, ты мне поможешь в борьбе с пришельцами?

Мы стояли посреди кухни, глядя друг на друга.

— Ты врешь! — воскликнул Брик.

— Как и ты.

— Как ты догадался?

— Фотография в комнате, где ты с мамой. И потом, я тоже иногда смотрю фантастические фильмы.

Боря засмеялся и протянул мне миску с почищенной картошкой.

— Извини, — сказал он. — Я никак не могу решиться доверять тебе.

— Я думал, мы друзья.

Я порезал картошку и высыпал ее вместе с курицей в кастрюлю. Добавил поджарку, посолил и накрыл крышкой.

— Теперь остается ждать, — сказал я, споласкивая руки. — Наверное, я пойду домой.

— Подожди! — Брик вцепился мне в рукав. — Это иррационально, но я чувствую, что ты обижен.

— Боря, понимаешь, я даже не обижен. Я просто ничего не понимаю. Таких странных людей, как ты, я еще не встречал. Мне кажется, что ты просто сумасшедший, вот и все. Честно говоря, мне немного не по себе.

«Немного» — это еще слабо сказано. Мне было жутко находиться рядом с Бриком в этом расположенном на отшибе домике. Что если он сейчас схватит нож и бросится на меня?

— Присядь, — попросил Брик. — Я расскажу правду.

Говорят, с сумасшедшими опасно спорить. Поэтому я сделал так, как он сказал. Выслушаю очередную байку, кивну с умным видом и уйду домой. Больше он меня сюда не затянет.

— Я не Брик, — сказал он, стоя у окна, вполоборота ко мне. — Вернее, Брик — это не я. А я являюсь сейчас неким смещением Брика и себя.

— Понимаю, — кивнул я.

— Не понимаешь. Просто не хочешь спорить и задавать вопросы. Ты хочешь скорее уйти домой. Что ж, я не буду тебя задерживать. Просто ты согласился быть моим другом, помогать мне, а теперь бежишь. Ладно, иди. Спасибо за то, что помогал. Попробую найти другого друга.

Может, он и был сумасшедшим, но его слова задели меня. В них звучали настоящие грусть и разочарование. Я посмотрел в сторону выхода. Потом перевел взгляд на прыгающую крышку кастрюли. Встал, помешал начинавшее вкусно пахнуть варево, попробовал на соль.

— Расскажи. Я попробую поверить.

Брик кивнул. Его поза не изменилась.

— Я сильно пострадал. Меня практически уничтожили. Обычно в таких ситуациях ничего уже не сделать, но мне нельзя было погибать. Поэтому я пошел на отчаянный шаг, дававший крошечную надежду на спасение. Я вселился в мозг первого попавшегося человека. Им оказался Борис Брик. Здесь я пробуду до тех пор, пока процесс восстановления не завершится.

Он говорил иначе, чем когда пытался обмануть меня. Каждое слово рождалось с трудом, будто ему не хотелось говорить.

— Так все-таки, кто ты? Призрак?

Брик покачал головой.

— Нет. Призрак — это производное от человека. Если, конечно, призраки вообще существуют. Я не имею к людям никакого отношения. Учитывая мое состояние, я сейчас сам не могу толком понять, кто я такой. Я рассказал тебе практически все, что помню. Бесконечная черная Вселенная, и что-то еще более черное, стремящееся лишь разрушать,

убивать. Кажется, я был не один. Но меня отрезали от остальных, расщепили мою сущность. Потом — вспышка света и бегство. Я бежал в никуда. И когда очнулся, то уже был Бриком. Веришь?

Я помешивал суп. Боковым зрением я отметил, что Брик повернулся ко мне и внимательно смотрит.

— Не знаю. Не похоже, чтобы ты врал. Во всяком случае, я верю, что ты в это веришь.

Он улыбнулся. Его лицо выражало облегчение.

— Это хорошо. Спасибо, Дима. Обещаю больше никогда тебе не врать.

Суп сварился, и Брик предложил мне остаться на обед. Я согласился, потому что успел зверски проголодаться. Когда мы съели по две тарелки, я спросил:

— Ты не думал обратиться к специалистам?

— А что, у вас есть специалисты по таким ситуациям?

— Можно и так сказать. Я про врачей, психиатров.

Сказав это, я сразу же прикусил язык. Ну вот, сейчас он взбесится, закричит, что я держу его за психа... Но Брик только покачал головой.

— Психиатр мне не поможет. Пожалуй, только навредит, если сумеет заглушить ту часть, которая все еще принадлежит мне. От этого выиграет только Брик.

— Ну, в этом будет какая-то справедливость.

— В смысле?

— Брик вернет свое тело. Ты ведь не спрашивал разрешения, отбирая его.

— Нет, этого нельзя допустить! — он стукнул кулаком по столу. — Я не должен погибнуть. Если я погибну, Разрушители победят.

— Кто?

Взгляд Брика расфокусировался. Он сидел, приоткрыв рот, и смотрел в пустоту.

— Не знаю, — сказал он. — Только сейчас вспомнил. Разрушители... Они не должны победить.

Боря начал клевать носом. Почти уснув, он вдруг тряхнул головой и вскочил.

— Проклятье! — воскликнул он. — Как я могу что-то вспомнить, находясь в этом теле? Оно столько всего требует и все равно не работает так, как нужно. Я что-то упускаю...

— Слушай, — сказал я, глядя на темнеющее небо за окном, — мне пора домой.

— Но ты мне поверил, да?

— Поверил. До завтра, Боря. Или как там тебя зовут.

— У меня нет имени, зови так.

— Хорошо. Пока!

Идя домой, я размышлял о словах Брика и ловил себя на мысли, что действительно верил ему. Никакого рационального зерна в этой вере не было. Просто, несмотря ни на что, мне хотелось верить, что даже в моей жизни может случиться что-нибудь фантастическое, выходящее из ряда вон. Я хотел ощутить себя причастным к некой глобальной тайне, пусть даже она не касается меня напрямую. И еще мне не хотелось терять друга.

* * *

Мать уже вернулась с работы, когда я пришел домой.

— Ты где так долго? — прокричала она из-за плиты.

Я скинул обувь, повесил куртку на крючок и прошел в кухню. Еще в коридоре мир казался мне огромным, вмещающим и любовь, и боль, и тайну. Но когда я оказался в тесной кухонке, мир сжался до ее размеров.

— Был у друга, — сказал я.

— Мог бы и ужин приготовить, чем по друзьям шляться, — проворчала мама. — Как в школе?

Я задумался на секунду. Всего лишь одну секунду я размышлял о том, чтобы рассказать маме про Жанну, про Брика. Объяснить, что тревожит меня изо дня в день, раскрыть душу и попросить совета. Но маме оказалось достаточно и секунды, чтобы воздвигнуть между нами стену:

— Чего наполучал?

— Ничего, — тихо сказал я, уставившись на пол.

— Как «ничего»?

— Ну так, ничего. Не спрашивали.

— А. Ну, ясно. Иди, уроки делай. Позову к ужину.

Ужин, уроки, болтовня ни о чем с родителями — все было как обычно. Уже лежа в кровати, готовый заснуть, я вспомнил, что Брик так и не рассказал ничего о матери. Ну, кроме того нелепого заявления, что он ее убил. С этой мыслью я и заснул.

Глава 3

Частные уроки

— Привет! — вырвал меня из задумчивости знакомый голос.

Я поднял голову, и сердце замерло. Жанна стояла рядом с моей партой, смотрела на меня своими ярко-синими глазами и улыбалась.

— Привет, — шепнул я, потеряв власть над голосом. В который раз она заговорила со мной? Кажется... в первый.

— Как дела? — Жанна то ли не замечала моего смущения, то ли попросту игнорировала его.

— Нормально... А у тебя?

— Так себе, — она поморщилась. — Слушай, хотела попросить об одолжении.

— Да, конечно! — воскликнул я, наверное, даже громче, чем следовало.

Жанна от неожиданности моргнула, потом опять улыбнулась. Только ее улыбка уже не казалась такой беззаботной.

— Ты прямо так сразу соглашаешься?

— Ну... а чего ты хочешь? — совершенно смутился я.

Она вздохнула и провела рукой по волосам, отбрасывая с лица самые непослушные пряди.

— Понимаешь, я тут на контрольной схватила «двойку». Училка хочет ко мне кого-то «прикрепить». Ну, как у пионеров. Чтобы, типа, помог подтянуться и так далее. В общем, я не хочу, чтобы меня муштровал какой-нибудь нудный ботан, типа Дрокина. А с Ленкой Сайко мы поссорились. Ты же, вроде, в геометрии соображаешь?

Я не раздумывал ни секунды. Если бы она спросила, разбираюсь ли я в устройстве фотонных двигателей, ответ был бы таким же:

— Да!

— Круто. Так ты не против? Зайдешь ко мне пару раз на часик после уроков?

— Нет-нет, конечно, не против!

— Чудненько. Буду должна. Сегодня тогда скажу Михайловне, что ты со мной занимаешься.

Этого момента мне бы хватило на всю оставшуюся жизнь. В свой внутренний словарь я поместил бы его в качестве иллюстрации к слову «счастье». Да, меня просто цинично используют. Да, ей на самом деле плевать на меня. Но какая разница? Ведь я буду находиться рядом с ней как минимум два часа! Она же так сказала: «пару раз на часик»! И попросила она не Петю, а меня!

Подумав о Пете, я посмотрел в его сторону и содрогнулся: он, усмехаясь, глядел на меня. Тут же возникла параноидальная мысль: а что если они вдвоем просто хотят меня высмеять?

Жанна уже отошла от моей парты, но внезапно вернулась. Села напротив, развернув стул, и уставилась на меня.

— Ты же не думаешь, что я тебя использую? — спросила она.

— Что? — Я покраснел. Она будто прочитала мои мысли. — Нет, конечно!

— Да ладно тебе. — Жанна внезапно стала грустной. — Наверное, я не так начала разговор. Может, и не стоило его начинать.

— Ну почему же? — Теперь я изо всех сил старался переубедить ее. — Мне вовсе не сложно, я с удовольствием...

— В том-то и проблема.

Как будто бревном по голове огрели. Я сижу в абсолютном вакууме и все, что вижу — эти пронзительно-синие глаза.

— Ты когда-нибудь видел мою маму?

Я покачал головой. Отца — видел, да. А вот мама, кажется, в школе не появлялась.

— Знаешь, почему? — напирала Жанна.

— Почему?

— Потому что у нее нет на меня времени. Где она сейчас — я не знаю. Дома уже две недели не появляется. И это вполне нормально. Даже отец привык, хотя, когда я маленькой была, они постоянно ссорились по этому поводу.

Я никак не мог понять, что она пытается до меня донести. Мать, отец... К чему это все?

— Я такая же, понимаешь? — Жанна внимательно смотрела мне в глаза. — Если ты захочешь помочь мне, потому что... Ну, ты понял. Тогда все закончится плохо, ведь меня не удержишь. Может, не стоит начинать? Извини, что я думаю об этом только теперь, когда уже подошла к тебе. Но я вообще всегда сначала делаю, а уже потом думаю.

— Любопытно! — Как ножом по стеклу визгнул этот голос.

Мы с Жанной одновременно вздрогнули. Ни я, ни она не заметили, как рядом оказался Брик. Он же, не смущаясь, продолжил:

— А тебе это нравится?

— Что «это»? — переспросила Жанна. В ее голосе сквозило раздражение.

— Такая жизнь. Постоянное стремление к новому, нежелание ни на чем останавливаться.

Жанна пожала плечами. Кажется, ей становилось скучно, и я страдал, принимая это на свой счет. К тому же, я злился на Брика за то, что он испортил наш первый серьезный разговор, перетянув одеяло на себя.

— Когда как, — ответила Жанна, глядя в окно. — В основном — нравится. Но иногда очень устаешь, хочется дома и уюта. Правда, это не так часто случается, к сожалению.

— Все равно ведь понимаешь, что поступаешь правильно, — поддержал ее Брик. — Что ничто не заменит этого удовольствия — каждый день окунаться во что-то новое, неизведанное. Понимаешь, что это и есть жизнь!

— Ну да, именно так. — Жанна улыбнулась ему, не догадываясь, что мое сердце обливается кровью.

— Что последнее ты узнала?

— Что, прости? — Жанна наморщила лоб.

— Из всех вещей, которые ты познала, какая была последней?

Жанна на мгновение задумалась, а потом на ее лице появилось мечтательное выражение.

— Возвращение домой, — сказала она. — Этим всегда все заканчивается, и это — самое прекрасное, что может быть. В конце ты всегда возвращаешься домой.

Она ушла. Я проводил ее взглядом, затаив дыхание.

— На редкость бесполезная девица, — констатировал Брик.

— Чего? — Я повернулся к нему. Только что так мило беседовал с девушкой, которую я люблю, а теперь еще жалуется!

— И за что она тебе нравится? У нее нет ничего, кроме пафоса и эпатажа. Под ними же — маленькая напуганная девочка, которая боится всего нового.

— И с чего ты это взял?

— Она сама только что об этом сказала. Я спросил, что она узнала в своих странствиях, а она рассказала про возвращение домой. Вот и все. Боится ограничить себя четырьмя стенами, а сбежать из них боится еще более. Вся Жанна: непрерывное бегство от себя. «Меня не удержишь» — надо же было такое сказать! Заметь, делала вид, что говорит искренне. На самом же деле ты беседовал с ее маской. Потому что саму ее удержать очень легко. Достаточно только отбросить все то, что она вокруг себя намотала, разбудить в ней страсть к истинному познанию.

Я подавил в себе желание разбить Борису нос. Не в последнюю очередь меня остановило осознание того, что он совершенно не расстроится от этого.

— Вижу, я тебя задел, — заметил Боря. — Извини. Я не испытываю никаких эмоций кроме радости познания и огорчения от отсутствия предмета изучения. То есть, обидеть тебя я не хотел. И к Жанне никаких отрицательных чувств не питаю. Просто она мне безынтересна, вот и все.

— Вот и говори тогда про что-нибудь интересное, — посоветовал я.

— Без проблем. — Боря вытащил из своей ужасной сумки блокнот и раскрыл его. — Я вчера смотрел телевизор и выписывал непонятные слова. Можешь мне объяснить, что такое «чумовая секс-комедия»?

* * *

Боря настоял на том, чтобы мы с ним пошли на заседание литературного клуба. Я долго отказывался, сослался на голод, но хитрый Брик вытащил из сумки гигантский бутерброд и заставил меня его съесть. Пришлось согласиться.

Встречи проводились в том же кабинете, что и занятия по литературе. Софья Николаевна, увидев нас с Борисом, обрадовалась.

— Ну вот, молодцы, что пришли! — сказала она, улыбаясь своей неотразимой улыбкой. — Садитесь!

В клубе были иные порядки. Стремясь уйти от традиционной для урока формы работы, Софья Николаевна просила сдвинуть все парты в угол класса, стулья выстроить полукругом, в центре которого садилась сама. Мне это всегда напоминало киношные сеансы коллективной психотерапии или встречи анонимных алкоголиков.

Кроме нас с Борей на заседание явилось еще четверо человек. Двое из нашего класса: Маша Шибаева и Ирина Ульина. И еще два парня, кажется, из десятого класса. Я их не знал.

В пять минут пятого Софья Николаевна поглядела на часы.

— Ну, больше, наверное, никто не придет, — сказала она. — Давайте начинать!

Меня всегда поражал ее энтузиазм. Пришло всего шесть человек, а она не унывает! Кажется, приди один человек, она и глазом не моргнет.

— Сегодня у нас новенький. — Софья Николаевна посмотрела на Борю. — Его зовут Борис. Остальные более-менее в курсе, но для тебя, Боря, я поясню: в клубе мы говорим с произведениях, не включенных в школьную программу, но, тем не менее, очень интересных. В конце заседания мы обычно решаем, какое произведение будем обсуждать во время

следующей встречи. Я ничего не навязываю, только иногда рекомендую. Вы же совершенно спокойно можете игнорировать мои рекомендации. Обещаю, что на ваши оценки это не повлияет.

Десятиклассники хихикнули, Маша улыбнулась и склонилась над блокнотом. На лице Бори было написано свирепое любопытство.

— Сегодня мы говорим о романе Виктора Гюго «Собор Парижской богородицы», — продолжала Софья Николаевна. — Борис, Дмитрий, вы читали это произведение?

Я отрицательно качнул головой, а Боря неожиданно кивнул.

— Хорошо. Боря, я думаю, ты примешь участие в обсуждении. Ну и ты, Дима, наверное, тоже найдешь что сказать. Сюжет-то ведь достаточно известный, сколько фильмов снято. Не говоря уже о знаменитом мюзикле. Кстати, я приготовила вам маленький сюрприз!

Софья Николаевна встала и подошла к стоящему на подоконнике китайскому магнитофончику.

— Вы, наверное, знаете такую группу «Smash»? — спросила она.

Часть аудитории дала понять, что группа ей известна.

— Не так давно я увидела по телевизору клип этой группы. Они исполняют самую известную арию из мюзикла «Нотр дам де Пари». Группа русская, но поют они на французском. На мой вкус — очень красиво получилось. Давайте послушаем!

Она нажала клавишу «Play», и из единственного динамика полились красивые и печальные звуки. Будь на заседании больше людей, неизбежно бы возник шум, обсуждения, смех и прочее. Но сейчас мы просто сидели и внимательно слушали песню с непонятными словами. Только один десятиклассник пытался втайне от всех ковырять в носу.

Когда песня закончилась, Софья Николаевна выключила магнитофон и начала вступительную речь. Она рассказала вкратце о Викторе Гюго, об эпохе романтизма и о выдающейся роли в истории литературы, которую сыграл лучший его роман: «Собор Парижской богородицы».

А потом началось обсуждение. У меня от всех этих Гренгуаров, Фебов и Эсмеральд голова кругом пошла. Произведение на поверку оказалось сложнее, чем я предполагал. Речь, оказывается, вовсе не шла о любви несчастного уродца Квазимодо и красавицы Эсмеральды. Вернее, это была далеко не единственная сюжетная линия романа. Я поставил себе мысленную галочку напротив этого романа. Обязательно взять в библиотеке и прочитать!

Боря не принимал участия в обсуждении, но внимательно слушал. Ближе к концу заседания Софья Николаевна обратилась к нему.

— Ну что же ты все молчишь, Боря? Ты давно читал роман?

— Два дня назад, — отозвался Брик.

— Какое великолепное совпадение! Тогда тем более не понимаю причин твоего молчания!

— Дело в том, что у людей многое завязано на чувство общности и эмоции. В частности — на эмоции, испытываемые большинством. Если индивид не разделяет этих эмоций и заявляет об этом, он автоматически становится в оппозицию к большинству, становится объектом негативных эмоций. Общность, в то же время, перестает стремиться к познанию и закичивается на собственных эмоциях, возводя их в абсолют. Поэтому лучше я промолчу.

Не знаю уж, как Софья Николаевна ухитрилась понять слова Бори. Наверно, взрослый человек все же может быть умнее подростка. Во всяком случае, она не потеряла достоинства и спросила:

— Ты хочешь сказать, что твоя трактовка романа не совпадает с нашей?

— Именно так.

— Это прекрасно, Борис. Ведь суть клуба — ведение дискуссий. Если ты можешь показать нам другую сторону этого произведения, мы будем только рады. Конечно, мы с тобой поспорим, но ни о каких негативных эмоциях не может быть и речи.

Боря долго смотрел на нее, словно оценивая. Потом пожал плечами.

— Кажется, вы понимаете, о чем говорите. Я могу воспользоваться доской?

— Конечно, ради бога.

— Отлично. — Брик подошел к доске и взял мел. — Итак, начнем с персонажей. Пьер Гренгуар.

Он вывел на доске имя и обвел кружочком.

— Бездарный литератор, отвергнутый обществом. Не осуществляет никаких попыток добиться совершенства в избранной стезе. Становится асоциальным элементом. Несостоятелен на всех уровнях. Влюбляется в Эсмеральду, но выражает это лишь желанием вступить с ней в интимный контакт. При первых трудностях отступает. В конечном итоге отдает предпочтение козе, видимо, символизируя абсолютную животную сущность псевдоинтеллигенции.

Заседающие зашумели. Софья Николаевна хранила молчание. Боря продолжал рисовать. На доске уже было немало кружочков, обозначающих персонажей и ключевые события.

— Феб, — говорил Боря. — Самовлюбленный военный. Соблазняет Эсмеральду, не испытывая к ней особых чувств. Никаких планов на дальнейшую совместную жизнь не строит. Женится на другой. Тем не менее, постоянно ставит под удар свою репутацию и даже жизнь ради встреч с ней. Логика в действиях отсутствует. Очевидно, символизирует собой совершенный распад и безумие действующей армии.

Доска уже просто пестрила кружочками. Схема перегоняла произносимые Бриком слова.

— Священник Клод Фролло. Находится в состоянии внутренней борьбы. С одной стороны — навязанная церковная догматика, с другой — животная страсть к Эсмеральде. Со страстью он борется путем умерщвления плоти. В конечном итоге он делает выбор в пользу догматики, при этом идя против нее. Использует клевету, в частности. Эсмеральда погибает при живейшем его участии. Действия священника также не поддаются логическому осмыслению. Единственное объяснение — опять-таки, сумасшествие. Видимо, символизирует собой отмирающие и раздираемые противоречиями церковные устои.

Схема на доске приблизилась к финалу, и, глядя на нее, я вдруг понял, что вижу весь роман, как на ладони. Несколько дней спустя я взял книгу в библиотеке и прочел ее, но не открыл для себя ничего нового. На небольшой доске Боря изобразил все.

— Эсмеральда, — произнес он, постучав мелом по соответствующему кружку. — Камень преткновения для всех персонажей романа. Все персонажи, так или иначе, любят ее, в то время как ничего о ней не знают, видят лишь красивое тело. Ну, некоторые еще замечают козу. Поражает полная алогичность этого персонажа. Ее вырастили бродяги и преступники. В самом начале Эсмеральда и выглядит, как типичный продукт такой среды: хитрая, подозрительная, расчетливая. Но потом она вдруг превращается в изнеженную принцессу, ничего не знающую о жизни вообще. Ее поступки нелепы. Каждое ее действие вступает в противоречие с тем, что она должна из себя представлять. При этом целостной, законченной личности не получается. Ее финальная встреча с матерью не несет никакого

смысла и ничего не меняет. По итогу, в Эсмеральде нет ничего, кроме красивой оболочки.

Тут этот мерзавец посмотрел на меня и подмигнул. Потом добавил:

— Возможно, данный персонаж символизирует абсолютную глупость, нелогичность и обреченность низших классов общества. Кажется, даже для автора она была всего лишь марионеткой, вокруг которой выплясывают все остальные герои. Ну и, наконец, Квазимодо. Моральный и физический урод. Также влюбляется в Эсмеральду. Умудряется подняться до весьма высоких степеней обобщения, предлагая своей избраннице выбор между красивым сосудом с мертвым цветком и некрасивым с живым. Единственное, что мешает Квазимодо стать полноценной движущей силой романа — его искалеченное сознание. Должно быть, символизирует общество, угнетенное отживающим свое авторитетом церкви.

Нина Федоровна уже открыла рот, чтобы сказать что-то, но Боря продолжил:

— Единственный персонаж, заслуживающий безоговорочного уважения — это Тристан-отшельник. Он не поддается эмоциям. Человек знает свое дело и делает его, несмотря ни на что, какое бы безумие ни творилось вокруг. Серьезный и ответственный человек. К сожалению, в художественном мире романа он ничего хорошего не символизирует. Видимо, реакционные силы, которые не желают видеть веяний нового времени.

Боря отвернулся от доски и окинул взглядом присутствующих.

— Теперь в целом о романе, — сказал он. — Возможны две трактовки. Первая. Нелепый роман о нелепой любви, не заслуживающий никакого внимания. Выдает скудоумие и поверхностность автора. И вторая. Сатирический роман о Средневековье. При такой трактовке все события романа должны восприниматься как комические, коими они, по здравом размышлении, и являются. Тем более что автор излагает по большей части в ироническом ключе. На этом у меня все. Пожалуй, больше я ничего не могу сказать по поводу романа Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери».

Боря сел на место. Софья Николаевна еще раз окинула взглядом нарисованную им схему и улыбнулась. Да уж, ее самообладание достойно восхищения.

— Ну, во-первых, Боря, я восхищена. Правда. Так внимательно прочесть роман, сохранить в памяти всю структуру, суметь это проанализировать... Ты просто молодец!

Боря остался равнодушен к похвале. Он, кажется, вообще потерял интерес к происходящему. Теперь он, не скрываясь, изучал взглядом лицо Маши. Она делала вид, что ничего не замечает.

— Но позволь тебе все же возразить, — продолжала Софья Николаевна. — Ты судишь с точки зрения современного читателя. Но ведь роман написан не вчера. Это произведение эпохи романтизма! Тогда общественное сознание было другим. И такая любовь не казалась нелепой. Не было еще понятия о том, что среда формирует человека, не было трудов Маркса и Энгельса, во многом определивших современную структуру общественной мысли. Поэтому целостное восприятие у тебя получилось немного однобоким...

— Мне кажется, вы ошибаетесь, — мягко возразил Боря, переводя взгляд с Маши на Софью Николаевну. — Произведение искусства, возводимое в ранг классического, должно быть универсальным и повествовать о вещах, которые будут понятны и актуальны даже через миллион лет. Об этом написано в нашем учебнике, рекомендованном министерством образования Российской Федерации. Если же роман повествует о таких вещах, которые могут быть интересны только в эпоху, современную ему, то такой текст не может быть классическим, то есть, образцовым. Интерес для современного читателя он представлять не должен. Если же интерес есть — это свидетельствует только о невежественности этого

читателя. Данный роман может быть интересен только в рамках исторической психологии, если, конечно, такая дисциплина существует.

— Существует, — кивнула Софья Николаевна. — Культурно-историческая психология, эту дисциплину основал Лев Выготский. Я рассказывала о его деятельности на уроках русского языка.

— Как документ, отражающий общественную мысль определенной эпохи — роман, безусловно, являет собой ценность, — продолжал Боря. — Но для нынешней общественной мысли он попросту вреден и не несет ничего положительного. Кроме того, я ставлю под сомнение изначальный тезис о подобном застое в общественной мысли эпохи романтизма. Как я понимаю, это конец восемнадцатого — начало девятнадцатого века. Кажется, в это время развитие общества шло весьма бодрыми темпами. Чего не скажешь об описываемой в романе эпохе. Будь «Собор» написан в Средние века, это был бы мощный удар по церкви, пресекающей все поползновения к развитию. Но даже в восемнадцатом веке это уже анахронизм. Эти ваши «романтики», видимо, не были в большинстве. Скорее всего, речь идет о сравнительно небольшой группе людей, боящихся новых знаний и стремящихся насадить культ эмоций. Это чувствуется в романе. Единственный персонаж, действующий сообразно логике — явно отрицательный.

Софья Николаевна посмотрела на часы.

— Как мы засиделись! Уже почти шесть! — воскликнула она. — Так, ребята, пора закругляться. Боря, я поняла твою мысль. Не думай, что я уйду от дискуссии. Просто твой уровень подготовки меня действительно поразил. Надеюсь увидеть тебя здесь через неделю. Может быть, я даже найду, что тебе возразить. А теперь давайте быстренько решим, какое произведение мы разберем на следующем заседании. Ну? Кто хочет?

Все, включая и Машу, молча покосились на Борю. Я внезапно понял причину их замешательства. Этот человек только что разнес в пух и прах произведение, которое они с таким восторгом читали. Причем, возразить ему толком не смогла даже Софья Николаевна. Кому же захочется отдать на съедение этому монстру еще одну дорогую сердцу книгу?

Я фыркнул, осененный этой догадкой. Софья Николаевна обратилась ко мне.

— Дима? Может, ты? Есть книга, которую тебе бы хотелось обсудить с нами?

— Пожалуй, — я улыбнулся. — Может быть, роман Олдоса Хаксли «О, дивный новый мир»?

— А что? По-моему, отличная идея! — просияла Софья Николаевна. — Вы не возражаете?

Никто не возразил. Вяло записали в блокноты название произведения.

— В таком случае, на этом все. До новых встреч, ребята. Мальчики, помогите мне расставить парты?

Пока мы таскали парты, я заметил, что Брик явно выбился из сил. Он тяжело дышал, еле отрывал парту от пола и несколько раз чуть не упал. Десятиклашки хихикали, глядя на него, и я поневоле почувствовал превосходство. В кой-то веки объектом насмешек оказался не я.

Когда мы вышли во двор, Боря внезапно пошатнулся и рухнул на колени. Я помог ему подняться.

— Ты чего? — спросил я.

— Так и не научился толком управляться с этим телом, — проворчал он. — Постоянно норовит умереть. Будто есть какой-то другой режим, на который я не могу переключиться.

Выглядел он, надо сказать, скверно. Бледный, глаза красные. Внезапно я вспомнил, что

и вчера он был немногим лучше. Просто на фоне остальных странностей это не так бросалось в глаза.

— Ну, ты же научишься, да? — спросил я.

— Должен. Учусь. Вроде бы уже легче.

От моей злости на него не осталось и следа. Мне стало стыдно за свои чувства. Да, Брик был бестактным, но ведь это не со зла. К тому же, он, вроде как, не человек и ему многое можно простить.

— Может, зайдешь ко мне? — предложил я. — Выпьем чаю или кофе.

— Пошли. Ты живешь с родителями?

— Ага.

— Не говори им обо мне!

— Я понимаю.

— Да, прости... В голове все как-то путается...

— Немудрено. — Я поддерживал его под руку, надеясь, что никто этого не увидит. — Скажи, где ты успел столько всего узнать о литературе и истории? Ты же тут... Кстати, когда ты появился?

— В пятницу. Мы переехали в этот дом в пятницу. С тех пор я много читал. У меня было много разных книг. Я прочитал все.

— Ясно.

— В последнее время читать было тяжело. Тело пытается умереть, когда я читаю.

Я остановился, осененный внезапной догадкой. Повернулся к Брику.

— Боря, а ты вообще спишь?

— Что значит «спишь»?

— Ну, чем ты ночью занимаешься?

— Читаю. Вчерашней ночью я смотрел телевизор, потому что книги закончились. Там очень мало информации. Книги лучше. Нужно достать еще книг, и я многое узнаю.

— То есть, ты уже пять дней не спишь?

— Слушай, я не понимаю, о чем ты! — Брик начал раздражаться. Как в тот раз, когда его «атаковал» лук.

— Неужели в книгах ты не встречал такого? — удивился я. — Люди спят, ложатся спать, засыпают. Уснули, заснули. Сон!

— Встречал. — Брик пожал плечами. — Так и не понял, что это за штука. Понятно, что сон — это какое-то бесполезное состояние, в котором человек не может думать и становится уязвимым для врагов.

Если у меня к этому моменту сохранились какие-либо сомнения, то теперь их не стало. Брик явно не валял дурака. Псих он, или какая-то внеземная сущность, но ему точно нужна моя помощь.

— Сон — это необходимо, — объяснил я. — Если ты не будешь спать, то твое тело реально умрет. То, что ты сейчас чувствуешь — это желание спать. Твое тело не умирает, оно просто хочет отдохнуть. Твой мозг хочет отдохнуть.

Боря задумался.

— Значит, если я позволю сознанию отключиться, я не умру? — спросил он.

— Нет.

— Ты можешь дать гарантию, что, уснув, я не потеряю это тело?

— Не могу. Но могу дать гарантию, что если ты не уснешь, то потеряешь это тело.

Брик, очевидно, взвешивал ситуацию. Наконец, он принял решение:

— Ладно. Пошли к тебе. Научи меня спать.

* * *

К счастью, дома никого не было. Мама, видимо, задержалась на работе, а отец редко возвращался раньше восьми. Я провел Бориса в свою комнату и уложил на кровать.

— Что я должен делать? — пробормотал он, с трудом разлепляя веки.

— Перестань концентрироваться. Полностью расслабься. Закрой глаза и не думай ни о чем.

Он вздохнул. Веки его спокойно сомкнулись.

— Если я «вылечу», — чуть слышно сказал он, — мир уничтожит себя...

Я подождал несколько минут.

— Боря?

Он молчал. Поразительно. Я когда-то пытался не спать целую ночь, но все же вырубился около четырех утра. Потом весь день ходил, как зомби, ничего не соображая. А он на ногах пять дней подряд, при этом постоянно что-то изучает, читает, спорит с учителями...

В замке повернулся ключ. Я поспешно вышел из комнаты и прикрыл дверь. Во входную тем временем постучали — я закрыл ее на задвижку.

— Иду-иду!

Мама с порога потянула ноздрями воздух и вздохнула. Я ощутил укол совести: опять ничего не приготовил.

— Я сам только что пришел, — сказал я, оправдываясь. — Был на заседании литературного клуба.

— Ты же вроде перестал туда ходить, — проворчала мама.

— Ну вот, начал.

— Ясно. Вместо того чтобы учебой заниматься, опять развлекаешься...

— Мам, ну это тоже важно...

— Чем? Нет такой профессии: «читатель», понимаешь? Нету!

— Может, я писателем буду, — улыбнулся я.

Мама не ответила на улыбку.

— И такой профессии тоже нету. Вот выучишься, устроишься на хорошую работу — тогда пожалуйста. Читай в свободное время, пиши. А пока тебе в первую очередь учиться надо.

Мы прошли в кухню. Мама устало опустилась на табурет. Я навалил в раковину картошки и принялся ее чистить.

— Я думала, у тебя гости, — сказала мама. — Чьи туфли в прихожей?

— А, да. Это Боря Брик, мой одноклассник, новенький. Ему плохо стало, я привел его домой. Он спит. Ничего, если до утра останется?

— Напился, что ли?

— Нет. Не спал несколько ночей, волновался из-за нового места, учил. Сегодня чуть в обморок не упал.

— Вот! — Мама подняла указательный палец. — Видишь, как люди учатся? Ночами не

спят!

— Мам, перестань! — Я всего лишь пытался выгородить Брика и не ожидал, что мои слова могут быть так восприняты.

— Не перестану! — Мама повысила голос. — Вот начнешь своим умом жить — тогда вспомнишь мои слова, и не раз. Как в школе у тебя?

— Да нормально. Как обычно.

— Чего напел?

Глава 4

Преступление Маленького Принца

На следующий день мы с Бриком шли в школу вместе.

— Нормально выспался? — поинтересовался я.

— Такое чувство, как будто я заново родился! — воскликнул Брик. — Потрясающее чувство. Этим можно заниматься ежедневно?

На нас начали коситься прохожие. Я стиснул зубы и прошипел:

— Заткнись!

— В чем дело? — удивился Брик.

— В тебе. Ты можешь говорить тихо?

— Могу, — он понизил голос. — Что было не так в моих словах?

Я вздохнул.

— Все не так в твоих словах. Знаешь, есть вещи, которые я не смогу тебе объяснить. Они не объясняются. Но если ты чего-то не знаешь, то спрашивай тихо, чтобы остальные этого не слышали.

Брик некоторое время шел молча и только перед самой школой подал голос:

— Трусливые вы все тут. Скучно.

Я не ответил. Снова думал о Жанне, гадал, подтвердит ли она свое приглашение. И чем оно для меня обернется?

Перед уроком ко мне вдруг подошла Маша.

— Есть минутка? — спросила она.

Мы отошли к дальнему подоконнику. Я был немного шокирован: вторая девушка за одну неделю хочет со мной поговорить.

— Что случилось? — полюбопытствовал я.

— Да ничего не случилось, — тихо сказала Маша, водя пальцем по стеклу. — Скажи, а вы подружились с этим Маленьким Принцем?

— С кем?

Она усмехнулась.

— Ну, его так называют. Наверное, потому что он маленький, а осанка и повадки гордые, как у принца.

— А, ты про Брика? — улыбнулся я. С Машей говорить мне было легче, чем с Жанной. Слова привычно рождались сами по себе. — Да, вроде как подружились. Он, конечно, странный...

— Мне кажется, он очень жестокий человек, — оборвала меня Маша.

— Что?

— Просто мои мысли. Тогда, когда Рыбин его бил, мне показалось, что ему действительно плевать. Он даже не воспринял этого. Забыл спустя минуту, если не меньше. И то, как он говорил о своем отце, помнишь? Будто заучил наизусть текст из учебника. Все какие-то термины, определения. Логические выводы. Человек, который так себя ведет — очень жесток.

— К чему ты это все? — я развел руками.

— К тому, что мне страшно.

— Ты боишься Брика?

— Я — нет. Я за тебя боюсь.

Тут она посмотрела мне в глаза, и я вздрогнул. Внимание противоположного пола было мне все же в новинку.

— Ну, со мной-то все в порядке будет.

— Ты бы не зарекался, — Маша вернулась к своим невидимым узорам на стекле. — Заметь, Рыбин к нему теперь на пушечный выстрел не подходит, хотя он и тупой, как бревно. Просто, как зверь, чувствует, что не на того прыгнул. И хвост поджал.

— Не скажу, что очень жаль, — признался я. — От меня Рыбин тоже отстал.

— Это потому что ты с ним всегда. Как бы под его защитой. Не думаю, что это хорошо.

В поселке разное говорят...

— Что говорят?

— Ну, ты, к примеру, знаешь, где мать Брика? Ее видели в прошлые выходные. Говорят, жизнерадостная, общительная женщина. А потом она перестала выходить. Ты был дома у Принца?

— Был.

— Видел его мать?

— Нет, не видел. И...

«Я убил свою мать», — вспомнил я слова Бори и содрогнулся.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что это очень странный и опасный человек. И на твоём месте я бы с ним так сильно не сближалась.

Мы немного помолчали, игнорируя неизбежные в подобных ситуациях выкрики от заходящих в класс оригиналов. «Жених и невеста» и тому подобное. Я, тем не менее, косился на дверь. Не хотелось, чтобы Жанна заметила мое «предательство».

— Слушай, а почему ты обо мне так беспокоишься? — спросил я.

Маша улыбнулась.

— Ну, знаешь, иногда взглядом всего не скажешь.

— Ты о чем?

— Можно подумать, ты не заметил, как мы с тобой «общались» последние два года.

— Заметил. Но я думал, что фантазирую.

— Когда я пришла в школу впервые после смерти мамы, меня все бросились утешать. Я смотрела в их глаза и видела либо страх, либо жалость, как к мокрому котенку посреди дороги. Настя из кожи вон лезла, что-то говорила, говорила, а я видела только пустоту. Хотелось растолкать их всех, убежать и никогда не возвращаться в это место. И вдруг я поймала твой взгляд. Ты не подошел ко мне, ничего не сказал. Но когда я посмотрела тебе в глаза, то мне внезапно стало легче. Я подумала: «Он понимает не только то, что я пережила, но и то, что я переживаю сейчас». Одним своим взглядом ты изменил мою жизнь. Я могла сойти с ума от горя, покончить с собой или перевестись в другую школу. Но я осталась, смирилась. Благодаря тебе. У тебя огромная душа. Не подумай, что я в любви тебе признаюсь, просто говорю, как есть. Ты хороший человек, Дима, и я очень рада, что ты оказался рядом в нужный момент. Не хочу, чтобы у тебя начались неприятности из-за этого Маленького Принца и...

В этот момент прозвенел звонок. Попрощались мы с Машей старым проверенным способом: взглядами.

— О чем говорили? — любопытствовал Брик.

— О всяком, — рассеянно ответил я. — Кстати, поздравляю. Ты официально вошел в систему. У тебя появилась кличка. Теперь ты — Маленький Принц.

В этот момент в класс зашла Екатерина Михайловна, и начался урок алгебры. Ученики, один за другим, «горели» у доски и садились на место, провожаемые хриплыми воплями Екатерины Михайловны. Я, вцепившись в учебник, как в Писание, молился, чтобы меня не вызвали. А Брик внезапно изменил своему обычному познавательному угару и проигнорировал новый материал. Только учебник раскрыл на нужной странице, но решать уравнения не стал.

— Брик! — Екатерина Михайловна завопила так, что все подпрыгнули. Все, кроме Брика, разумеется. Он спокойно поднял взгляд на учительницу.

— Да?

— Встать, когда к тебе учитель обращается!

Боря поднялся быстро, но без излишней раболепной поспешности.

— Тебе, я смотрю, скучно?

— Нет, несколько. Я изучаю нечто вроде психологии коллективного страха.

— А тебе не кажется, что ты должен изучать сейчас алгебру? — Екатерина Михайловна то ли не поняла сарказма, то ли предпочла не заострять на нем внимания.

— Не вижу в этом ни малейшего смысла. Алгебра, да и вообще математика — вспомогательная наука, не более. Она обретает смысл только в сочетании с другими науками. Физическими преимущественно. Изучение ее разумно строить именно в тесном контакте с естественными дисциплинами.

Если раньше в классе царила мертвая тишина, то сейчас она стала еще более мертвой. Будто все мертвецы ожили в день страшного суда, а потом снова умерли и на этот раз абсолютно. Даже бактерии перестали разлагать плоть и застыли.

— Значит, так, — проскрежетала Екатерина Михайловна. — За урок ты получаешь «кол». Завтра жду в школу твоих родителей.

Брик вздрогнул. Я заметил, как его лицо изменилось. Короткое мгновение Брик выглядел испуганным, но быстро взял себя в руки.

— На основании чего вы ставите мне самую низкую оценку? — спросил он.

— На основании твоих знаний. Которых нет.

— Которые вы не проверили.

— Ах, вот оно как! — Всплеснула руками Екатерина Михайловна. — Ты весь урок балду пинал, а я должна догадаться, что ты прекрасно знаешь материал! Ладно, давай так. К доске, с учебником! Переписывай пример, номер триста семьдесят.

Брик пошел к доске. Я посмотрел на указанный номер и закрыл глаза. Это было уравнение, помеченное звездочкой: особо сложное, для особо увлеченных. Когда-то я пытался решать такие задания, но ни разу не достиг успеха.

Боря быстро переписал пример, потом, не спросившись, прошел к своему месту, положил учебник и вернулся к доске. Ни слова не говоря, поставил после изображенного на доске чудовища знак равенства и принялся писать решение. Все, затаив дыхание, следили за ним. Доска постепенно покрывалась вереницей иксов, игреков, альф и бет. Множились и исчезали скобки. В какой-то момент доска закончилась. Боря на мгновение замер, потрясенный этим неожиданным препятствием, потом взял тряпку, стер исходное уравнение и более мелким почерком продолжил. Аккуратно подчеркнул ответы.

— Не больше чем разминка для мозга, — резюмировал он свои действия. — Ничего

интересного. Простая цепочка логических выводов.

Все ученики, и я в том числе, уставились на Екатерину Михайловну. Чего ждать от этого посрамленного божества? Грома? Молний? Всемирного потопа? Огня и серы?

Екатерина Михайловна поднялась со стула. Медленно повернулась к классу. На ее сморщенном лице не было видно ни тени удивления.

— Знаете, что, — сказала она так тихо, что мы затряслись в предчувствии катастрофы. — Есть такая пословица: «век живи — век учись». Я всю жизнь была строга к ученикам. Но нередко делала и некоторые послабления. Для тех людей, кто искренне говорил: «математика — не мое». Есть люди с гуманитарным складом ума, безусловно. Софья Николаевна, ваш учитель русского и литературы, одна из таких моих бывших учениц. Я в свое время «натянула» ей «четверку» и ни разу об этом не пожалела. Она своего добилась, математика ей действительно не нужна. Но вот теперь я поняла, что больше таких послаблений не будет. Когда человек, которому математика не интересна, выходит и решает такое уравнение, которое даже те из вас, кто метит в программисты, решить не может, я считаю, опускать планку просто нелепо! Вы у меня еще вззоете! Брик, садись. «Пять» с плюсом. Не запускай!

— Поздравляю, Маленький Принц, — шепнул я Боре, когда он сел на место, провожаемый яростным взглядом Пети, мечтающего о карьере программиста. — Теперь тебя все будут ненавидеть.

— Почему? — так же шепотом ответил он.

— Потому что из-за тебя со всех будут больше спрашивать.

— Ну и хорошо. Будет сильнее стимул к познанию. Даже такой ерундовой науки.

— Будет сильнее стимул тебе «темную» сделать.

— Пускай, тоже интересно.

— Ты вообще хоть чего-нибудь боишься?

Я восхищался им, беспокоился за него, но теперь все эти чувства оказались вытеснены раздражением. Брик же только улыбнулся, отвечая на мой вопрос:

— Разрушителей. Если это чувство можно назвать страхом. Остальное не заслуживает внимания.

* * *

Когда уроки закончились, Брик внезапно предложил мне отметить свой высший балл по математике. Я спросил его, что он имеет в виду, и получил следующий ответ:

— Давай нажремся!

— Чего?

— Ну, забухаем. Вмажем. Выпьем. Раздавим по пузырью. Накиремся. Наклюкаемся.

— Остановись, я понял!

Я никогда не испытывал тяги к алкоголю. Пару раз пил с отцом пиво, но так и не понял, что в этом напитке замечательного. Однако глаза Бориса сияли такой жадной безграничной жаждой познания, что спорить было бессмысленно. Нет, пить я все равно не собирался. Только вот оставить Маленького Принца наедине с большой бутылкой значило подвергнуть опасности всю его кампанию. Как минимум, была угроза раскрытия легенды. Как максимум — смерть от отравления.

Мы пошли к магазинчику на самом краю поселка, куда мои родители заходили нечасто. Борю я оставил снаружи, взял у него деньги и пошел покупать спиртное.

Продавщица была пожилая, в очках с толстыми стеклами. Услышав слово «водка», она принялась ворчать на непутевую молодежь. Судя по всему, вообще не различая надписей на этикетках, она ощупывала каждую бутылку, продолжая отвлекать себя ворчанием. Когда ее рука в пятый раз легла на сторублевый «Минал», я не выдержал и зашел за прилавок. Взял с витрины бутылку водки «Матрица», о которой слышал много хорошего, и вернулся обратно. Сработал так быстро, что продавщица, видимо, ничего даже не заметила. Во всяком случае, ритм ее ворчания остался непоколебимым.

— А закуска? — спросил Боря, увидев в черном пакете лишь одну водку.

— Закуску давай в другом магазине возьмем. А то мы отсюда до утра не выберемся.

За огурцами и помидорами (Боря где-то вычитал, что именно это и есть самая лучшая закуска на всем белом свете) Брик сходил сам.

— Получилось? — встретил я его.

— Ага. Я еще сала взял!

— О, Господи. Ну пошли.

И вот, настал момент истины. Мы у Бориса дома, он скручивает пробку с бутылки, я ищу что-нибудь, что может сойти за стопку в коробках с посудой. Внезапно меня отвлекает хруст огурца.

— Ты бы поберег, — поворачиваюсь я. — Закуску не едят, ей заку... сы... ва-ют...

Бутылка была пуста. На Бориных глазах блестели слезы радости.

— Ты что, залпом ее, что ли? — севшим голосом спросил я.

— Угу, — ответил он, давясь огурцом.

— Боря, твою мать... Ты ж читал! Водку стопками пьют!

— Я вчера смотрел фильм «Антикиллер». Там так пили. А что? Так быстрее гораздо!

Было поздно объяснять пришельцу, что распитие алкогольных напитков сродни медитации, со своими ритуальными словами и действиями. Поэтому я сел за стол и крепко задумался. В бутылке было пол-литра водки. Я поглядел на этикетку в поисках хоть какой-нибудь лазейки, но надпись 40 % сверкала непогрешимым серебром. Тогда я принялся вспоминать, какая доза алкоголя является смертельной для шестнадцатилетнего подростка. Который раньше, предположительно, вообще алкоголя не пробовал. Что-то нам такое говорили, то ли на ОБЖ, то ли на внеклассных мероприятиях... Кажется, речь шла о литре. Я заставил себя в это поверить и немного успокоился.

Боря оперативно умял огурец, сжевал несколько кусочков сала, придавил все это помидоркой и погрустнел.

— Это и есть состояние алкогольного опьянения? — посмотрел он на меня. — Ничем не отличается от обычного. Хотя вкусовые ощущения, надо сказать, весьма интересны.

Я содрогнулся, вспомнив единственный случай своего знакомства с водкой. Да уж, интересные ощущения, слов нет.

— Скоро у тебя начнется состояние. Мало не покажется. Ешь!

— Я сыт.

— Ешь, говорю! Ты хотел, чтобы я стал твоим другом? Так вот, я тебе как друг говорю: ешь как можно больше!

Боря послушно принялся есть. Проглотил еще парочку огурчиков, один помидор. Доел сало, которое, кажется, действительно пришлось ему по вкусу. Я с тоской взглянул на часы.

Упрямая стрелка приближалась к отметке с цифрой «5». Мама скоро с работы придет, а меня опять дома нет, на ужин ничего не приготовлено. Но не могу же я этого чудика одного оставить! А если правда помрет от отравления?

— Ой, — тихо сказал Боря. — Я ощущаю, как мое сознание затуманивается.

Он ощупал голову и посмотрел на меня полными паники глазами.

— Это конец? — спросил он. — Тело умирает?

— Нет, не умирает. Просто ты нажрался, как свинья.

— Я не ждал такого! О, боже... Что мне теперь делать?

— Расслабиться и получать удовольствие от новых ощущений. Ну или, как вариант, пойти проблеваться.

— Что сделать?

— Ну, поблевать. Порыгать. Вызвать рвоту. Тогда сильно не накроет.

— Я не умру?

— Не умрешь. Я рядом.

— Тогда пускай.

— Чего «пускай»?

— Пускай продолжается. Я буду изучать.

Некоторое время он сидел с дурацкой улыбкой и прислушивался к своим необычным ощущениям. Потом взгляд его совершенно затуманился.

— Слушай, Дима, — пробормотал он. — А ты Жанну любишь, да?

— Боря, не лезь, а?

— Ну ты чего, дружище? Я ж по-дружески! Ну вот скажи, как пацан пацану: любишь ее?

Я понял, что Бориса понесло дальше некуда. И тут меня осенила идея:

— А давай так: откровенность за откровенность. Идет?

— Че... чего?

— Ну, я честно отвечаю на твой вопрос, а потом ты — на мой. Тоже честно. Договорились?

Я надеялся, что спьяну он забудет о моем долге и, кажется, не прогадал.

— Ну конечно! Никакой лжи между нами быть не должно! Знаешь, Дима, я тебя так люблю...

— Люблю.

— Ну да, люблю...

— Нет, я про Жанну. Да, я ее люблю. С первого класса. Каждый день и каждый час.

Боря икнул и взял еще один помидор. Откусил неловко: сок потек по руке. Но его это не смутило.

— А почему ты с ней совсем не общаешься?

— погоди, сейчас мой черед вопрос задавать.

— А... А, ну да, конечно, задавай!

— Как звали твою учительницу в начальной школе? — Это была моя последняя надежда — подловить пьяного Брика. Если он назовет имя или скажет: «не помню», то все его предыдущие рассказы — вранье.

Брик слился с помидором в страстном поцелуе и, лишив его всех соков, посмотрел на меня.

— Какая начальная школа? Я ведь только... вот... А раньше — там! — он махнул рукой куда-то вверх и вправо. — Там знаешь, как круто было? Ух! Летишь! Ничего, кроме восторга!

И с каждой секундой узнаешь все больше, сильнее становишься. Это как на мотоцикле... Слушай, а пошли на мотоцикле покатаемся? Там в сарае стоит какой-то «Урал».

— Нет, мы никуда не пойдём. Сидим дома. Задавай свой вопрос.

— А, вопрос... Ну да, вопрос... Я про что говорил-то?

— Про Жанну, — напомнил я, борясь с искушением подловить его с этим вопросом и вернуть очередь себе. Но в какой-то мере мне самому хотелось исповедоваться в своих чувствах.

— Жанна, да... Так вот, почему ты не общаешься с ней?

— Потому что я ей не нужен.

— Погоди, но...

— Поздно, моя очередь.

— Нет, погоди. Ты не ответил толком. Кажется, вчера ты был ей нужен. А до этого?

Почему ты сразу к ней не подошел?

Я вздохнул. Даже пьяный, этот человек оставался пытливым исследователем, и сбить его с логического пути было нелегко.

— Я полюбил ее в первом классе, с первого же взгляда. Хочешь знать, почему я сразу к ней не подошел? Дело в том, что у детей такого возраста любить не принято. Тех, кто держится за ручки, дразнят, гоняют, бьют. Они не выдерживают и расстаются, ненавидя друг друга. Ведь в таком возрасте близкие отношения не являются необходимостью. Поэтому их так легко разрушить. Дети могут быть даже более жестокими, чем взрослые, поверь. Но это была не главная причина. Я с детства очень застенчив. В садик не ходил никогда, со мной сидела бабушка. Зато я много читал. Всяких сказок, фантастики. И я был уверен, что, когда приходит настоящая любовь, то должно быть какое-то приключение. Какие-то силы зла, борьба. Я ждал злого волшебника, который похитит Жанну. Тогда я смог бы побороть его на глазах всей школы. И все условности стали бы не нужны. Она бы без слов поняла, что я люблю ее. И, само собой, тоже бы в меня влюбилась.

Я помолчал, глядя в стол. Боря негромко икал, не мешая мне думать.

— Я ждал этого волшебника до тех пор, пока не повзрослел и не перестал верить в волшебников. Остался наедине с той огромной стеной, которую строил все эти годы между собой и остальными. Жанна осталась по ту сторону стены. Все, что я мог — это смотреть на нее через окно и надеяться, что однажды она подойдет и сломает к чертям эту стену.

Почувствовав, что в глазах начинает щипать, я сжал кулак, позволив ногтям впиться в ладонь. От этой боли стало легче.

— Не смогу тебе иначе объяснить. Поймешь — хорошо, не поймешь — значит, не судьба.

— Дима! — Боря накрыл мой кулак своей ладонью. — Я тебя прекрасно понял. Ты не бойся! Я тебе помогу. Хоть сейчас — пошли к ней! Я ей объясню, что ты вообще самый классный парень из всех!

— Никуда мы не пойдём, — улыбнулся я, радуясь, что не пил — а то ведь согласился бы. Наутро после этого визита пришлось бы планировать суицид.

— Ну почему?

— Ну потому. Моя очередь. Что случилось с твоей мамой?

Боря убрал руку. В его затуманенных алкоголем глазах мелькнул недобрый огонек.

— Я убил ее, — сухо ответил он.

— За что?

— Это другой вопрос.

— Блин, погоди...

— Ты сформулировал свой вопрос так, что он не требует развернутого ответа. Поэтому теперь — моя очередь. Почему ты боишься Рыбы?

У меня пересохло во рту. Если Боря действительно соблюдает наш уговор и говорит только правду, то сейчас я сижу напротив убийцы, к тому же пьяного. Но ведь он все еще считает меня другом, так?

— Потому что... Потому что он может бить меня и унижать. Может делать это постоянно.

— И что?

— Что «и что»?

— Это не причина. Объясни, что страшного в побоях и унижении?

Я внезапно понял, что Боря сейчас всеми силами сражается с алкоголем. Так же, как пытался раньше победить сон. Его лицо было напряженным, на шее вздулись жилы, глаза покраснели. Чего ему стоила эта концентрация? Страшно представить.

— Я не смогу объяснить. Ты ведь не понимаешь самой сути страха. Ну, во-первых, инстинкт самосохранения.

— Запомни, — скрипнул зубами Боря. — Жизнь — это бесконечная битва. За все нужно драться. Там, откуда я, это выглядит иначе, но суть та же: мы постоянно преодолеваем трудности. Такие, которые тебе и не снились. И мы изучаем эти трудности. Забудь про страх. Тебе нравится девушка? Возьми ее и не отпускай! Боишься человека? Покори или убей его. А не можешь убить — пусть он тебя убьет. Или изобьет. Раз, два, десять, сто. А ты поднимайся с улыбкой. И запоминай эти чувства. Помни эту боль, наслаждайся ею. Потому что потом тебе очень сильно пригодятся эти знания. Больше, чем какие-нибудь другие.

Мне сделалось не по себе. Боря уже не походил на человека — до такой степени покраснело его лицо.

— Я ответил на твой вопрос? — спросил я.

— Да. Задавай свой.

— Зачем ты убил свою мать?

— Совокупность причин. Она была глупой женщиной, склонной к истерикам. Мне нужно было освоиться. В мозгу Бориса я нашел знание о том, что мама — самый близкий и нужный человек. Но она мне совсем не помогла. Я казался ей странным. Она обвиняла меня в наркомании, алкоголизме, называла «психом, таким же, как отец». В понедельник утром я попросил ее помочь мне собраться в школу, а она устроила скандал. Бегала по дому, глотала какие-то таблетки. Я понял, что эта женщина постепенно сходит с ума. Догадался, что и до моего появления ее поступки были похожими. Поэтому я и убил ее. Избавил от бессмысленных неприятностей ее и себя.

Ну вот, я и узнал истину. Что я чувствовал в этот момент? Сложно сказать. Я не боялся Бориса. Но ощущение жути не покидало меня. Убил свою мать... Это просто в голове не укладывалось.

— Что? — встрепенулся я, поняв, что Боря что-то говорит.

— Ты можешь дать мне ту книжку, о которой говорил? Я должен ее прочесть. Потом. Сейчас, извини, я больше не могу контролировать это.

Речь его снова стала невнятной, взгляд затуманился.

— Конечно. Завтра сходим в библиотеку.

Я вскрыл еще несколько коробок, пока Боря стонал и нес какую-то чушь, ткнувшись в стол головой. Наконец, мне посчастливилось: я нашел таблетки активированного угля и вернулся к Боре.

— Вот, выпей.

Он поднял голову, и я отступил на шаг. В глазах Брика застыл ужас.

— Дима, — прошептал он. — Мама... моя мама, она... Я же ее сам...

Я замер, не в силах не то чтобы шевельнуться — слова сказать. Я говорил с настоящим Бриком!

— Мама... Мамочка!

Он завизжал, попытался вскочить, но зацепился за ножку стола и упал. Несколько секунд я слышал только его дыхание. Потом он поднялся на ноги.

— Все в порядке, — сказал другой человек. — Больше я этого не допущу. Где таблетки?

Я шел домой, размышляя об услышанных откровениях. Как мне поступить? Любые мои действия должны основываться на одном лишь допущении: верю ли я в то, что мой друг — не человек? А как я мог безоговорочно поверить в это?

Без приключений я добрался до дома. Мама готовила ужин. В доме царила атмосфера недовольства.

— Привет, мам, — сказал я, входя в кухню. — Прости, я...

— Понятно, — отмахнулась она. — Чайник поставь, я печенья купила. Все равно не скоро приготовится.

Я наполнил чайник, включил его и задумался, сидя за столом. Мама, заметив мое состояние, спросила:

— Ты чего такой грустный?

Внезапно я решился на откровенный разговор. Хотел спросить какую-нибудь глупость, типа: «Мама, а если я узнал, что один из моих одноклассников совершил преступление, как мне стоит поступить?» Одним махом преодолеть огромную пропасть, разделившую меня с родителями. Я даже открыл рот, но мама меня опередила:

— Что, напучал чего-то? «Двойка», поди, опять?

— Ничего я не получал, — отозвался я, как тает в душе порыв.

— А чего грустишь тогда?

— Так. У друга неприятности.

— Тебе не о друзьях думать надо, а об учебе. Дима, это же выпускной год, в конце-то концов!

— Я понимаю...

Позже, сидя в своей комнате, я смотрел невидящим взглядом в учебник и думал. Думал о своем будущем, которое представлялось мне в каком-то сером и вязком тумане. Безрадостная громада института высилась надо мной, являя собой воплощение Высшего Образования. Чему я там буду учиться? Кем пойду работать?

Лишь годы спустя я осознал, что жизнь подростка проходит в абсолютной тьме. И взрослые, которые должны бы помочь тебе выбрать нужный путь, зажигают лишь один тусклый фонарь. «Ты должен учиться, чтобы не забрали в армию. Ты должен устроиться на работу, где платят много денег». Это — все жизненные ориентиры. Нас готовят к бегству от армии, к бегству от бедности. Но никто не поможет тебе понять, где твое место в этом мире.

Сейчас же я сидел, не понимая ничего этого. Я был уверен, что жизнь такая и есть: серая и безрадостная. В ней нет места любви, восторгу, приключениям. Только страх и

деньги, деньги и страх.

Тогда я принял твердое решение молчать. Возможно, это был некий подсознательный протест против взрослого общества. Ведь сдай я Бориса, я сыграл бы им на руку. Позволил бы бесчувственной машине правосудия разжевать и проглотить этого необычного человека. Возможно, его преступление было для меня символом освобождения. А может, я просто успел привязаться к нему сильнее, чем можно было ожидать.

Глава 5

Между двух огней

Ночью я спал плохо. Мне постоянно снилось искаженное ужасом лицо настоящего Брика. Каково это — очнуться после долгого забвения и найти в своей памяти убитую маму? Может ли рассудок выдержать такое? Проснувшись утром, я решил задать этот вопрос Принцу.

На большой перемене ко мне подошла Жанна, источая приторный запах духов, и сказала:

— Ну что, зайдешь сегодня?

Как будто и не было того разговора. А может, она просто о нем забыла?

— Сегодня? — переспросил я.

— Ну да. Есть время?

— Есть! Конечно же есть!

— Ну и хорошо. Ты домой заходить не будешь?

— Нет.

— Тогда сразу после уроков пойдем! — улыбнулась она.

Огромных трудов мне стоило успокоить бешено колотящееся сердце. В немалой степени этому поспособствовал Брик, все еще бледный и хмурый с похмелья. Он принялся доканывать меня расспросами о назначении алкогольных напитков.

— Я все еще не могу понять, — причитал он, — какой в этом смысл? Сначала ты полностью теряешь познавательные способности, а потом и весь следующий день оказывается безвозвратно потерянным. Голова болит, работоспособности никакой. Зачем люди пьют?

— Чтобы не думать, — отозвался я, все еще мысленно перебирая произнесенные Жанной слова.

— Чтобы не думать? — поразился Брик. — Люди добровольно отрекаются от самого дорогого, что у них есть?

— Выходит, так. Большинство людей живет не очень-то хорошо. У них куча проблем, их мучают всякие мысли. Чтобы на какое-то время забыть обо всем этом, они пьют.

— Ужасно, — сказал Брик, и его изможденное бледное лицо придавало этому слову поистине устрашающую окраску. — Пообещай мне, что никогда не будешь пить.

— Чего?

— Пообещай, что не станешь таким. Когда я тебя оставлю... В общем, я хочу быть спокойным за тебя. Если у тебя будут проблемы — решай их, а не забывай. Хорошо?

— Обещаю, — улыбнулся я.

Тогда мне было очень легко дать такое обещание.

Перед уроком русского языка Софья Николаевна поделилась с нами новостью: через две недели в школе будет осенний бал.

— Я очень надеюсь, что вы все придете, — сказала она. — Ведь это последний год, когда вы вместе. Будет профессиональный оператор. Представляете, какая прекрасная память останется?

Я представлял. Одноклассники и одноклассницы кружатся в вальсе посреди огромного зала, а я сижу за столом, делая вид, что мне все равно. Великолепная память. Надо

обязательно будет купить видеокассету с этим торжеством.

— Можете уже сейчас искать себе пару! — Софья Николаевна с улыбкой забила последний гвоздь в крышку моего гроба.

Но вот, наконец, уроки закончились. Я видел, как Петя подошел к Жанне и что-то сказал. Она покачала головой. После этого Петя окинул меня презрительным взглядом и, вскинув голову, удалился.

— Готов? — Жанна повернулась ко мне.

Я распрощался с Бриком и вместе с Жанной отправился к раздевалке. Там на меня всем своим весом обрушились вопросы, ответов на которые я не знал. Идти рядом с Жанной, или чуть поодаль? Подать ей куртку? Если да, то как найти куртку в гардеробе быстрее нее? Как, открыв перед ней первую дверь, успеть подбежать и открыть вторую? Как поступить с дверью, если она открывается от себя? И, наконец, о чем говорить по пути?

— А по какой теме нужно заниматься? — выдавил я, когда мы прошли уже половину дороги.

— А, черт ее знает, — поморщилась Жанна. — Там эти плоскости какие-то, прямые... Вообще этого не понимаю.

— Ясно. Попробуем.

От дальнейших переживаний меня спас телефонный звонок. Жанна достала из сумочки телефон и принялась разговаривать с какой-то своей подругой. Я плелся рядом и украдкой бросал взгляды на ее смеющееся лицо.

Квартира, в которой жила Жанна, встретила меня легким беспорядком. Ее отец, вышедший нам навстречу, поприветствовал меня рукопожатием и обратился к дочери:

— Ты бы прибралась, что ли. Знала ведь, что человек придет.

— Я забыла, — откликнулась Жанна и за руку потащила меня в свою комнату.

— Достал, — прокомментировала она, закрыв дверь.

Я с любопытством осматривался. Впервые в жизни довелось побывать в спальне девушки. Пусть и не в том качестве, о котором все мечтают, но все же. Обстановка была такой необычной. Разбросанные повсюду журналы «Космополитен» и им подобные, бретелька лифчика, свисающая из неплотно задвинутого ящика комода, открытый шкаф с кучей нарядов, большое зеркало и целая батарея разнообразных баночек и флаконов на полочке под ним. Ну и, разумеется, аккуратно застеленная кровать. Та самая кровать, в которую Жанна ложится каждую ночь. Я не решался даже на метр приблизиться к этому святилищу.

— Блин, стул забыла! — обескуражено сказала Жанна. — Погоди!

Она убежала в кухню, успела по дороге поругаться с папой и вернулась, толкая перед собой стул. Я бросился ей помогать.

— Может, чаю? — предложила Жанна. — Или, вообще, пообедать? Там есть какая-то фигня.

— Нет, спасибо.

— А чаю?

— Не знаю. Можно.

— Щас! — Она снова упорхнула в кухню. Зашипел чайник, зазвенели чашки.

Я внезапно понял, что Жанна — Жанна! — тоже смущена не меньше моего. Это несколько меня обнадежило. Значит, какие-то чувства она ко мне все же испытывает. Я лихорадочно пытался придумать какую-то фразу, которая одновременно была бы и

совершенно нейтральной, но и несла бы в себе некую информацию, способную натолкнуть разговор на лирическую тематику. Но в голову, как на зло, лез только Петя.

Жанна вернулась с посеребренным подносом, на котором стояли две чашки с чаем, сахарница и вазочка с печеньем. Все это она поставила на письменный стол. Сесть пришлось очень близко друг к другу, потому что иначе колени упирались бы в ящики стола. Наши бедра почти соприкасались, и меня бросило в жар. Чай был горячим, как адское пламя, пожирившее меня изнутри.

— Не трясись, чай разольешь! — заметила Жанна.

— Не могу, — я нервно рассмеялся.

— Слушай, ну серьезно! — она улыбнулась, дую на чашку. — Ты же должен быть типа учителя! А ты рядом со мной дышать боишься. Ну-ка, дай мне подзатыльник?

— Чего?

— Того! Дай мне подзатыльник и обзови бестолочью, как Екатерина Михайловна!

Я смотрел в ее смеющиеся глаза, и не мог сдержать глупой улыбки.

— Ладно, — махнула она рукой. — Что с тебя взять.

Некоторое время мы пили чай молча. Жанна совсем не брала печенья, и я тоже не решался, пока она строго не сказала:

— Ну-ка возьми печеньку!

— А ты?

— А я на диете. Давай-давай, чтобы все съел. А то я потом грызть начну, стану толстой и некрасивой.

— Да это невозможно, — заверил я ее, взяв печенье.

Жанна смотрела на меня. Я понял, что краснею под ее взглядом.

— А я знаю, о чем ты хочешь попросить, — сказала она внезапно.

— О чем?

— Чтобы я с тобой пошла на осенний бал. Так?

Я о таком даже не думал, но теперь, когда Жанна сказала про бал, я понял, к чему стремиться. Если она согласится со мной пойти, то ближайшие две недели я буду верить и надеяться. Целых четырнадцать дней я буду жить!

— Ну да, так, — признался я.

— Ну, проси.

Я покосился на нее. Глаза сверкали, и было непонятно, хочет ли она говорить серьезно или просто развлекается.

— А ты согласишься?

— Откуда я знаю? Ты же еще не спрашивал.

— Но ведь... Ты не можешь не знать.

— А тебе нужно, чтобы все наверняка, да? Чтобы все по полочкам? Я ни секунды времени не потрачу на человека, который боится сказать несколько слов. Это же просто слова. Я не напишу их на бумаге и не расклею по всей школе.

Набрав полную грудь воздуха, я повернулся к Жанне и спросил:

— Ты согласишься пойти со мной на осенний бал?

Она задумалась, посмотрела в окно, отхлебнула чай.

— Да, — внезапно сказала она, разом подняв меня из глубин преисподней на самые вершины рая. — Но при одном условии.

— Каком?

- Если ты будешь со мной танцевать. Весь вечер. Каждый танец, какой мне захочется.
- Конечно! — пообещал я, упуская из виду тот факт, что танцевать не умею совсем.
- Я не очень-то люблю эти школьные сборища. В ДК на дискотеке будет гораздо веселее. Поэтому твоя задача — не дать мне скучать. Если справишься — обещаю тебе маленький сюрприз.
- Сюрприз? Какой?
- Много просишь! Если скажу — какой же это будет сюрприз?
- Она засмеялась и толкнула меня плечом. Прядь ее волос скользнула по моей щеке.
- Ладно, давай заниматься, — сказала она. — Если Михайловна от меня не отстанет, я вместо осеннего бала буду дома геометрию учить.
- А я буду тебе помогать, — с неожиданной смелостью заявил я.
- Размечтался! — фыркнула Жанна.

* * *

Самое опасное, что может сделать человек, это впасть в эйфорию. Когда ты идешь по улице, на твоём лице расцветает глупая улыбка, а в душе поют ангелы, ты представляешь собой идеальную мишень. Такому не учат в школах и институтах. Об этом не скажут родители. Но это — истина, которую необходимо знать.

Путь от дома Жанны до моего дома занимал пять минут. Я не ждал ничего плохого, в мыслях я перебирал, как четки, все услышанные от своей возлюбленной слова. Я пытался проникнуть в их тайный смысл, разгадать все полунамёки, когда розовую пелену разорвал громкий свист.

Остановившись, как вкопанный, я повернул голову, и всю романтику смыло в унитаз. Ко мне бежали шестеро. Я успел заметить налитые кровью глаза Рыбы, синюю спортивную куртку Семена. Остальных я не знал. Казалось, прошло не больше секунды, прежде чем меня свалили с ног, бросили в грязную лужу и принялись пинать.

В этот момент я даже не чувствовал боли — все пожрал липкий, противный, бесконечно расплзающийся страх. Я не воспринимал их вопли, страшные ругательства. В голове колотилась лишь одна мысль: «Этого не может быть!» Да, я до последнего не верил, что происходящее реально.

Внезапно избиение закончилось. Я поднял голову, и Рыба плюнул мне в лицо. Я почувствовал, что плачу и, наверное, уже давно.

— Гомик, нюни распустил! — мерзким визгливым голосом произнес один из нападавших.

Потом они ушли. Я остался лежать в грязи, сотрясаясь от рыданий. Вставать не хотелось. Не хотелось даже дышать. Пределом моих мечтаний стала смерть. Почему бы мне просто не умереть здесь? Как можно жить после этого?

Я закрыл глаза. Представлял, как приду завтра в класс. А там будет Рыба, там будет Семен. Они будут смеяться и показывать пальцами. Может быть, на перемене или после уроков все повторится, снова и снова. Зачем им это нужно? Почему они хотят лишиться меня света? Тот робкий огонек, что всколыхнулся у меня в душе, погас. Его втоптали в ту же самую грязь. Не было больше света в целом мире.

— Жив? — послышался голос.

Я нехотя открыл глаза и увидел присевшего рядом пожилого мужчину.

— Вижу, жив, — сказал тот, не дождавшись ответа. — Вставай.

— Не хочу, — всхлипнул я.

— А ты через «не хочу». Жить иногда приходится через «не хочу».

Я поднялся, скрипя зубами от боли. Болело все — голова, руки, ребра, грудь, живот, ноги — не было такого места, куда бы меня не ударили. Кроме того, было мерзкое ощущение на лице, залитом кровью, слезами и слюнями Рыбы.

— На вот, держи. — Мужчина протянул платок. — Вытри лицо. До дома доберешься?

— Доберусь, — сказал я. — Спасибо.

Ноги дрожали от пережитого кошмара, но идти я был вполне способен. Машинально протянул мужчине обратно окровавленный платок.

— Оставь себе или выброси, — махнул тот рукой. — И запомни: когда тебя бьют — это не стыдно. Стыдно, когда ты бьешь слабого.

Может быть, в его мире так оно и было. А в моем мире все наоборот. Никто не осудит поступка Рыбы. Так, пожурят немного, если узнают. А вот я для всех теперь стану ничтожеством. Кроме, может быть, Маши. И Брика.

Дома с моим приходом началась паника. Мама кинулась промывать мои ссадины и клеивать их лейкопластырем, а папа требовал назвать имена виновников. Почему они не желали понимать, что этим делают мне только больнее? Своей заботой заставляют меня чувствовать себя еще более маленьким и несчастным.

* * *

Суббота — день особенный. Из каких-то непонятных соображений его в прошлом году сделали учебным, но примерно половина учеников продолжала привычно его игнорировать. Да и уроки-то были такие, пропустить которые можно без особого вреда здоровью: литература и английский язык.

Соблазн пропустить субботу и залечить раны был велик, но я преодолел его. Во-первых, мама по субботам была дома и продолжала бы кудахтать надо мной весь день, а во-вторых, я должен был предупредить Борю о грозящей ему опасности. Ведь я отнюдь не был главной мишенью гнева Рыбы. Я — лишь побочный эффект Бориса в его глазах. Была еще и третья причина: я хотел попросить у Маши помощи.

Говорят, что шрамы украшают мужчину. Но, входя субботним утром в класс и ловя на себе внимательные взгляды одноклассников, я отнюдь не ощущал себя красавцем. Губа распухла, один глаз основательно заплыл, щека рассечена ударом ботинка. Хорошо хоть Жанна не пришла.

— Что с тобой случилось? — любопытствовал Брик, когда я сел на свое место рядом с ним.

— Повстречался с Рыбой. И с его друзьями.

— Они тебя избили?

— Нет, погладили! — Я почувствовал, как в глазах собираются слезы, и резким движением вытер их.

Боря, хмурясь, глядел на меня.

— Понял, — сказал он. — Сарказм. Как мы им отомстим? У тебя есть план?

— Отомстим? — Я повернулся к Брику. — Боря, я, вообще-то, хотел тебя предупредить: будь осторожнее. Рыба явно на мне не остановится.

— Я осторожен настолько, насколько это необходимо. Но ты — мой друг, и я не могу оставить это дело без внимания. Мы должны отомстить! Я что-нибудь придумаю.

Возразить я не успел — начался урок литературы. Софья Николаевна, помимо всех своих достоинств, была женщиной тактичной. Заметив мою боевую раскраску, она не стала ахать и спрашивать — ограничилась сочувственным взглядом. Урок немного увлек меня, и я перестал размышлять о своей чудовищной судьбе.

Лишь только прозвенел звонок, Маша поймала мой взгляд и, как это у нее получалось, без слов позвала меня отойти. Мы вновь стояли у подоконника в самом углу класса.

— Что с тобой произошло? — Маша не глядела на меня, рисовала пальцем на стекле невидимые узоры.

— Да так...

— Подрался?

— Хотел бы сказать «да». Скорее меня избили.

— Рыбин?

— Угу...

— Я ведь тебя предупреждала. Маленький Принц уже втравил тебя в неприятности.

— Принц-то здесь с какого боку? — Несмотря на удивление, мне было приятно знать, что Маша обо мне беспокоится. — Он, кстати, жаждет отомстить.

Я поглядел в сторону Брика и увидел, как тот оживленно что-то пишет или рисует на листе бумаги. Я живо вообразил военную карту со множеством стрелочек и пометок.

— Достойно, — сказала Маша.

— Ты это одобряешь? — удивился я.

— Не то чтобы... Мечь может быть разной. Если вы просто как-то подгадите Рыбе, все станет только хуже. Но если сделаете что-то такое, в результате чего он посчитает вас за равных — это хорошо. Но это уже война, Дима. Победа или смерть.

Я внимательно смотрел на безупречно очерченный профиль этой загадочной девушки. Она повернулась ко мне, и улыбка осветила ее вечно печальное лицо.

— Не могу понять, серьезно ты говоришь или шутишь, — признался я.

— А какая разница? Слова-то правильные. И ты все равно подчинишься Брику. Пока что ты ищешь покровителей.

— В смысле? Я?

— Ты. Не отпирайся, я ни в чем тебя не упрекаю. Но ты боишься сам взять на себя ответственность за что-либо. Хотя ты очень сильный и умный. Со временем это пройдет, и ты станешь прекрасным человеком. Если только не собьешься с пути.

Мы немного постояли в относительной тишине школьной перемены. Я размышлял о тех словах, которые должен был сказать сейчас, перебирал в голове тысячи формулировок.

— Давай уже, — вздохнула Маша. — Чего ты хочешь?

— Ты пойдешь на осенний бал? — спросил я и немедленно проклял себя за то, что выбрал самый опасный путь. И пропасть не замедлила разверзнуться:

— Ты меня приглашаешь?

В этот момент лицо Маши утратило привычное загадочно-задумчивое выражение. Она широко раскрыла глаза и ждала ответа. Таяли мгновения, а я не мог остановить карусель мыслей у себя в голове. Дурак, безмозглый дурак!

— Я не умею танцевать, — выдавил я хриплым шепотом. — Научишь меня?

Ее лицо снова просияло улыбкой.

— Конечно, — сказала она. — Это совсем не сложно. Приходи ко мне как-нибудь после уроков. У меня есть пластинка с вальсом.

Меня спас звонок. К своему месту я шел, ощущая невыносимый жар в голове. Что я только что натворил? Она ведь ждет, что я пойду на бал с ней! Конечно, я не сказал «да», но ведь так она поняла. И что теперь? Брат у нее уроки танцев, а за день до бала сказать, что иду с Жанной?

Сев на стул, я в бешенстве рванул себя за волосы. Не сразу заметил бумажку, которую подсовывал мне Брик.

— Что? — Я посмотрел на него невидящим взглядом.

— Смотри, я все продумал, — зашептал Боря. — После уроков ты находишь Рыбу, провоцируешь его и убегаешь. Он гонится за тобой. Ты бежишь ко мне в дом, вернее, в сарай. Как только вы оказываетесь внутри, я закрываю дверь. А дальше я все сделаю сам.

Лист напоминал страницу из комикса. Вот первая картинка, где я что-то говорю Рыбе (оба, кстати, были изображены очень похоже), на следующей — сцена погони. Потом мы забегаем в дом, изображенный подробно, словно на эскизе к грядущему эпическому полотну.

— И зачем ты все это нарисовал?

— Для наглядности.

— Боря, это бред. Что ты с ним собрался делать? Убить?

— Нет, убивать я его не буду. Я изменю его сознание. Он станет другим.

— Это как?

— Доверься мне. Сегодня мы можем сходить в библиотеку?

— Куда?

— В библиотеку. Я хочу взять книгу «О дивный новый мир». У нас же в среду литературный клуб!

— Ах, да. Да, конечно, сходим. Только сразу после уроков. Библиотека до трех по субботам.

Тут в класс зашла Софья Николаевна, и начался второй урок литературы.

* * *

После уроков мы с Борей пошли в библиотеку. Помимо романа Хаксли, он взял еще добрый десяток книжек, среди которых был учебник по самбо, сборник лекций по психологии, несколько сомнительных эзотерических трудов и весьма потрепанное пособие по технике секса.

— Это тебе зачем? — удивился я.

— Насколько я успел понять, секс занимает очень существенное место в жизни людей. Я должен с этим разобраться! — заявил Брик и грохнул стопку книг перед библиотекаршей.

Пожилая женщина с волосами, окрашенными в голубоватый оттенок, добралась до «Техники секса» и, сдвинув очки на нос, посмотрела на Бориса. Он спокойно выдержал этот взгляд, а я не знал, куда деваться от смущения.

— Вам, молодой человек, не рановато? — проскрипела библиотекарша.

— Думаю, нет. В школе нас постоянно заставляют этим заниматься.

— В школе? — поразилась женщина. — Заставляют?

— Ну да, — пожал плечами Брик. — На всех уроках, в большей или меньшей степени. Наверное, это один из лучших способов обучения. Во всяком случае, более совершенного я не знаю.

— Ты сейчас о чем? — спросил я Борю, опасаясь, что женщину хватит удар.

— О чтении, о чем же еще!

— Ах, о чтении...

С грехом пополам нам удалось убедить библиотекаршу, что книга необходима для реферата по биологии.

— Не пойму, что в этом такого? — разорвался Брик, макушка которого еле виднелась из-за стопки книг. — Секс — точно такая же деятельность, как и любая другая. Наверняка есть какие-то тонкости, хитрости и приемы, которые следует знать. Почему же их изучение настолько предосудительно?

В общении с Борей меня раздражал и радовал один момент: его непонимание привычных вещей. Чтобы ему объяснить что-либо, мне приходилось задумываться об этом самому и выстраивать логическую цепочку. С одной стороны, это очень нервировало, потому что я чувствовал себя идиотом. Но с другой стороны я ощущал, что и сам начинаю лучше понимать окружающий мир.

— Просто это очень личное дело, — начал я объяснять. — Для пожилых людей, например, секс — это нечто постыдное. Ну, вроде как, если очень надо, то можно быстренько. Раз — и забыл. А для молодых секс — повод для гордости. Считается, что каждый нормальный пацан должен сам все знать, а учиться — это для ботаников. Поэтому, наверное, мало кто может понять человека, берущего такую книгу в библиотеке.

— Судя по всему, ее брало уже немало людей, — заметил Брик.

— Ну да. Только они никому об этом не говорили.

Возле моего дома мы расстались. Брик пошел домой, а я отправился к себе.

— Как в школе? Чего напoлучал? — спросила мама.

— Нормально. Ничего не получал.

— Почему?

— Не спрашивали.

— А сам почему не отвечал?

— Не знаю...

Папа тоже был дома. Сидел в комнате с бутылкой пива и смотрел «Бандитский Петербург». Подталкиваемый внезапным желанием осуществить контакт поколений, я сел на диван рядом с ним.

— Здравствуй, папа.

— Привет, — отозвался он. — Как дела?

— Да нормально. Слушай, я хотел с тобой поговорить.

Папа отхлебнул пива, взял пульт и убавил громкость телевизора.

— Что случилось? — негромко спросил он, покосившись на дверь.

В этот момент я почувствовал к нему расположение. Папа сразу понял, что я не хочу посвящать маму в свои проблемы. И он искренне хотел помочь.

— Да ничего особенного не случилось.

— Из-за этого? — он указал мне на лицо.

— Нет, другое. В общем, есть одна девочка, которая мне нравится, — выдавил я,

чувствуя, что окончательно и бесповоротно заливаюсь краской. — И она согласилась пойти со мной на осенний бал.

— Так, — кивнул папа. — Презик дать?

— А? — Я поднял на него взгляд.

— Ну, презерватив есть у тебя? Могу дать.

Мне потребовалось время, чтобы осознать смысл услышанных слов. Смысл меня ошеломил. О сексе с Жанной я не мечтал даже в самых романтических своих фантазиях. Хотя эротические мысли меня порой и посещали, но они были очень абстрактными и Жанна в них не фигурировала. Она была чем-то вроде божества — эфемерной, воздушной, идеальной. Пределом мечтаний был поцелуй — нежное и едва осязаемое касание губ, не имеющее ничего общего с теми страстными засосами, которые частенько демонстрировались в кинофильмах.

— Пап, я не об этом.

— Хм... А о чем тогда?

— Понимаешь, я попросил другую девчонку научить меня танцевать. А она подумала, что я ее приглашаю на бал. Я не знаю, что теперь делать.

Папа на несколько секунд задумался, попутно опустошив бутылку.

— Вот что я тебе скажу, Дима, — отрыгнул он. — И рыбку съесть и на х... сесть у тебя не выйдет. Поэтому выбери ту, что тебе ближе к сердцу, и иди с ней. И презик возьми. У меня в тумбочке, в верхнем ящике.

— Но если я выберу Жанну, то кто же научит меня танцевать?

— Жанну? Львову, что ли?

— Ну, да.

— Вот уж она-то, по-моему, меньше всех будет страдать, если ты с другой пойдешь.

— Но ведь...

— Да без всяких «но». Я, конечно, не буду тебе на мозги капать. Через это каждый сам должен пройти: несчастная любовь, разбитое сердце, грустные стихи, бутылка водки и пачка сигарет... Только вот со временем ты поймешь, что рядом с тобой должен быть понимающий и близкий сердцу человек, который не бросит, не предаст. А все остальные — это так, для разнообразия. Когда жена уже совсем наскучит.

Я понял, что папу понесло на откровенность — видимо, бутылка пива была не первой. Меньше всего мне хотелось слышать, как он ходит «на сторону». Не то что бы я об этом не догадывался, но... все же он мой отец. Наверное, такие разговоры не очень правильны.

— Спасибо, пап, — сказал я, поднимаясь с дивана.

— Да пожалуйста, обращайся.

И он прибавил звук на телевизоре.

Глава 6

Я принял решение

Поскольку я полночи не мог заснуть, думая то о Маше, то о Жанне, утро у меня началось в полдень. Завтрак остыл, родители вяло переругивались у себя в комнате. Когда я дожевывал яичницу, напоминавшую по консистенции стирательную резинку, раздался телефонный звонок.

— Дима! — крикнул из прихожей папа, взявший трубку. — Тебя!

— Кто? — удивился я.

— Не знаю, невеста какая-то.

Я подбежал к телефону, думая о Жанне. Отошел от родительской комнаты, насколько позволял провод, и, прикрыв микрофон рукой, негромко сказал:

— Да?

— Привет, — послышался голос Маши. — Не занят?

— Я? А... Ну, как бы, нет, а что?

— Да так... У меня папа с утра уехал на какую-то встречу, и я подумала, может, ты сегодня придешь? Ты же хотел поучиться танцевать. Время есть, место тоже.

Сердце рухнуло в область копчика. Такого стремительного развития событий я не ожидал. По правде говоря, я уже всерьез начал верить, что произойдет какое-нибудь стихийное бедствие и заставит всех забыть об этом проклятом бале. Но Маша была не в курсе насчет бедствия.

— Сегодня? — переспросил я.

— Ага. Если ты, конечно, не занят.

— Да нет... Я приду, да. Скоро.

— Хорошо! — Я не мог не заметить эту радость у нее в голосе; радость, больно полоснувшую мне по сердцу. — Буду ждать. Адрес знаешь?

* * *

Направляясь к Маше, я выдумал четкую стратегию. Бала не будет! Я буду заниматься танцами, буду создавать видимость нетерпения перед Жанной, а за пару дней до бала наберу полную ванну холодной воды и простужусь к чертовой матери. Если очень повезет, то у меня даже будет воспаление легких и меня положат в больницу. Идеально!

Вид Маши в домашнем халате и плюшевых тапочках меня несколько ошеломил. Все-таки к одноклассникам хоть и привыкаешь, но представить их вне школы и улицы весьма затруднительно. А ведь они все живут в своих квартирах, пьют, едят, спят, принимают ванну и много чего еще.

— Заходи, — улыбнулась мне Маша. — Чай будешь?

— Нет, спасибо! — Утруждать ее еще и чаем я не хотел.

— Сразу к делу?

— Ну, наверное, да.

— Хорошо. Пойдем в зал.

Залом называлась просторная комната, вдоль одной из стен которой тянулись шкафы, а

на противоположной висел пестрый ковер. Третья стена обладала огромным окном, выходящим на солнечную сторону, благодаря чему в комнате было очень светло. Посмотрев вниз, я увидел палас, скатанный в рулон. Маша, очевидно, подготовилась к занятию и даже вымыла пол. Так стыдно мне еще никогда не было.

— Давай сперва послушаем музыку, — предложила Маша.

Я не возражал. Она подошла к проигрывателю, на котором уже стояла пластинка. Игла нашла канавку, и из колонок донеслось характерное потрескивание.

— Просто слушай, — сказала Маша. — Мелодию, ритм...

Комнату заполнили звуки вальса. Я неоднократно слышал такую музыку, но сейчас она оказала на меня какое-то странное воздействие. Музыка была одновременно мягкой и грозной. Она жила, извивалась, будто какое-то доисторическое чудовище, сверкала чешуйками. Столько силы было в этих звуках, что казалось, будто стены сейчас рухнут под этим неистовым напором.

— Вот с этим нам придется работать, — сказала Маша, выключая проигрыватель. — Начнем тренироваться без музыки, так будет легче привыкнуть к движениям. Ну, иди сюда.

Она протянула руки мне навстречу. Я внезапно осознал, что мне придется ее коснуться. Мало того — еще и практически обнять. Это было сродни изнасилованию...

— Ну давай, я не кусаюсь!

Я подошел к ней. Ноги совершенно онемели, я их не чувствовал. Незаметно обтер о джинсы вспотевшие ладони. Ну и как я должен танцевать в таком состоянии?

— Первым делом успокойся, — велела Маша. — Вдохни глубоко!

— Да я не...

— Я тебя не обвиняю. Просто ты взволнован, а с этим нужно справиться. Ну представь, что я мальчик! — она засмеялась. — Это же просто танец, Дима! Нас никто не увидит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Вот именно!» — подумал я. Тем не менее, я набрал в грудь воздуха и медленно его выдохнул.

— Полегчало?

— Вроде.

— Хорошо. Тогда начнем. Держи мою руку, вот так. А правую руку кладешь вот сюда. Да не бойся ты!

Возложение ладони на ее талию стоило мне еще одного глубокого вдоха. Левая рука Маши легла мне на плечо.

— Ну вот, это основная позиция, — тоном учительницы продолжала Маша. — В принципе, даже если ты научишься танцевать только так, то этого будет достаточно. Запомнил, куда руки девать?

— Запомнил, — улыбнулся я, подвигаясь чуть ближе. Маша немедленно отстранилась.

— Нет-нет, — сказала она. — Когда вальсируешь, между тобой и партнером должно оставаться небольшое расстояние, сантиметров пятнадцать.

— Да просто неудобно, — оправдывался я.

— Поначалу — да, а потом привыкнешь. Итак, перейдем к движениям. Самое элементарное — квадрат. То есть, танцуя, мы должны как бы очертить квадрат на полу. Ты шагаешь вперед левой ногой, я отступаю. Одновременно мы поворачиваемся. Ну, давай!

Я опустил глаза вниз и увидел босые ступни Маши — она, оказывается, успела скинуть свои смешные тапочки. Это зрелище снова меня взволновало, но я держал себя в руках.

Осторожно двинул ногой вперед, и ножка Маши, словно спасаясь от нападения, скользнула прочь. Одновременно она потянула меня за собой, и я чуть не упал.

— Не так уж плохо, — подбодрила меня Маша. — Только это не я тебя должна тянуть, а ты меня толкать. Это называется «вести». В танце девушка полностью тебе подчиняется. Если, конечно, это не танго. Теперь другой ногой.

Мы топтались по полу, наверное, около часа. За это время я привык к необычным движениям и даже добился некоторого автоматизма. Но под конец я так устал, что начал спотыкаться на ровном месте. Неутомимая Маша легко и непринужденно скользила в танце, негромко задавая ритм: «Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три».

В какой-то момент я все же потерял равновесие и начал падать прямо на свою партнершу. Мы умудрились удержаться на ногах, но когда опасность миновала, я обнаружил, что обнимаю Машу и крепко прижимаю ее к себе. А что больше всего меня поразило — она не делала попыток освободиться. Сквозь халат я чувствовал жар ее тела, разгоряченного танцем.

— Прости, — сказал я, отстраняясь.

— Да ничего...

Ее голос был слегка хриплым, будто от волнения. Посмотрев на нее, я увидел порозовевшие щеки и взгляд, направленный в сторону. Наверное, в такой ситуации кто-то один должен знать, что делать. Мы не знали. И я решился взорвать разом все воздушные замки.

— Извини меня, — прошептал я.

— Да брось ты, это ерунда! — Улыбка у Маши вышла невеселой.

— Я не об этом. Я обманул тебя. Дело в том, что на бал я пригласил Жанну. А она сказала, что пойдет, только если я буду уметь танцевать. Потому я тебя и попросил. Я не думал, что так... Ну, что вот так получится... Я так не могу. Прости.

Я не смотрел на нее во время этой спотыкающейся речи. Договорив, я повернулся и пошел к выходу. Маша молчала. Ах, если бы началось землетрясение или война... Но воскресный день был тихим, солнечным и умиротворенным.

Уже зашнуровывая ботинки, я услышал легкие шаги. Маша вошла в прихожую, снова надев свои тапочки, и оперлась о стену, глядя на меня. Я не мог встретить ее взгляд.

— Во вторник после уроков?

Мне показалось, что я ослышался.

— Что?

— Я говорю, во вторник после уроков придешь? Есть время? Когда ты с Жанной геометрией занимаешься?

— В понедельник...

Лицо Маши было непроницаемым. Тот контакт, что был между нами все эти годы, куда-то исчез.

— Ну тогда во вторник приходи.

— Зачем?

— Что значит, «зачем»? Учиться танцевать. Ты же за этим сюда пришел.

Хотелось по-детски зареветь и убежать. Я чувствовал себя полнейшим ничтожеством.

— Маша, я не пойду на бал, — сказал я. — Скажу, что я заболел, или еще что-то придумаю...

— Не слишком ли большая жертва? — Ее взгляд чуть-чуть потеплел. — Ведь ты по ней

с первого класса сохнешь. А тут — такой шанс. Может, единственный в жизни. И ты вот так просто отступишь? Почему?

— Потому что это подло по отношению к тебе.

— Дима, не надо так поступать. Да, конечно, мне неприятно было это узнать. Но если ты не пойдешь на бал из-за меня, то мне будет еще неприятнее. Я, может, и не самая умная брюнетка в мире, но понимаю, что обидеть меня ты не хотел. Так получилось. Бывает. Я научу тебя танцевать, как и обещала. А ты пойдешь на бал с Жанной, как и обещал.

— А ты?

— А я могу пойти с кем-нибудь еще. Или одна. В конце концов, какая разница, с кем под ручку ты зайдешь туда? Это просто бал, а не ЗАГС.

Я стоял молча и смотрел на нее, как нищий, вымаливая улыбку или еще хоть что-то, что доказало бы, что между нами не все кончено, что есть еще эта тоненькая связующая нить. Маша улыбнулась.

— Иди, — сказала она. — Не волнуйся за меня. Я в порядке.

* * *

Понедельник выдался мрачным во всех отношениях. Небо хмурилось тяжелыми тучами, в расписании громоздилась сплошная физика с математикой, Рыба не упускал случая вклеить мне подзатыльник, проходя мимо, а Маша словно не замечала моего существования.

На большой перемене ко мне подошла Жанна. Она взгляделась мне в лицо и нахмурилась.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, — я отвернулся.

— Когда?

Я поморщился, но ответил:

— В пятницу.

— Когда от меня домой пошел?

Я кивнул. Жанна продолжала вглядываться мне в лицо.

— Тот, о ком я думаю? — спросила она.

Ответить я не успел. В класс зашел Рыба, и Жанна тут же отошла от меня. Она в мгновение ока очутилась рядом с Рыбиным и перегородила ему дорогу.

— Ты чего? — удивился тот.

Жанна молчала и Рыба начал нервничать.

— Чего ты на меня смотришь? — буркнул он и попробовал обогнуть Жанну, но она сделала шаг в ту же сторону.

В класс зашел Петя. Рыба, заметив его, крикнул:

— Э, староста! Уйми свою девчонку.

Петя отреагировал мгновенно: подскочил к Жанне, взял ее за руку и потащил прочь, что-то негромко говоря. Рыба протиснулся мимо и занял свое место. Я, растерянный, смотрел на то, как Петя с Жанной о чем-то переговариваются. До меня не долетело ни слова из их диалога, а потом прозвенел звонок, и они разошлись.

Последним уроком значилась химия, и мы все, до смерти уставшие, с радостью, свойственной только школьникам, восприняли весть о том, что учительница заболела.

Радость немедленно омрачил Петя, заявивший, что ему поручена организация осеннего бала, и сейчас у нас по этому поводу будет классный час.

Мы заняли пустующий кабинет. Петя с блокнотом сел за учительский стол и окинул собравшихся важным взглядом.

— Короче, так, — начал он. — Во-первых, по одежде. Пацаны — в костюмах, девки — в платьях.

— Что это за «девки»? — возмутилась Ирина Ульина.

— Ну «девочки», какая разница, — отмахнулся Петя. — Бал будет в субботу тридцатого сентября. Репетировать начнем через неделю. Короче, нужно минимум пять пар для первого танца, потом по фигу. Это будет конкурс с параллельным классом. Кто лучше станцует — там какие-то призы будут. Надо отнестись со всей ответственностью. Короче, давайте пары выбирать.

Поднялся шум. Девчонки со смехом тыкали пальцами в парней, а те, отчаянно мотая головами, всеми силами пытались выразить презрение к самой идее каких-то там танцев и тем более пар. Рыба орал, что надо просто диджея с ДК позвать и на фиг все эти конкурсы. В общем, гвалт стоял невообразимый.

Наконец, Пете удалось установить подобие порядка. Он стал писать на доске имена тех, кто должен пойти. Сначала — парней. Антонов Петр возглавлял список, следом шли Семен Волохин, Илья Киров, Сергей Маклаков и Антон Дрокин. Потом стали распределять девочек. С Антоном проблем возникло больше всего — никто не желал стать парой для человека с такой фамилией. Надо отдать Антону должное — он сидел с высоко поднятой головой и умело делал вид, что задумался о чем-то постороннем и, очевидно, великом.

Себя Петя оставил напоследок. Наблюдая за его действиями, я понял, что Петя решил упрочить свой авторитет, высмеяв всех, кого можно. Сделав вид, что отчаялся спарить Антона с кем-либо (можно подумать, он не знал, что так получится!), Петя посмотрел мне прямо в глаза и громко заявил:

— Дима! А может, ты?

Не дожидаясь ответа, он стер Дрокина с доски и написал: «Семенов Дмитрий». Даже по его спине я чувствовал, как он ждет смеха. И класс его не подвел. Сперва заржал Рыба: «Да, Димыч — первый Казанова на селе!», потом его смех подхватили все остальные.

Улыбающийся Петя повернулся к классу, дождался, пока смех утихнет, и спросил:

— Ну, Дима? С кем пойдешь?

Класс замер. Они готовились встретить любую мою фразу очередным взрывом хохота. Я встал, ощущая гулкие удары в висках, не зная, покраснел я или побледнел, и сказал:

— Жанна Львова.

Это был прыжок в неизвестность. Жанна не смотрела на меня, она сидела впереди, на соседнем ряду. Я видел лишь ее затылок, ее взбалмошную прическу и руки, лежащие на парте. Сейчас она может засмеяться вместе со всеми и сказать: «Да ни за что на свете!»

Петя согнулся от приступа смеха, и класс поддержал его. Пожалуй, не смеялись только четверо. Я, внимательно смотрящий на затылок Жанны. Жанна, невозмутимо глядящая на Петю. Маша, смотрящая в окно, и Боря, вечно сияющий взгляд которого охватывал, казалось, весь класс.

— Ну, Жанна, защищайся! — воскликнул Петя, встав в стойку фехтовальщика.

Когда стихли последние смешки, Жанна подала голос:

— Что? Забыл, как мое имя пишется?

Петя замер, глядя на нее непонимающим взглядом.

— В смысле... А...

— Нет, сначала — «Ж». Потом «А». Двойное «Н». И снова «А».

— В смысле, мне записать? — все еще не мог поверить несчастный староста.

— Ну, можешь нарисовать, если тебе так проще, — пригвоздила его Жанна.

Петя повернулся к доске и стал выводить имя Жанны. Больше никто не смеялся. Начали шептаться, поглядывая то на меня, то на Жанну. Сидящая рядом с ней Зина Яковлева так и вовсе окатила меня взглядом, полным презрения, после чего принялась что-то горячо шептать на ухо соседке. Жанна только отмахнулась от нее.

— Мне даже возвращаться расхотелось, — услышал я шепот.

Повернувшись к Боре Брику, я всем своим видом выразил непонимание.

— Да тут у вас так интересно, — пояснил он. — Вся эта коллективная психология, психология толпы... Боюсь, Бориного мозга не хватит, чтобы постичь все то, что мне хочется!

Я вспомнил тот вопрос, который хотел ему задать, и уже раскрыл рот, но тут нас отвлекли. Видимо, шепот Брика достиг ушей старосты, который как раз закончил писать фамилию Жанны. Он повернулся и уставился на Бору.

— Борис Брик! — воскликнул он, видимо, надеясь взять реванш. — А как насчет тебя?

В классе захихикали. Боря, конечно, был тем еще кавалером — коротышка, да еще и склонный к полноте. Подлый Петя вывел на доске: «Маленький Принц», после чего класс засмеялся на несколько децибел громче.

— Ну что, Маленький Принц? Выберешь себе принцессу?

— Вроде как нужно было пять пар, — невозмутимо ответил Боря. — Я совсем не умею танцевать. В этом нет никакого смысла.

— Ну как же! — всплеснул руками Петя. — Чтобы не подумали, что мы новенького притесняем. Нет уж, давай-ка выбирай свою даму сердца!

Боря все так же спокойно окинул взглядом хихикающих девчонок, ни одна из которых не выразила желания даже в шутку назваться его партнершей.

— Я бы предпочел воздержаться, — сказал Брик. — На бал я, безусловно, приду, но...

— Мария Шibaева!

Петя и Брик одновременно повернули головы в сторону Маши. Я, раскрыв рот, тоже глядел на нее.

— Ты? — чуть ли не прохрипел Петя.

— Ну да, я.

— С Бриком?

— Почему бы не потанцевать с Маленьким Принцем? — улыбнулась Маша. Ее лицо было все таким же непроницаемым, как и вчера, когда я уходил от нее.

— Ну... ладно, пусть так.

Поверженный Петя написал на доске имя и фамилию Маши. Потом заполнил единственную пустую строку, вписав напротив своего имени Настю Елизарову. Немного помолчал, глядя на готовый список, и пожал плечами:

— Ну все тогда. Через неделю сообщу о репетициях. Все, расходимся!

Я задержался, стараясь поймать взгляд уходящей Маши. Тщетно: она не повернула голову в мою сторону. Не посмотрела ни на меня, ни на Брика. Зато меня тут же взяли в оборот с двух сторон, и при этом одновременно.

— Ну что, пойдём? — с правой стороны подошла Жанна.

— Дима, мне опять нужна твоя помощь! — поднялся слева Брик.

Я закрутил головой, определяя приоритеты.

— Я через минутку подойду, ладно? — сказал я Жанне. Она кивнула и отошла, смерив Борю надменным взглядом.

— Что случилось? — спросил я своего друга, полагая, что он засыплет меня вопросами о предстоящих танцах.

— Мне нужно найти работу, — признался Брик.

— Работу? Зачем?

— Дело в том, что запас денег заканчивается, а мое восстановление завершилось только на десять процентов. Можешь помочь?

Я немного подумал, а потом кивнул.

— Ну, есть один вариант. Сегодня поговорю.

— Спасибо. Ладно, не буду тебя задерживать.

Жанна сидела, болтая ногами, на учительском столе. Повернувшись, я увидел подошедшего к ней Петю. Он что-то тихо говорил, разводя руками. Не без удовольствия я заметил румянец у него на щеках. Жанна не удостоила его и взглядом. Я сделал несколько шагов к ней, и Петя, заметив меня, повернул вспять.

— На будущее. — Жанна повисила голос, обращаясь к Пете. — Спички детям — не игрушка.

Петя не обернулся, а я осмелился спросить:

— О чем вы?

Жанна нахмурилась и посмотрела в сторону.

— Заигрался, — негромко сказала она.

— В смысле?

— Готов? — Она смотрела на меня с таким заразительным весельем, что я сразу же забыл все свои вопросы.

— Да, пойдём!

В этот раз все было немного лучше. Простые действия по открыванию дверей уже не вызывали паники. По дороге у нас с Жанной даже завязался разговор.

— Кажется, Мария была расстроена, — сказала она.

— Думаешь? Почему? — Я «включил дурака».

— Не знаю даже. Может, потому что рассчитывала идти на бал с тобой.

Бал! Опять этот чертов бал. Я внезапно представил себе кружащихся в танце Борю и Машу. Это зрелище заставило меня содрогнуться. Он — равнодушно впитывающий новые ощущения и информацию, и она — с каменным лицом. Неправильно это, не должно так быть.

— Но я ведь уже иду с тобой.

— Я тебя не держу. — Жанна вдруг посмотрела мне прямо в глаза. — Серьезно. Ты можешь пойти с Марией, никаких проблем. Я все равно приду, и ты сможешь пригласить меня на танец, если захочешь.

— Ты не хочешь идти со мной? — упавшим голосом спросил я.

Жанна вздохнула и отвернулась.

— Дима, сказать тебе честно? Я вообще туда идти не хочу. Абсолютно. И не пошла бы, даже не знала бы, в какой день это все будет. Если тебе хочется пригласить меня на

свидание, то, как по мне, интереснее в кафе посидеть.

Пригласить на свидание! Я был поражен. Неужели все так просто: подойти и пригласить на свидание? И она бы согласилась? И вчера, и неделю, и год назад? Все это время я был в одном шаге от своей мечты, и только трусость помешала мне сделать этот шаг!

— То есть, ты согласилась только ради меня? — Теперь я чувствовал себя виноватым.

— Я думала, ты понял. Ну, так что? Твое решение?

Мне не нужно было долго размышлять над ответом:

— Я уже принял решение.

Набравшись смелости, я взял ее за руку. Ощутил тепло и прохладу ее тонких пальцев, которые слегка дрогнули, а потом осторожно сжались. Жанна искоса посмотрела на меня и вроде бы слегка улыбнулась. Так мы и шли, молча пиная желтые листья, которых все больше становилось на тротуарах.

* * *

Когда с геометрией было покончено, я вернулся домой и достал из ящика стола позабытый сотовый телефон. Мне подарили его летом, на день рождения. Поигравшись пару недель, я бросил его в стол за ненужностью. Звонить было некому. Друзей нет, родственники пользуются домашним телефоном.

Найдя в списке контактов своего двоюродного брата, я нажал на «вызов» и принялся слушать гудки. Уже после третьего в динамике послышался отдаленный визг пилы.

— Димон! — густым басом поприветствовал меня брат. — Сколько лет, сколько зим?

— Привет, Коля, — улыбнулся я. Он был старше меня на десять лет, но общался всегда как с равным.

— Привет-привет! Как оно?

— Да потихоньку. Учеба-дом, дом-учеба.

— Тоска. Давай к нам, бросай это гиблое дело!

Коля бросил школу после восьмого класса и, насколько я мог судить, ни разу об этом не пожалел.

— Я вот как раз об этом. Вам там работник на неполный день не нужен? Школьник.

— Чего, по деньгам прижало?

— Да это не мне. Другу заработать надо.

— Ну подъезжайте завтра.

— Хорошо! — обрадовался я, и тут же нахмурился. — Блин, Коля, завтра не выйдет. У меня завтра танцы.

— Танцы? — удивился Коля. — Ну, танцы так танцы. В среду?

— В среду клуб, — вздохнул я, вспоминая выбранного мной Олдоса Хаксли.

— Блин, танцы, клуб... — проворчал Коля. — Прямо джентльмен английский. А в четверг чего? Гольф?

— Нет, в четверг только школа, — улыбнулся я в трубку. — Да, получается, в четверг приедем.

— Договорились. Давай, начальник орать сейчас начнет!

Он сбросил звонок раньше, чем я успел попрощаться. Положив телефон, я задумался. Еще недавно один мой день был похожим на другой, и вдруг... Танцы, клубы, отношения с

двумя девушками, напоминающие голливудскую комедию. Я тихонько засмеялся в пустой комнате.

* * *

Уже стемнело за окном, когда в дверь постучали. Я слышал из своей комнаты, где, лежа на кровати, перелистывал, освежая в памяти, «О дивный новый мир», как папа, шаркая по полу тапками, подошел к двери. Щелкнул замок, послышались голоса. И вдруг постучали ко мне.

Открыв дверь, я увидел серьезного отца и перепуганную мать.

— Что случилось? — спросил я, перебирая в голове все свои действия за последнее время, которые могли привести к каким-то страшным последствиям.

— Тут с тобой милиционер поговорить хочет, — сказал отец.

Я увидел за его спиной человека в милицейской фуражке. Лицо его было бесстрастным и даже немного бледным. Словно не живой человек, а зомби или робот. У меня пересохло во рту от непонятного страха.

— Дмитрий Семенов? — бесцветным голосом произнес блюстителъ закона.

— Да, я.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов. Это не займет много времени.

Он говорил, будто не вкладывая никакого смысла в свои слова. Словно исполнял некий ритуал, в необходимость которого сам не верил ни на грош.

— Хорошо. — Я пожал плечами, наслаждаясь сознанием того, что не совершил ничего противозаконного и скрывать мне совершенно нечего.

— Вы знали Павла Мартынова?

Я не сразу понял, о ком говорит милиционер. Этого человека в нашем поселке звали Мартыном или Мартышкой. Ему было лет двадцать и, кажется, он родился с какой-то травмой. Частенько можно было видеть его вихляющуюся походку: он ходил, словно пьяный, размахивая руками и что-то бормоча. Разумеется, никогда не учился и не работал. Его содержала немолодая уже мать, а отец сбежал от них много лет назад.

— Ну, я видел его, — признал я. — Так, вообще, не знаком.

Взгляд милиционера сверлил меня, словно пытаюсь проникнуть вглубь черепной коробки. В фильмах менты как-то подбрее выглядели.

— Что вы делали вчера вечером? — еще один равнодушный вопрос.

— Вечером? Да ничего. Дома сидел.

— Мы это можем подтвердить, — вставил отец, взглянув на маму. — Мы весь вечер были дома, все.

— Хорошо, — кивнул милиционер. — Я вам верю. Еще один вопрос. И просьба. Не встречал ли ты, Дмитрий Семенов, в последнее время странных людей?

«Кроме вас — нет!» — хотелось сказать. Но я сдержался.

— В каком смысле «странных»?

— Которые ведут себя не так, как принято. Говорят необычные слова. Осуществляют необычные действия.

Признаться, в этот момент мысль о Боре меня не посетила. Он, конечно, был странным, но все свои странности объяснил, и они как-то смазались, влившись в общую схему жизни.

Лишь много дней спустя я понял, что неосознанно спас Брику жизнь.

— Может быть, какие-то новые люди в поселке, которые ведут себя необычно?

Я смотрел темные, пустые глаза милиционера и видел в них вечность, бесконечность холодных космических бездн. На какой-то миг я лишился дара речи. Панический ужас охватил меня, поднявшись откуда-то снизу, стиснув сердце, парализовав гортань и заставив волосы подняться дыбом.

— Н-нет, — выдавил я. — Ничего такого необычного.

Милиционер пожал плечами. Ему будто было все равно, какой ответ он получит.

— Простите за беспокойство, — сказал он и повернулся к двери.

— А что все-таки случилось? — спросил отец.

Милиционер повернул к нему свое лицо, похожее на гипсовый слепок.

— Павел Мартынов был убит вчера вечером. Свидетели говорят о том, что видели с ним подростка, предположительно — школьника.

Он ушел. Отец запер замок. Сначала на один оборот, как обычно, потом, подумав — на второй.

— Черте что, — проворчал он. — Кому могло понадобиться убивать Мартынку? Он же мухи не обидит.

— Мать — бедолага, — вздохнула мама. — Сколько с ним намучилась...

— Да, может, и к лучшему, — возразил отец. — Хоть проживет спокойно на старости лет.

Я вернулся в свою комнату, но читать уже не мог. Из головы не шел этот безжизненный взгляд. Может, все это — игра воображения? Просто какой-то отморозок вроде Рыбы убил Мартына, и милиция проводит обязательную проверку, опрашивает всех.

Но, как бы я себя ни успокаивал, заснуть мне удалось лишь глубоко за полночь. Во сне я кружился в вальсе с Жанной. Она смотрела на меня, и ее глаза сияли. А потом, когда музыка смолкла, мы с ней поцеловались, и вокруг засияли яркие звезды.

Глава 7

Баланс сил

Я десять лет таил свою любовь, и все эти годы ни одна девочка не общалась со мной дольше необходимого минимума. Теперь же, когда мы с Жанной внезапно стали парой, когда поползли слухи о том, что я хожу к ней домой, вся мощь школы обрушилась на меня.

Девчонки при виде меня начинали шептаться, фыркать и хихикать. Парни сторонились, тоже что-то обсуждая. Я чувствовал, что сотни невидимых орудий целются в меня, и одному богу известно, когда поступит команда «Огонь!»

Первые залпы грянули уже на уроке физики. Рано утром я всегда с трудом концентрируюсь на учебе. Вот и в этот раз я засмотрелся в окно, пока Анна Федоровна объясняла материал. Из задумчивости меня вырвал ее пронзительный окрик:

— Семенов! Давай на уроках ты учиться будешь, а о девочках можно и потом помечтать!

Я вздрогнул, устремив на учительницу удивленный взгляд. И тут с другого конца класса послышался еще один «выстрел»:

— Ага! Ночью, под одеялом!

Дружный хохот одноклассников встретил эту блестящую остроуту. Анна Федоровна побагровела.

— Волохин! Встать!

Семен, пряча улыбку, вальяжно поднялся со своего места. Рыба, сидящий рядом с ним, трясся от смеха, уткнувшись в раскрытый учебник.

— Еще одна такая выходка, — зловеще начала Анна Федоровна, — и я докладную напишу. За постоянные срывы уроков.

— А чего я-то? — возмутился Волохин. — Я так, просто. И не постоянно!

— Это ты педсовету доказывать будешь! Сядь, и чтобы ни звука!

Урок худо-бедно вошел в колею, но настроение у меня было безнадежно испорчено. Я посмотрел туда, где должна была сидеть Жанна, но ее там не было. Она частенько пропускала первые уроки.

— Онанизм считается позором? — донесся до меня громкий шепот Бориса. Настя Елизарова и Надя Зыкина, сидящие перед нами, чуть повернули головы, и я мысленно пожелал террористической атаки на здание школы.

— Боря, заткнись, — прошептал я.

— Просто в той книжке, что я читаю...

— Просто заткнись.

Слава богу, он внял моей мольбе.

На перемене я хотел поговорить с Борей о вчерашнем происшествии, но сделать этого мне не дали. Едва мы перешли в другой кабинет и приготовились к уроку, как ко мне вразвалочку подошли Рыба и Семен.

— Слышь, Димыч, а Жанка какие трусы носит? Стринги? — пожевывая жвачку, спросил Семен.

У меня дыхание перехватило, и я почувствовал, как кровь отливает от лица. Звонок, учитель, кто-нибудь, остановите это!

— Ты скажи, мне просто интересно, — напирал Семен. Рыба пока молчал, только

посмеивался.

— Я не буду об этом говорить, — тихо сказал я. Сказать «не знаю» не позволяла идиотская подростковая гордость. Сказать «не твое собачье дело» не позволял страх.

— Да ладно тебе! Чего такого-то? Я ж тебя не прошу их мне принести, просто скажи, какие.

Я молчал.

— Слышь, Димыч, — подошел Рыба. — Тема такая. Или говоришь, о чем спрашивают, или мы Жанке скажем, что ты обещал ее трусы нам принести.

— Она не поверит, — вырвалось у меня.

— Да ладно? Я, так-то, убедительно могу сказать, если что.

Я снова молчал, глядя в парту. Семен толкнул меня в плечо.

— Ну так что? Какие трусы носит?

И в этот момент подал голос Боря, до сей поры молча сидевший рядом.

— Ты собираешься использовать эту информацию для онанизма?

Рыба и Семен уставились на него, не веря своим ушам.

— Чего? — нахмурившись, переспросил Семен.

— Я уважаю в людях тягу к познанию, — непринужденно говорил Борис. — Но познание должно быть осмысленным. Тебя внезапно заинтересовал тип нижнего белья, которое носит конкретная девушка. Для чего тебе эта информация? Как ты сможешь ее использовать? Я не вижу ни единого варианта. И вывод напрашивается простой. Эта девушка — предмет твоего вожделения, но вступить с ней в половую связь ты боишься или же не можешь. Поэтому ты, обладая скудным воображением, собираешь информацию о различных деталях, имеющих к ней отношение, чтобы потом, воссоздав в воображении ее целостный образ, предаться иллюзорному сексу с ней. Неясно только, зачем тебе информация о трусах. Уместнее было бы спросить о родинках, например. Насколько мне известно, людям свойственно менять белье каждый день. И это та деталь, которую ты будешь воображать непродолжительное время, прежде чем удалишь ее со своей идеальной модели. Если уж тебе нужна такая достоверность, то сходи в магазин женского белья, выбери понравившиеся трусы и воображай их.

Очнувшись от первоначального потрясения, Семен схватил Борю за шкуру.

— Ты чего, крысеныш, опять наполучать захотел, а? — прошипел он.

— Просто пытаюсь помочь тебе оптимизировать свою деятельность! — ослепительно улыбнулся ему Брик.

— Сема, вмажь ему, а? — посоветовал Рыба. — Сильно до фига базарит.

— А я сейчас вмажу! — Кулак Семена начал подниматься.

— Так, ребята, что там у вас такое? — послышался голос Нины Валерьевны.

Семен нехотя опустил кулак.

— Да мы так, разговариваем просто с пацанами, — отозвался Рыба.

— Учили бы лучше, разговорщики. Опять сегодня контрольную на «два» напишешь.

— А чего, сегодня контрольная? — возмутился Рыба.

— Ну здравствуйте, проснулись! На уроки ходить надо, Рыбин!

Сдав, наконец, листок бумаги, густо исчерканный разнообразными химическими уравнениями, я выскочил из класса в коридор, где меня ждал Брик, закончивший еще раньше.

— Возвращаясь к теме онанизма, — сказал он. — Полагаю, я правильно понял обценную роль этого термина?

— Господи, Боря, ты о чем-нибудь другом думать можешь? — застонал я.

— Знаешь, честно говоря, с трудом, — признался Брик. — С тех пор, как я начал изучать эту книгу, меня не покидает физическое и психологическое желание осуществить половое соитие. Онанизм не слишком помогает, хотя и...

— Об этом мне знать не обязательно!

— Но ты же мой друг.

— И что?

— Я думаю, ты не станешь использовать эту информацию против меня. В принципе, конечно, можешь использовать, если так полагается.

— Боря, — вздохнул я, — давай сойдемся на том, что эта информация мне просто не нужна. Это твое личное дело!

— Ты же понимаешь, что даже личные дела представляют для меня проблему. Я новичок в этом теле. И прошу от тебя помощи. Можешь поглядеть, правильно ли я...

Его прервал стук двери. Из кабинета вышел Петя Антонов, и лицо его не предвещало ничего хорошего.

— Самые умные, да? — обрушился на нас староста.

— Ты о чем? — удивился я.

— Почему так рано вышли?

Мы с Борей переглянулись. Брик хотел пояснений, но тут я сам ничего не мог понять.

— Если меня опять будут прессовать за успеваемость класса — вам обоим конец! — раскрыл свою мысль Петя. — А тебя, — он указал на Брика, — я вообще ментам сдам! Вчера бы мог, да пожалел дурака.

Брик, прищурившись, смотрел на Петю. Внезапно он вздрогнул и резким движением положил руку ему на плечо.

— К тебе он тоже приходил? — Голос Брика стал серьезным.

— Кто? Мент этот странный? Ну да.

— И ты хотел рассказать ему обо мне?

— Да иди ты в пень! — Петя, скорчив брезгливую гримасу, стряхнул со своего плеча его руку. — Из тебя убийца, как из Рыбы учитель младших классов.

— Это все, что я хотел знать, — улыбнулся Брик. — Спасибо за беседу.

— Подавись, — сказал Петя и пошел по своим делам.

Брик провожал его взглядом.

— Почему ты мне не рассказал?

— Про что? — переспросил я.

— Про милиционера, который приходил к тебе вечером.

Я озадачился. Убийство Мартынки никак не вязалось в моем сознании с Бриком. Насколько я знал, они даже не встречались ни разу.

— Я видел его, когда шел в первый раз в школу, — сказал Брик. — Пытался установить контакт, но тщетно. Он меня немного озадачил.

— Так, погоди-ка! — я поднял руку в останавливающем жесте. — Это что такое сейчас

было?

— Что? — удивился Боря.

— Как ты узнал, о чем я думаю?

— Ах, это... Ну, я исследую различные возможности человеческого мозга. Знаешь, многие из них весьма интересны!

— Ты что, можешь читать мысли?

— Это так называется? Ну да, я могу узнать, о чем думает человек. И, кстати, я прекрасно знал, чего на самом деле хотел Семен. Представляешь, его вообще не интересуют трусы Жанны! Он просто хотел тебя унизить!

Я выронил на пол пакет с учебниками, но даже не заметил этого сразу. Внутри все кипело.

— По-твоему, я этого не знал? — крикнул я. — Да они из кожи вылезут, чтобы меня в грязь втоптать! И какого дьявола ты пристал к нему со своим онанизмом?

— Мне показалось, что я тебя защитил, — развел руками Борис. — Он хотел высмеять тебя, а я высмеял его.

— Боря, твое чувство юмора не имеет ничего общего с человеческим! Семен не понял и двух слов из того, что ты ему сказал.

— Это да, — приуныл Боря. — После пары предложений у него словно какой-то блок включился. Но я продолжал, надеясь, что ты оценишь шутку. Ну а что? Я использовал контекст, извратил его и приложил остроумие. По-моему, я создал идеальную ситуативную шутку, хотя и довольно грубую.

Я отошел от подоконника, схватился за голову, вернулся назад.

— Боря, — сказал я, — если ты не хочешь казаться странным, прекрати все это делать. Не шути никогда, у тебя это не получается. Не надо меня защищать таким образом — это ненормально! И, самое главное, нельзя читать человеческие мысли — этого никто не умеет!

— Маша умеет, — возразил Брик. — Не в такой мере, пожалуй, и вряд ли она осознает эту способность, но — умеет. Да и у тебя есть задатки.

— Маша? — тупо переспросил я.

— Ну да. Господи, у нее такая каша в голове — хуже, чем у тебя. Рассказать тебе, почему она решила пойти со мной на бал?

— Нет!

— Это имеет непосредственное отношение к тебе.

— Нет, Боря, твою мать, я ничего не хочу об этом знать! Дай мне самому разобраться! Мне не нужна сверхъестественная помощь!

— Хорошо.

Боря спрыгнул на пол, подошел ко мне и положил руку на плечо.

— Я понял твои чувства, Дима. Обещаю, что впредь постараюсь не читать твои мысли. Постараюсь перестать шутить. И я снова прошу тебя о помощи. Научи меня быть таким же, как все. Я прекращаю свою познавательную деятельность и собираюсь заняться мимикрией.

Я усмехнулся. Все-таки это был поразительный человек. Минуту назад я его практически ненавидел, а теперь снова вижу в нем друга. Наверное, его предельная искренность была тому причиной.

— В первую очередь, давай поработаем над твоим словарным запасом, — сказал я. — Ты говоришь неестественно.

— Что ты подразумеваешь под «неестественно» в данном контексте? — удивился Боря.

— Вот именно это! В шестнадцать лет так не говорят. Да и в сорок лет тоже. Разве что какие-нибудь профессора. Правильным ответом на мою фразу будет: «Чё?» Вообще, запомни это слово. Оно универсально, всегда его употребляй, если чего-то не понимаешь.

— «Чё», — повторил Брик. — Я запомнил. Что еще?

— Я не знаю... Я будто стою возле разбомбленного города и пытаюсь перечислить все, что сломано. Просто слушай, как говорят другие. И сам старайся говорить так же.

— Они же и тысячной доли языка не используют!

— И это нормально!

— Нет! Это — плоды деятельности Разрушителей. Вы не должны быть такими. У вас уже исказилось представление о том, что нормально, а что нет!

— Расскажешь об этом Разрушителю?

Боря негромко выругался.

— Ну вот, уже лучше, — подбодрил его я. — Продолжай в том же духе!

В этом разговоре был какой-то пробел, который не давал мне покоя ближайшие два часа. Только потом уже, идя домой к Маше на очередной урок танцев, я понял, что это было. Брик, которому только что было плевать на то, как он выглядит со стороны, внезапно согласился притворяться. После того, как узнал про расследование убийства.

Я посмотрел на сидящего рядом Брика. Чего же он испугался? Жаль, что я не умею читать мысли! Хотя, наверное, все просто. Он сообразил, что если кто-то укажет на него, как на подозрительную личность, то вскроется история с матерью. Да, убийство Мартына явно не было на руку Брику. Дойдя до этой мысли, я внезапно осознал, что подозревал Брика еще и в этом преступлении. Но теперь подозрения рассеялись. Нужно просто помочь ему не выделяться, пока не найдется истинный убийца.

* * *

Сперва левая нога, потом правая, потом опять левая — у меня уже получалось вальсировать. Только одно доставляло неудобства — Маша совершенно закрылась от меня. Поэтому, когда она предложила перейти к более сложным фигурам, я покачал головой:

— Прости, но я не могу.

— Что такое?

— Все это... Так не правильно, я не могу так.

Я машинально опустился на диван, словно у себя дома. Маша села рядом.

— Я тебе совсем не нравлюсь? — спросила она вдруг.

— Что? — Я чуть не поперхнулся. — Нет! Не в смысле «нет», а... Да...

Это признание вырвалось у меня внезапно, и я понял, что сказал правду. Маша действительно мне нравилась. Не так, как Жанна, но все же.

— Тогда почему ты не можешь? — допытывалась она. — Я научу тебя танцевать по-настоящему хорошо, у нас много времени.

— Дело совсем не в этом.

— В чем же?

— В том, что чувствуешь ты. Что чувствую я. И в том, что будет в итоге.

Она долго молчала, а я боялся посмотреть ей в лицо.

— Откуда мы знаем, что будет в итоге? — спросила она тихо. — Это просто бал. Это

всего лишь школа. Все может измениться.

Я посмотрел на нее и увидел прежнюю Машу, чье сердце было мне открыто.

— Это не правильно, — прошептал я.

— Нет ничего «правильного», — в тон мне ответила Маша. — Давай делать то, что нужно сейчас. А будущее подскажет нам следующий шаг.

Я улыбнулся ей. Не мог не улыбнуться.

— Давай.

— Ну, тогда перерыв окончен. Продолжаем занятие!

* * *

Выйдя на улицу, я все еще ощущал себя подлецом. Причем, подлецом в квадрате. Потому что к чувству вины перед Машей прибавилось чувство вины перед мамой. Ведь направлялся я не домой, а к Боре Брику. И цель этого визита возводила мою подлость в куб.

Дверь была не заперта. Для приличия постучавшись, я вошел внутрь. В глаза сразу бросился относительный порядок. Боря успел разобрать все коробки и даже, кажется, подмел пол.

— Есть кто живой? — крикнул я.

Дверь во вторую комнату распахнулась, и на пороге оказался Боря, сжимающий в руке паяльник.

— А, это ты! — воскликнул он. — Заходи скорее, я тебе кое-что покажу.

Я повиновался. В комнате царил художественный беспорядок. Я ожидал увидеть россыпь книг, но увидел кучу проводов, радиодеталей, плат и микросхем, заполонивших письменный стол. Кое-что из этого добра валялось и на полу.

— Чем ты тут занимаешься? — любопытствовал я.

— Как раз закончил. У меня никак не идет из головы тот факт, что вы игнорируете индукцию. Кажется, я сумел собрать установку, которая окажет человечеству огромную помощь. Итак, смотри!

Боря показал мне пальчиковую батарейку и подсоединил ее к двум клеммам своего загадочного прибора, больше похожего на грудку мусора. Выждав несколько секунд, он убрал батарейку, взял настольную лампу и подключил ее к розетке, также валяющейся на столе. Лампа загорелась.

— Видишь? — с торжествующим видом повернулся ко мне Брик.

— Лампочка горит, — кивнул я.

— Именно! Я подал незначительный импульс на схему, и сейчас энергия, переходя из одного состояния в другое, питает лампу накаливания. Мне интересно, сколько она проработает. Давай подождем!

Напротив стола стояла застеленная кровать, и мы сели на нее. Лампа горела.

— Слушай, Боря, — сказал я. — У меня к тебе просьба.

— Слушаю тебя.

— Мысли не читаешь?

— Нет, я же обещал.

— Ясно. Ты говорил, что знаешь, почему Маша решила пойти с тобой на бал. Я хочу, чтобы ты рассказал мне.

Боря покосился на меня. Он боялся оторвать взгляд от лампочки.

— Уверен? — спросил он.

— Абсолютно.

— Я расскажу, без проблем, но... Знаешь, поразмыслив, я решил, что тебе эта информация принесет только вред. Ты начнешь менять свои решения, или не менять, но в любом случае будешь ощущать угрызения совести.

— Плевать. Тем более что я знаю ответ. Просто хочу убедиться наверняка. Говори.

— Хорошо. Маша влюблена в тебя. И, как бы глупо это ни звучало, она хочет заставить тебя ревновать. Я не скажу, что это был продуманный план, нет. Она вызвалась под влиянием импульса. Так же, как эта лампочка. И я не знаю, сколько она еще будет «гореть». Возможно, что до самого бала ее не хватит. Она уже сегодня сомневалась в своем решении.

Я стиснул зубы. Ну вот, все твои предположения оправдались. Рад? Как-то не очень.

— Как давно? — шепнул я.

— Чё?

— Как давно она... влюблена в меня.

— Сложно сказать наверняка. Пожалуй, это чувство живет в ней уже несколько лет. Но она не признавала его до недавних пор. Когда она думала, что ты приглашаешь ее на бал, она ощутила первые признаки. А когда ты рассказал ей про Жанну, чувство раскрылось полностью.

Мы молча смотрели на спокойно светящуюся лампу. В голове у меня была невероятная пустота. Я просто не знал, как и о чем думать.

— Что же мне делать? — спросил я.

— Ты задаешь этот вопрос даже не человеку, — напомнил Брик. — Я бы мог дать тебе совет, исходя из своего понимания ситуации. Но вряд ли ты его воспримешь правильно.

— А ты попробуй.

— Ладно, попробую. Только пообещай, что не станешь на меня злиться.

— Не стану.

— Тебе нужно сойтись с Жанной, многократно вступить с ней в половую связь, потом бросить ее и уйти к Маше. И жить с ней уже постоянно.

Я посмотрел на Борю, так, словно он был учителем математики, рассказывающим, что сумма квадратов гипотенуз равна квадратному корню из равнобедренного тетраэдра.

— Ты сам-то себя понял? — спросил я.

— Я — да. А вот ты — нет. И Маша нет. И Жанна тоже. Вы все блуждаете во тьме и мните себя первооткрывателями. А на деле нужно просто открыть глаза и убедиться, что рядом с вами бродят миллионы таких же. Маша — идеально подходящая тебе девушка. Но отдать ей предпочтение ты не можешь из-за Жанны, которая — твой «запретный плод», недостижимый идеал. И останься ты с Машей сейчас, будешь постоянно жалеть об упущенных возможностях. Поэтому разумный вариант — уничтожить иллюзии. Я уверен, что пожив или даже просто повстречавшись с Жанной несколько месяцев, ты увидишь, что она капризна, эгоистична, себялюбива и на окружающих людей ей попросту плевать. Ты поймешь, что не так уж она и идеальна. И осознаешь, что Маша гораздо лучше, с какой стороны ни взгляни.

В этот момент лампочка несколько раз мигнула и погасла.

— Великолепный результат! — Боря моментально переключился с психологии на электронику. — Я на сто процентов уверен, что некоторая часть энергии все же пропала

втуне, но это уже успех! Ты понимаешь, что это нам дает?

— Нет, — признался я. Мыслями я был бесконечно далек от энергетических проблем.

— Вот эта батарейка, цена которой пятнадцать рублей, может запитать все электрооборудование в доме. Все! И, даже если я буду жечь свет и телевизор постоянно, ее хватит, как минимум, на двое суток. Впечатляющая экономия, не правда ли? Но и это еще не все! Мне нужно собрать блок питания для подключения к сети, импульсный трансформатор или что-то вроде того, и тогда можно будет обойтись без батареек. Достаточно подключить прибор к проводам, идущим к дому, и все. Потребление энергии будет стремиться к нулю. А то эти квитанции, что принес почтальон, немного меня встревожили. Разумеется, в перспективе еще и новый тип проводов, которые смогут еще лучше сохранять идущее по ним электричество. Я уже представляю себе конструкцию такого провода, но воссоздать ее в домашних условиях будет весьма проблематично. Надо искать выход на производящие предприятия. Кроме того, мы можем оформить патент. Когда я уйду, ты останешься во главе самой успешной фирмы! Представляешь, Дима, я могу полностью обеспечить тебе жизнь! Кажется, это прекрасная благодарность за все, что ты для меня делаешь?

— Ты этим сейчас хочешь заниматься? — спросил я.

— Сейчас уже поздно, но завтра можно начать телефонные переговоры с производителями...

— Я помогу тебе с плакатом.

— С каким еще плакатом?

— Ну, большой такой плакат. С надписью: «Всем привет! Я очень странный школьник, заходите с обыском и не забудьте лопаты!» Мы приколотим его к забору, а сами сядем на крышу и будем вести философские беседы о познании.

— Вот дерьмо! — заорал Брик и долбанул кулаками по столу так, что вся его конструкция подпрыгнула, жалобно дребезжа. — Черт побери, твою мать, долбанная хрень! Почему мне это сразу в голову не пришло? Проклятье! Вот оно, Дима, нарушенное равновесие! Человек, что-то изобретший, вынужден скрываться, бояться... Это ли не бред? Это ли не абсолютное безумие? Мне нужно восстановиться как можно скорее. Я поведаю другим Исследователям о том, каковы печальные плоды нашего поражения! Богом клянусь, мы переломим ход войны!

— Извиняюсь за вопрос, но я не могу его не задать. Че?

Брик посмотрел на меня все еще полыхающим взглядом и несколько раз моргнул.

— Ах, да. Я же не рассказывал тебе, что ко мне вернулась память.

Он принялся разбирать свою схему. Сперва бережно, а потом, видимо, плюнув на все, начал выдирать провода с корнем.

— Ну и что там, в твоей памяти? Вспомнил, кто ты?

— Все банально и просто, — проворчал Брик. — Мог бы и сам догадаться. Я — Исследователь. Тот, кто постоянно что-то изучает и изобретает. Нас было много, но Разрушители нанесли нам сильный удар.

Платы и катушки с грохотом летели в жестяное ведро. Мне было не по себе от этого зрелища: гений, уничтожающий свое изобретение.

— После этого я и попал сюда. Конец истории. Нужно как можно скорее восстановиться и лететь обратно. Если Разрушители переломят ход войны в свою пользу — всему конец. Тебе, кстати, тоже.

— Я-то тут с какого бока? — удивился я.

— Ты где живешь?

— Там, — я показал направление. — Ты же был у меня дома.

— Ты во Вселенной живешь, Дима. Представь, что на твоей планетке внезапно исчезнет страсть к познанию. Чем займут себя люди? Войны, наркотики, примитивные фильмы, как в романе Хаксли.

— А что, сейчас всего этого нет?

— Конечно, есть. Разрушители ведь сейчас в большинстве.

— Это ведь недавно случилось.

— Для меня недавно. Сколько лет прошло по вашим меркам, я понятия не имею.

Брик, наконец, очистил стол и теперь стоял перед ним, ссутулившись. Выглядел он жалко. Совсем не напоминал ни Маленького Принца, ни, тем более, какую-то основополагающую силу мироздания.

— Сколько тебе еще до восстановления? — спросил я.

— Восемьдесят пять процентов, — грустно сказал Боря. — Все идет так медленно... Успеть бы, прежде чем Разрушители найдут меня.

В комнате постепенно темнело. Я встал, расправил джинсы и хлопнул по плечу поникшего Брика.

— Все будет хорошо, — заверил я его.

— Ты лишь успокаиваешь мои эмоции. С фактами твое заявление не имеет ничего общего.

— Ты опять?

— Ах, черт... Что тут сказать? Ну, типа, спасибо, что ли?

— Уже лучше, — улыбнулся я. — Ладно, пойду я. Кстати, забыл тебе сказать. Я договорился о работе. Съездим в четверг. Мой двоюродный брат работает на пилораме, обещал тебя пристроить. Только постарайся там ничего не изобретать. Просто бери и делай то, что от тебя попросят.

— Хорошо! Спасибо, Дима! — просиял Брик. — Ты меня серьезно выручил!

— Да брось ты. Ничего особенного.

Я вернулся домой едва ли не в восемь вечера.

— Ты где был? — налетела на меня мама. — Я уже всех знакомых обзвонила!

— Своих знакомых? — уточнил я.

— А чьих еще?

— Ну да, действительно...

— Этой твоей... как ее... Жене звонила!

— Жанне?

— Ну да, ей. Представляешь, что говорит? Сказала, что ты сегодня с другой девушкой встречаешься! Заржала, как дура, и трубку бросила!

— Это она может, — признал я.

— Имей в виду, если ты думаешь, что я ее в семью приму — то нет! Ни в коем случае!

Да, родители — тонкие знатоки подростковых сердец. Сперва запрещают, а потом удивляются, что их не слушают. Почему-то взрослые люди никак не желают понять простой истины: чужой опыт — ничто. Есть такие места, через которые каждый проходит сам.

Кое-как уgomонив маму, я рассказал ей, что я наполучал в школе и прошел в комнату к отцу. Он, как всегда, смотрел сериал и пил пиво.

— Ты зачем маме про Жанну рассказал? — упрекнул я его.

— Нет, ну молодец, конечно! — возмутился папа. — Если уж задумал пропасть, так хоть мне сообщи, я тогда придумаю чего-нибудь. А то мать в панике по дому мечется, не знает, кому звонить. Надо же было ее занять чем-нибудь.

— Мне ведь уже не семь лет! И вернулся я не в полночь!

— Ты это матери рассказывай. Я бы тебя раньше выходных не хватился — помню себя в этом возрасте.

И он отхлебнул из бутылки, словно подавая сигнал: «Разговор окончен». Я ушел в свою комнату в несколько приподнятом настроении. Все же отец меня понимал, несмотря на то, что казался равнодушным.

Интерлюдия 1

Чаще всего жизнь напоминает скорый поезд, несущийся через всю страну без остановок. Ты смотришь в окно, видишь леса, поля, реки, деревни и города. Сначала эта феерическая карусель тебя увлекает, но потом взгляд замыливается, и ты все чаще обращаешь взгляд в купе. Здесь все стабильно, привычно. Здесь ты чувствуешь себя уютнее. Наверное, не так уж много людей, которые способны постоянно пялиться в окно. И еще меньше людей, которые спустя годы смогут описать мельком виденную деревеньку.

Сейчас, когда та осень моего последнего школьного года осталась далеко позади, я поражаюсь, до чего же ярко сохранились в памяти эти события. Как я провел то лето? Не помню. Что было со мной в десятом классе? Туман. Как будто я задремал в своем купе, и только Боря Брик, которого проводник определил ко мне, сумел нарушить этот сон. Только через него, как через некую призму, я воспринимал окружающий мир. И когда он исчез из моей жизни, я не потерял способности смотреть и видеть.

Но только те события, к которым, прямо или косвенно, имел отношение этот человек, остались самыми яркими. За исключением одного темного пятна, когда я словно провалился в недельную кому. До сих пор не могу простить себе этой слабости. Хотя и понимаю, что будь я рядом с Борей в то время, ничего бы не изменилось. Может быть, у нас просто было бы немного больше времени.

Прошлой ночью, когда я, как обычно, сидел на кухне, куря одну сигарету за другой, и записывал свои воспоминания, дверь неожиданно открылась и вошла моя жена, сонно щурясь и отворачиваясь от лампы.

— И долго ты еще будешь сидеть? — проворчала она.

Я ответил не сразу. Некоторое время я просто смотрел на нее с улыбкой. Наш союз прошел испытание временем, и теперь было очевидно, что я сделал верный выбор.

— Извини, я помешал тебе спать? — спросил я тихонько, чтобы не разбудить сына.

— Нет. Просто кое-кто мне обещал быть всегда рядом, а я уже которую ночь сплю одна.

— Я думаю, скоро это закончится. Вряд ли у меня получится спокойно уснуть, пока не выскажу все, что думаю.

Она склонилась над моей писаниной. Я не возражал. Все равно она бы прочитала эту повесть, рано или поздно.

— Это про него? — спросила она.

— Да.

— Боже мой, почему ты никак не можешь забыть этого психопата? Я готова мириться с твоими ежемесячными визитами в психбольницу, но это...

— Он не был психопатом.

— Да конечно, а то я не помню. Про его последний визит в школу даже в новостях рассказывали. Образец здравого смысла!

— Когда я закончу, ты все поймешь. А теперь иди спать, хорошо? Я скоро приду.

Но она ушла не раньше, чем выкурила одну из моих сигарет. И вот, я снова один. За окном тишина, изредка нарушаемая проезжающими машинами. За стеной спит моя жена и наш ребенок. Уютно светит настольная лампа. Почти такая же, какую демонстрировал мне Боря. Включенная в обычную розетку и теряющая немыслимое количество

электроэнергии.

Моя повесть не только о Маленьком Принце. В ней явно есть что-то еще. Может быть, я пишу о любви. Той самой, чистой и непорочной, которой, наверное, могут любить только подростки. И о какой-то несоизмеримо высшей любви, включающей в себя всю Вселенную. Получится ли выразить это? Не такой уж я и мастер слова. Но если не я, то никто.

Глава 8

Фальшивая любовь

Неделя, минувшая с последнего заседания клуба, показалась мне годом. Да, я прекрасно помнил Борю, стоящего у доски, испещренной схемами, помнил его рассуждения о глупости героев «Собора Парижской богородицы». Но столько событий произошло с тех пор! Я побывал дома у Жанны, она согласилась идти со мной на бал, выяснилось, что меня любит Маша, Рыба со своей кодлой избили меня, Боря изобрел способ сохранения энергии, Разрушители убили Мартына... Как все это могло произойти за неделю? Ведь даже за минувшие десять школьных лет я не смогу наскрести и трех ярких воспоминаний!

Но вот мы снова здесь. Стулья стоят полукругом, в центре которого — Софья Николаевна. Мы с Борей сидим рядом. На соседней скамье — Маша, с отсутствующим выражением лица. Книга Хаксли лежит у нее на коленях. Рядом с Машей какой-то десятиклассник. Время от времени он пытается с ней заговорить, но Маша отвечает односложно, и он начинает нервничать. К своему удивлению, я чувствую укол ревности. Если бы она с ним заговорила, мне было бы очень неприятно.

— Ну, подождали немножко, и хватит, — сказала Софья Николаевна. — Давайте начнем. Кто подойдет — тот подойдет. Итак, сегодня у нас на растерзании «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли. Леонид, ты читал произведение?

Десятиклассник встрепенулся и пробурчал нечто отрицательное.

— Ну, ничего страшного. Может быть, послушав нас, ты и захочешь ознакомиться с этим романом. Я, как обычно, начну.

В своей бодрой и интересной манере Софья Николаевна рассказала об Олдосе Хаксли, не забыв упомянуть и его эксперименты с ЛСД. Потом немного коснулась истории романа и дала слово нам. Вернее, Боре. Сложно было ее в этом обвинять.

— Прежде всего, — сказал Боря, встав со скамьи, — я бы хотел отметить сарказм моего друга и одноклассника Дмитрия. Он великолепно понял все мои мысли, высказанные на предыдущем заседании, и посоветовал произведение, в корне противоположное «Собору» во всех возможных ракурсах. Я оценил юмор, но готов поспорить с его саркастической составляющей.

— Хорошо сказано! — подбодрила его Софья Николаевна. — Итак, что ты можешь сказать по поводу романа?

— Первое, что нам необходимо принять — это художественную особенность рассматриваемого текста. «Антиутопия» — жанр, в котором описывается не реальность, какой мы ее привыкли видеть, но гипотетически возможное будущее. Причем, будущее отталкивающее.

— Между прочим, — ввернула вдруг Маша, — нет четкого мнения относительно того, является ли роман утопией или антиутопией.

— Мнения тех, кто не сидит в этом классе, нас не должны интересовать, — не глядя на Машу, сказал Боря. — Если мы станем пересказывать чужие слова, то так никогда и не произнесем своих. У меня же есть, что сказать по поводу прочитанного. Возможно, в свете моего прошедшего выступления, многие ждут, что я начну защищать описываемый в книге мир, поскольку он, якобы, является образцом рациональности.

— Слушай, а ты можешь нормально говорить, а? — взбрыкнул внезапно Леонид.

— Видишь ли, Леонид, — повернулся к нему Боря. — Я искренне стараюсь освоить общепринятую манеру общения. Но в данный момент мы не ведем светскую беседу, а обсуждаем литературное произведение. Этот процесс требует от нас более глубоких лексических пластов, чем те, что мы используем обычно.

— Чё? — скривился Леонид.

Боря в восторге показал ему два поднятых больших пальца.

— Вот именно! — невпопад сказал он. — Хорошо, когда есть возможность переключиться, и плохо, когда ее нет. Но вернемся к «Новому миру». В противоположность «Собору», здесь царствует эмоциональная нищета. Люди не ведают любви, привязанности. Ими правят первичные инстинкты. При этом они умудрились создать совершенную в техническом плане цивилизацию. Впрочем, противоречия здесь нет. Как мы видим на примере Монда, управляют этим обществом люди, не верящие в его идеалы. По сути, все происходящее — их эксперимент, давно уже зашедший в тупик. Я не вижу смысла пересказывать события романа. Скажу лишь, что автор совершил крайне удачный ход, показав изъяны общества не только глазами Бернарда, являющегося его частью, но и глазами Дикаря, который всего лишь гость в этом дивном мире.

— Я ничего не понял, — скучным голосом поведал нам Леонид.

— Это совершенно нормально, — утешил его Борис. — Думаю, мне следует высказаться по поводу несовершенства общества. В прошлый раз я подверг резкой критике персонажей, действующих исключительно под воздействием эмоций. В этот раз я критикую общество, управляемое одним лишь разумом. Дело в том, что чувства, эмоции только с первого взгляда противостоят разуму. На самом деле это совершенно равновеликие силы. В идеале человек должен соотноситься и с тем и с другим. Нельзя выбирать себе пару, руководствуясь лишь чувством, но также нельзя и хладнокровно рассчитывать это. В начале должна быть любовь, а потом — трезвая оценка этой любви. Если разум говорит, что союз возможен — все прекрасно, но если разум не находит ни малейшей лазейки, то чувство неизбежно заходит в тупик.

В этот момент Боря бросил взгляд на меня, и я ответил ему взглядом, полным доброты и радости. Вернее, нет — злости и печали!

— В этом и состоит ошибка создателей «нового мира», — продолжал Брик. — Исключив основополагающие человеческие чувства из уравнения, они сделали его неразрешимым. Человечество должно было бы неизбежно задаться вопросом: «Для чего мы живем?» И, чтобы избежать этого, была изобретена сома — наркотик, приводящий в эйфорию. Так удалось замкнуть круг. Любопытно то, что, несмотря на техническое совершенство, в описываемом мире совершенно отсутствует прогресс. Люди достигли того уровня, когда практически все процессы автоматизированы, и остановились, словно достигнув своей цели. Но это не цель. Это лишь облегчение существования. И если его делают целью, то девиз описываемого общества — «жизнь без проблем». Палка о двух концах: решив все проблемы и отгородившись от новых, они утратили навык решения проблем. Поэтому-то Дикарь и становится сенсацией. Будь общество действительно совершенным, на него никто не обратил бы внимания. Ну, до тех пор, пока он не стал бы мешаться, путаться под ногами. Но люди, эмоционально кастрированные, хотят все разложить по полочкам. И они определяют Дикарю место — еще одно развлечение. Когда же он отказывается служить им потехой, они теряются. Так автор показывает заикленность, несовершенство общества.

Слушая Бороны слова, я непрестанно думал, насколько велика вероятность того, что так будет говорить школьник. Возможно ли это в принципе? Я прекрасно понимал то, что он говорит, но сформулировать такое самостоятельно, пожалуй, не решился бы.

Леонид зевал, глядя в окно. Он совершенно утратил нить и, судя по всему, мечтал о том, чтобы все это поскорее закончилось.

Маша внимала Боре с неожиданным интересом. В какой-то момент мне удалось встретиться с ней взглядом, и она покраснела. Как мне хотелось взять ее за руку и увести отсюда куда-нибудь далеко-далеко... Возможно, впервые за десять лет я совершенно не думал о Жанне. словно ее и не было вовсе.

— Не стану ограничиваться художественными достоинствами, — вещал Борис. — Роман представляет собой не только художественное произведение, но и некое предупреждение людям. Потому что развитие общества идет именно в этом направлении. Культ развлечений, система общественного подавления чувств, нелепые неписанные кодексы чести ведут человечество в тупик. Люди должны научиться жить, сочетая свою врожденную страсть к познанию и иррациональность чувств. Только эта гармония обеспечит человечеству счастливую жизнь. У меня все.

Он сел. Леонид громко зевнул, выказывая свое презрение. Маша подняла руку. Софья Николаевна выглядела очень довольной.

— Да, Мария, — кивнула она. — Хочешь возразить?

— Нет, только дополнить, — отозвалась Маша, вставая. — Я бы хотела сказать несколько слов о любви. Любви Бернарда и Дикаря к Ленайне.

— Очень интересно и очень хорошо, что ты решила затронуть этот аспект! — подбодрила ее Софья Николаевна. — Мы тебя внимательно слушаем.

— Бернард считает, что он любит Ленайну. В начале романа он как изгой. Ему не нравится общество, в котором он живет, и обществу он тоже не нравится. И Ленайна становится для него словно бы символом победы над этим обществом. Ему кажется, что, завладей он ею — и все в его жизни переменится. Но он не хочет понимать, что сама Ленайна — типичный представитель этого общества и не больше.

Маша искоса посмотрела на меня. «Да вы что, сговорились, что ли?» — подумал я, не зная, куда деваться.

— Совсем по-другому любит Дикарь, — продолжала Маша. — Он тоже «клюет» на эту обманчивую Ленайну, которая на деле лишь пустышка. Но он не связывает с ней никаких социальных надежд. Он любит личность. Ее личность, во всей ее пустоте. И, осознав, что ответить на его чувство она неспособна, Дикарь убивает себя. Я хочу сказать, что в романе недостает настоящей любви, которая могла бы бросить вызов обществу. Настоящей взаимной любви. Именно поэтому в конце ощущается некая недосказанность. Кажется, что перед нами лишь стечение обстоятельств. И потому не очень хочется извлекать уроки из этого произведения. Я закончила.

Маша опустила на скамью и расправила складки на юбке. Как в старые добрые времена мы с ней встретились взглядами. «Я услышал тебя», — сказал я. «Я надеюсь», — сказала она.

— Прекрасно, просто великолепно! — произнесла Софья Николаевна. — Ну, Дима, теперь ты выскажись.

Я вздрогнул. Да, произведение выбрал я, но почему-то такого поворота я никак не ожидал.

— А... Ну, в общем, — пробормотал я, встав на ноги. — Я, в целом, согласен с тем, что сказали Боря и Маша. И, наверное, мне нечего добавить к сказанному.

— Ну как же так? — расстроилась Софья Николаевна. — Я думала, у нас получится более оживленная дискуссия! Давай, Дима, соберись! Я считаю, что по поводу «Дивного нового мира» можно сказать еще немало!

К сожалению, все мое внимание в этот момент было поглощено мыслями о том, куда бы деть руки. Сцепленные впереди, они потели, сложенные на груди мешали дышать, а сложить их сзади было бы нелепо. Поэтому я засунул руки в карманы и, справившись с этой проблемой, оказался лицом к лицу с Олдосом Хаксли. «Ну и что мне про тебя сказать?» — спросил я его. «Без понятия, дружище, — отозвался Олдос. — Ляпни что-нибудь по поводу языка, ты ж это любишь!»

Осененный внезапным прозрением, я вскинул голову и посмотрел в печальные глаза Софьи Николаевны.

— Я бы мог сказать немного про особенности языка общества!

— Ну вот, молодец! — ободряюще улыбнулась мне учительница.

— Так вот... Ну, в этом мире люди производятся искусственно. То есть, зачатие, роды — всего этого нет. Но люди знают, что такое возможно, но нежелательно. И, как бы, это окончательно становится чем-то таким... Ну, неприличным. И поэтому слова «отец» и «мать» у них становятся ругательствами. Как бы потому что люди не должны производить детей, а если производят, то это, вроде как, недостойно и стыдно. То есть, Хаксли показал, в том числе, как общественная жизнь влияет на язык. Ну, словно бы придал реалистичности всему описываемому. Вот, как-то так.

— Неплохо, Дима, неплохо, интересное замечание, — сказала Софья Николаевна.

— И я все понял! — одобрил Леонид.

* * *

Когда, наконец, заседание закончилось, я твердо решил расстаться с клубом. Хватит, мне и в школе унижений хватает, чтобы еще и на заседаниях ощущать себя ничтожеством, неспособным и двух слов связать.

— Вот в корне неправильная стратегия, — сказал Боря, идущий рядом со мной по коридору. — Лучше бы решил тщательно подготовиться к следующему заседанию и разнести меня в клочья!

— Я сейчас разнесу тебя в клочья, — пообещал я. — Мы как с тобой договаривались?

— Извини, я машинально. Когда эта способность развивается, она становится такой же естественной, как слух и зрение. Я стараюсь не читать твои мысли, но когда ты мысленно формулируешь готовые предложения и произносишь их своим внутренним голосом, который, позволь заметить, звучит куда крепче и увереннее настоящего твоего голоса, я не могу от этого отвертеться.

— Черт с тобой, золотая рыбка! — махнул я рукой.

— Кстати о золоте. Я хотел попросить у тебя займы немного денег. Свои запасы я израсходовал, и сегодня мне нечего есть.

Денег у меня не было. Поэтому я предложил Боре поужинать у меня, на что он с радостью согласился.

Мама не выказала особой радости при виде незваного, хотя и очень вежливого гостя. Папа же, напротив, показал себя радушным хозяином и даже предложил Боре пива.

— Совсем сдурел — школьников спаивать? — напустилась на него мама.

— Да ладно тебе! — засмеялся папа. — Они в этом возрасте так квасят, как потом за всю жизнь не решатся.

— Благодарю за предложение, но вынужден отказаться, — улыбнулся Боря. — Не так давно я уже имел опыт употребления алкоголя и понял, что мне это не нравится.

— Вот и молодец! — сказала мама.

— Смотри, как знаешь. — Папа пожал плечами и открыл себе бутылку.

Улучив момент, я шепнул Боре на ухо:

— Слушай, мы не в девятнадцатом веке! Разговаривай проще. Сказал бы: «Нет, спасибо, я не хочу» и все!

— Понял, исправлюсь! — пообещал Борис.

Ужин прошел спокойно. Папа больше молчал, думая о чем-то своем, а мама расспрашивала Борю о его впечатлениях на новом месте жительства.

— Мне здесь нравится, — говорил Боря. — Тихое, спокойное место. Люди добрые. Кстати, спасибо вам, тетя Рая, что разрешили пообедать.

— Да, ерунда, — кивала мама. — Я, помню, жила в Красноярске, так для меня такое удовольствие было на каникулы сюда приехать! Тишина, благодать, воздух свежий... А у тебя мама кем работает?

Тут у меня сердце сжалось. Если Боря скажет, что он убил свою мать... Даже не знаю, что тогда будет.

— Она геолог, — непринужденно сказал Боря. — Изучает состав местной почвы. Собственно, пока она не продвинулась дальше слоя чернозема, который оказался толстым. Почва очень плодородна.

Мама начала рассуждать о садоводстве, а я пытался справиться с дрожью в коленях. От слов о черноземе меня в жар бросило. Уж я-то понимал, на что, невесть зачем, намекал Боря. Хотя, возможно, он и не намекал. Просто не знал, кем работала его мать, и ляпнул первое, что пришло в голову. Разумеется, опираясь на собственные наблюдения.

Я представил себе этого невысокого человека, копающего где-то за домом могилу для своей матери. Лопата вгрызается в землю, яма становится все глубже, а он, вместо того чтобы плакать, бояться или раскаиваться, думает о том, сколь велик здесь слой чернозема...

— А я на ГРЭС электриком работаю, — неожиданно вступил в диалог папа.

— Это станция, обеспечивающая электричеством поселок? — оживился Боря.

— Поселок! — фыркнул папа. — А город — не хочешь?

— Потрясающее везение! — Боря уставился на моего отца, не обращая внимания на то, что я пинаю его под столом. — Скажите, а что вы думаете об использовании тока индукции?

— А, генератор Тесла! — усмехнулся отец. — Да черт его знает. Так, если задуматься, то бред сивой кобылы. А вообще — может, что-то в нем и есть.

— Скажите, а не могли бы вы убедить руководство испытать новую технологию в выработке электроэнергии?

— Боря, я у них спецовку новую второй год прошу! — вздохнул папа. — Технологию! У них одна технология — деньги лопатой грести. И без всяких Тесл справляются, я тебя уверяю.

— Так я и думал, — понурился Борис.

— Надеюсь, я не слишком вызывающе себя вел? — спросил Боря, обуваясь в прихожей.

— Нет, в целом все нормально. — Я чувствовал себя чересчур вымотанным, чтобы объяснять Брику все его промахи.

— Но про чернозем было лишним, да?

— Пожалуй...

— Извини, я не подумал о твоих чувствах, просто сказал, что в голову пришло...

— Я так и понял. Ладно, все нормально. Насколько это возможно. Завтра после школы едем на пилораму?

— Еще бы! И, если тебя не затруднит, возьми в школу что-нибудь из еды.

— Возьму, хорошо.

— Ну, пока. До завтра. Спасибо за ужин.

Я закрыл за ним дверь.

— Потрясающе интеллигентный молодой человек! — сказала мама. — Даже поговорить интересно. Вот сразу видно — далеко пойдет.

Я не знал, что на это ответить, и ограничился нейтральным «угу». После чего отправился делать уроки.

Глава 9

Новый друг

Все перемены мы с Борей посвятили обсуждению его гениального плана мести. Я никак не мог от него добиться конкретного ответа на вопрос: что он собирается делать с Рыбой? Брик твердил свое: «Я изменю его сознание!»

— А ты не боишься при этом показаться странным? — привел я последний довод. — Пухленький коротышка заманивает к себе домой лютого отморозка, после чего тот становится совершенно другим человеком.

— В этой ситуации риск вполне оправдан, — заявил Борис.

— Вот уж не знаю. Не лучше ли потерпеть? Восстанови спокойно свои силы и лети, сражайся с Разрушителями. Как Рыба тебе может помешать? Вряд ли он пойдет на убийство.

Брик, барабана пальцами по парте, подождал, пока мимо пройдут Настя с Ильей, и заговорил тише:

— У меня не получится долго прятаться. Разрушители уже вышли на мой след, и теперь счет идет на дни. За это время я хочу успеть помочь некоторым людям. Считай это авансом. Ведь из-за меня многим, возможно, придется погибнуть.

Я рефлекторно моргнул.

— Что значит, «погибнуть»? Я думал, речь идет о деградации. Ну, если ты проиграешь.

— Я не собираюсь проигрывать. Жертвовать Вселенной ради этических принципов? Нет, спасибо, я не до такой степени человек. Все происходящее для меня как шахматная партия. Никто ведь не задумывается, жертвуя пешками ради спасения короля.

Несмотря на то, что со мной сейчас говорил человек, убивший собственную мать, я не воспринял его слова о пешках всерьез. Меня «кольнуло» нечто иное.

— Хочешь сказать, что при необходимости ты пожертвуешь и мной? — спросил я.

В этот момент прозвище Маленький Принц подходило к моему другу как нельзя лучше. Он выпрямился, приподнял подбородок и устремил на меня холодный взгляд.

— Не так, как ты думаешь, — прозвучал ответ. — Но в целом — да. И я уже это делаю.

— Чего?

— Ты назвал меня своим другом. И, может и неосознанно, но ты приготовился отдать за меня жизнь. Я знал, что так будет с самого начала, когда попросил твоей дружбы. Поэтому не я тобой пожертвую, но ты сам пожертвуешь собой ради меня.

Однажды в детстве я принял твердое решение закаляться. Не найдя понимания у родителей, я решил действовать тайно. Утром, пойдя в душ, я открыл холодную воду и приготовился потерпеть. Но ледяные струи словно бы ошпарили меня. Глаза вылезли из орбит, руки и ноги словно парализовало. Я был в панике и даже не мог перекрыть воду, чтобы остановить этот кошмар. Схожее ощущение испытывал я сейчас.

— Хочешь сказать, что ты меня используешь? — спросил я, борясь с нелепыми слезами, готовыми хлынуть из глаз.

— Вовсе нет. От дружбы мы оба получаем выгоду и удовольствие. Заметь, я уже неоднократно вставал под удар за тебя.

— Это не дружба.

— Это и есть самая настоящая дружба, Дима. Просто я называю все своими именами, и от этого все выглядит не так, как ты привык. Дружба — это не только взаимная симпатия, но

еще и готовность идти на жертву.

Я не мог ему возразить. Обида была столь сильна, что логика на нее не действовала.

— А ты? — спросил я. — Ты бы пожертвовал своей жизнью ради меня?

— Будь баланс не нарушен до такой степени — безусловно, — моментально ответил Брик. — У меня нет инстинкта самосохранения, и я соблюдаю правила всего, во что ввязываюсь. Но в сложившейся ситуации — нет. Думаю, ты понимаешь, что твоя жизнь мало что решает. В отличие от моей. Впрочем, в качестве оправдания, скажу, что я сделаю все возможное, чтобы спасти твою жизнь. И, если сложится такая ситуация, охотно пожертвую всем населением Земли ради твоего спасения. Извини, но большего я тебе пообещать не могу.

Звонок оборвал наш разговор. Весь урок я был сам не свой. Какая-то часть моего сознания негодовала на этого хладнокровного мерзавца. Но другая часть, рациональная, понимала, что он прав. И я действительно с готовностью отдам за него жизнь. Хотя бы потому, что моя жизнь напоминала болото. В то время как он был парящим в небе орлом.

После уроков Петя задержал класс на несколько минут, чтобы сообщить о начале репетиций.

— В понедельник, в три часа, в актовом зале, — сказал он. — Приходят только те, кто участвует в номере. Репетицию будет вести Дина Васильевна, учитель танцев.

Все привычно попричитали, пожаловались на неудобное время и кучу сорвавшихся планов, но прямых возражений не поступило. Наконец, мы были свободны.

— Ну, поехали на работу? — как ни в чем не бывало, воскликнул Брик.

Мы вышли из школы в толпе учеников. Постепенно толпа распалась на несколько ручейков. Все шли по двое — по трое, оживленно беседуя и не обращая ни малейшего внимания на мрачную фигуру милиционера, стоящего через дорогу и безмолвно наблюдающего за школой.

Внезапно Брик громко захохотал — гораздо громче, чем мне бы хотелось, — и принялся нести какую-то чушь:

— Короче, я к ней подхожу и говорю: «А можно переписать контрольную?» А она такая: «Боря, ты меня уже зае... надоел ты мне!»

И снова взрыв смеха. Я чувствовал взгляд милиционера, изучающий нас с Бриком. Да что же он делает?

— Не, ну ты понял, да? — Боря толкнул меня в плечо. — Понял, что она сказать хотела?

Я усмехнулся.

— Ни фиги, ты ее довел! — Я постарался выдержать соответствующий тон, но голос слегка дрожал. — Так разрешила?

— Да, блин, разрешила. Завтра после уроков сидеть. Так-то она тетка добрая, «трояк» натянет!

Наконец, милиционер отвернулся. Мы прошли мимо, в десятке метров от него. Когда же он скрылся из виду, я посмотрел на Борю. Лицо его было серьезным.

— Вот этот приходил ко мне домой, — сообщил я.

— Я понял.

— Это...

— Да, это Разрушитель.

Я остановился. Последние фрагменты мозаики стали на свои места, и я увидел картину. Вот почему он боялся попасться на глаза милиции. Прочитав мои мысли и мысли Пети, он

понял, кто и зачем его ищет.

— Ты уверен?

— Разумеется, я уверен. В его мыслях нет ничего, кроме жажды убийства. И он совершенно точно не человек. Думаю, скоро они возьмутся за школу. И Рыбе придется несладко.

— Ты не хочешь мне объяснить, что ты задумал?

— Нет, Дима. Не сейчас. Как мы доберемся до места?

До места мы добрались на автобусе. Никогда бы не подумал, что этот двадцатиминутный путь будет столь интересным. Не для меня, конечно, а для Бори. Его внимание привлекало все. Мелькающие за окном дома и заводы, толстая кондукторша, болтающая по телефону, двое насупленных студентов техникума, сидящие на противоположном сиденье, старушка в шляпе, похожей на абажур старинной лампы.

Нет, конечно, он не говорил об этом, но его горящий взгляд буквально впивался в каждое новое лицо или предмет. Я пытался следить за его взглядом и увидеть хоть что-то интересное, но тщетно. Серый пейзаж за окном и озлобленные серые люди внутри.

— Че ты палишь? — прорычал студент, когда Брик в очередной раз посмотрел на него.

— Ты Сидорчука знаешь? Косого? — невесть зачем спросил его Боря.

— Кого? Нет, не знаю.

— А, ну ладно. Извини, обознался, ты на брата его похож.

Инцидент исчерпался.

— Что за Косой? — поинтересовался я.

— Да так, придумал. Чтобы избежать конфликта.

— Вообще, неплохо, — пусть и без особой охоты признал я. — Ты уже практически похож на нормального человека.

На очередной остановке в автобус вошла девушка в мини юбке и приковала к себе взгляды не только Бориса. С задумчивой улыбкой она стояла, держась за поручень, хотя свободных мест было хоть отбавляй. Должно быть, ей льстило внимание. Мой взгляд путешествовал в вертикальной плоскости, то замирая на миловидном личике, то изучая изящные стройные ножки, кажется, даже не обтянутые колготками. Студенты о чем-то зашептались и захихикали.

— Меня это угнетает в вас, — сказал внезапно Боря.

— Ты о чем?

— Об этом. Вам дана такая прекрасная жизнь! А вы не живете ею. Тычете ее палками, словно дети дохлую кошку. Это ведь так просто: взять и сделать шаг вперед. Но вы предпочитаете сиюминутный комфорт.

— Просто мы люди, — сказал я. — Мы боимся.

— Чего вы боитесь? Смерть только одна, и ее не избежать. Пока есть силы, нужно идти вперед.

Тут у меня в голове что-то произошло. Может, устал просто от этих его постоянных поучений.

— Ну так иди! — сказал я. — Давай, покажи класс.

— Думаешь...

— Думаю, ты попусту болтаешь. Ты — маленький, не очень-то красивый пацан со странностями. Она на тебя и внимания не обратит.

И тогда Боря встал. Я хотел его остановить, но было уже поздно. Он подошел к девушке

и встал рядом с ней, держась за поручень так, что их руки почти соприкасались. Разница в росте оказалась существенной — девушка возвышалась над Борей на целую голову. Причем, туфли у нее были без каблуков.

— Здравствуйте, — сказал Брик. — Что-то прекрасное произошло с вами сегодня?

Сверху вниз грянул удивленный взгляд.

— Что, простите? — мелодичным голосом произнесла она.

— У вас такое выражение лица, как будто случилось что-то прекрасное.

Секунды три она изучала Борю взглядом. Я бы уже просто сторел на месте, но Боря сохранял естественную позу. Не искал, куда деть вторую руку, не откашливался, не крутил головой.

— Да нет, ничего, — пожала плечами девушка. — Просто настроение хорошее. А что?

— Мне очень понравилось ваше лицо, — объяснил Брик. — Вы смотрели в окно и улыбались каким-то своим мыслям. Словно возвышаясь над всей этой серой реальностью. Невозможно было вообразить, что вы где-то живете, учитесь, ходите по магазинам. И совершенно немыслимо представить, как в ваших глазах появляются слезы, или лицо искажается гневом. Вы заставили меня вспомнить об ангелах. Не часто встречаю таких людей. Потому и спросил, не случилось ли с вами чего-нибудь прекрасного.

Чем больше говорил Боря, тем больше я краснел, тем сильнее стискивал кулаки. Для меня все это звучало, как несусветная чушь. Я был уверен, что девушка сейчас просто засмеется и пошлет его куда подальше. Но произошло другое.

Улыбка девушки стала еще ярче. Глаза сверкнули любопытством.

— Ну, наверное, я сама такая прекрасная, — кокетливо сказала она. — Меня зовут Катя.

— Боря.

— Приятно познакомиться.

— Взаимно приятно. Могу я обратиться к вам с необычной просьбой?

— Можно даже на «ты».

— Не могла бы ты подарить мне свою фотографию?

Я закрыл глаза. Нет, это был уже перебор.

— Фотографию? — удивилась девушка. — Зачем?

— Мне было бы очень приятно иногда смотреть на нее и вспоминать о тебе. Мимолетные встречи могут быть прекрасными, но они всегда остаются мимолетными. А иногда так хочется сохранить что-то в памяти.

— Ну, с собой у меня нет фотографий. Но ты можешь увидеть меня еще.

— Правда? Это было бы великолепно!

— Да. Приходи в воскресенье вечером в кафе «Адонис». Знаешь такое?

— Пока нет, но, думаю, сумею найти.

— Захвачу с собой фотографию!

— Захватите свою улыбку!

В это время я уже кусал губы, не зная, как прервать беседу этой невероятной пары. Автобус подъезжал к нужной остановке. Плюнув на то, как я буду выглядеть со стороны, я встал, подошел к Боре и буркнул ему: «Пора».

— Мне нужно выходить, — сообщил Боря Кате. — Спасибо за приятную беседу!

— Тебе спасибо. В восемь вечера, не забудь!

— Я запомню.

Мы шли по тротуару, лавируя между прохожими. Я молчал.

— Что, это было необычно? — с нотками раздражения в голосе спросил Боря.

— Да отстань ты! — огрызнулся я. Если что-то и могло окончательно уничтожить мою веру в себя, так это была сцена в автобусе.

— Я не сказал ей ни единого слова, которого бы ты не знал. И ровным счетом ничего не придумал. Я говорил правду, открыто заявлял о своих желаниях, вот и все!

— Рад за тебя.

— Совсем ты не рад, не ври.

— Ну, не рад. Какая разница?

— Большая разница. Если ты пытаешься научить меня жить, как все, то я пытаюсь научить тебя жить иначе. Лучше. И все, что для этого надо — захотеть вылезти из своей тюрьмы и улыбнуться солнцу.

— Слушай, Боря! — Я остановился и повернулся к нему. — Хватит! Ты достал меня. Ты знаешь людей сколько? Две недели? А мы живем тут целую вечность! Ты не сможешь просто так взять и изменить все. Никто этого не хочет. Ты запудрил мозги девчонке, которая тебе даже не нужна. Предположим, она в тебя влюбится, а потом ты исчезнешь, и она будет страдать. Те двое студентов считают тебя идиотом и при следующей встрече с радостью отпинают. А кондукторша месяц будет рассказывать подругам историю о юродивом придурке, разыгравшем дурацкую сцену у нее на маршруте. Вот и все, чего ты добился!

Боря не обдумывал ответ. Он просто возразил по всем пунктам сразу же, как я закончил:

— Ты знаешь людей всего шестнадцать лет, а они живут тут целую вечность. При этом каждый — не больше сотни лет всего. Вы даже узнать друг друга не успеваете за столь короткий срок! Потому что боитесь это сделать. Конечно, я не смогу изменить всего. Но изменить тебя смогу. И когда-нибудь ты будешь мне за это благодарен. Эта девушка не будет страдать, потому что я не брошу ее просто так. У нее останутся светлые воспоминания. Если парни хотят меня отпинать — пусть пинают. Но заговорить с Катей все равно осмелился только я. Если избиение их утешит — пусть будет так. И мне нет никакого дела до сплетен, распускаемых сварливой кондукторшей, когда мне улыбается такой ангел.

Мы сверлили друг друга взглядами. Ни один не собирался сдаваться. Наконец, я махнул рукой:

— Черт с тобой. Пошли, герой-любовник.

* * *

Пилорама представляла собой длинный цех. Визг пил слышался издалека. Когда мы с Борей зашли в приоткрытую дверь, то оказались в помещении, засыпанном опилками. На станках трудились трое мужчин. Четвертый курил прямо там, наплевав на технику безопасности. Пятый во всю плотку орал песню: «Котопес, котопес! Единственный в мире малыш котопес!»

Мне стало не по себе от этого зрелища. От мужчин несло угрозой. Я почему-то был твердо уверен, что судьба определила мне какую-то тихую кабинетную работенку, в окружении тихих интеллигентных людей. И такие вот компании вызывали у меня чувство отторжения.

Мужчина, который курил, выглядел усталым. У него были черные с проседью волосы и поникшие усы. Тот, что пел, смотрелся куда более бодрым. Здоровый, бритый наголо и с

улыбкой, словно бы приклеенной. Он подошел к усталому и о чем-то заговорил. В этот момент одна из пил замолчала, и я смог расслышать слова:

— Ну чего, Иваныч, доставай!

— А у меня нету, — низким спокойным голосом отозвался усталый.

— Как так «нету»? Уже обед прошел, уже надо быть пьяным! — завозмутился горластый.

Тут я опознал в мужчине, отошедшем от станка, своего брата и сделал шаг ему навстречу. Тот немедленно заулыбался.

— О, Димон! Здорово-здорово!

Он подошел ко мне, стягивая с правой руки перчатку.

— Привет, Коля, — сказал я, пожав ему руку. — Вот, о нем я говорил.

Коля тут же протянул руку Боре.

— Коля!

— Борис.

— Прямо вот так вот: Борис?

— Можно Боря.

— Э, это там кто? — горластый увидел нас и заинтересовался. — Это свежая кровь, что ли? «Рэмбо: первая кровь»?

— Это братан мой, Димон! — крикнул ему в ответ Коля. — А работать этот будет, Борькой звать.

— Ты чего такой мелкий-то? — возмутился горластый. — Не кормят, что ли? А ну, пошли!

Боря вопросительно поглядел на меня. Я пожал плечами.

— Пошли-пошли, — продолжал горластый. — Сейчас сала сообразим!

— Вырастет он от твоего сала, как же, — засмеялся Коля.

— Я нанят? — поинтересовался Борис.

— Наверное. Завтра начальник будет, утвердит тебя. А пока осматривайся. Ну, Антоха тебе все покажет. Да, Антоха?

Горластый яростно закивал.

На том мы и распрощались. Боря пошел с Антохой питаться салом, а мы с Колей вышли покурить. Вернее, курил он, а я стоял рядом.

— Как жизнь? Что прикольного? — спросил Коля.

— Да нормально. Ничего особо прикольного нет.

— Да как так-то? — Коля даже изменился в лице. — Надо тогда замутить что-нибудь прикольное! Слушай, заезжай на выходных в гости, я тебя с одной девчонкой познакомлю...

Да, вечная песня. Сколько себя помню, Коля постоянно пытался познакомить меня с какой-нибудь девчонкой. В плане отношений с противоположным полом равных ему не было. Насколько я помню, его лучший рекорд был — одиннадцать девушек за неделю. Причем, без отрыва от работы. И все эти отношения имели начало, развитие и логический конец.

— Бабы — дуры! — неизменно изрекал Коля, расставшись с очередной пассией.

Обычно я старался не демонстрировать интереса к этой теме, но сейчас решил изменить себе.

— Коль, вот ты мне скажи, — вздохнул я. — Как сделать так, чтобы тебя девчонка полюбила?

— И покраснел, блин! — откомментировал Коля. — В смысле, «полюбила»? Прямо полюбила-полюбила, или просто чтобы дала?

— Полюбила!

— Хм... Ну, брат, тут сложно. Главное, слушай ее. Она пусть говорит, а ты слушай. Вот когда на секс разводишь — тут лучше сам больше прибалтывай, а если по серьезке, то наоборот. Слушай и запоминай. Что ей нравится, что нет, всякую такую фигню. А потом используй это. Научишься — любую захомуташь, я тебя уверяю.

Я сидел на корточках в глубокой задумчивости. Грустно стало. Неужели, чтобы добиться от Жанны взаимности, мне придется изучать какие-то уловки? Все это было так пошло.

— Что за девчонка-то, расскажи, — попросил Коля, заметив мою задумчивость.

— Одноклассница, — признался я. — Мы с ней на осенний бал идем.

— Ну, круто. Какая она?

— Высокая. Волосы...

— На фиг мне ее волосы? Внутри она какая?

Я посмотрел на брата с удивлением. Не ожидал от него такого интереса к душевной составляющей человека.

— Она очень беспокойная, — сказал я. — В смысле, неусидчивая. Свободолюбивая. Любит гулять, ходить на дискотеки. Ну, такая... не знаю, как еще объяснить.

— В целом ясно. — Коля затушил окурок о край металлической бочки, служившей гигантской пепельницей. — Таким обычно папик нужен.

— Кто?

— Либо богатый какой-нибудь хрен, либо такой, который будет на поводке держать. Такие девки обычно норовят характер показать. Так вот, нужно их попытки жестоко обламывать. Мол, заткнись, будет так, как я скажу, а ты иди носки штопай. Их это бесит нереально, но и уйти не могут — гордость не позволит.

— И что? Вот такая постоянная война? — поморщился я.

— Ну, не всегда. Стерпится-слюбится. Но держать все равно в ежовых рукавицах надо!

* * *

Бредя в одиночестве к автобусной остановке, я думал. Думал о словах, что услышал сегодня от Бори, от брата. В каком-то смысле они говорили об одном и том же. Все мои мысли сводились к одной: *так* я никогда не смогу.

— А почему нет? — внезапно вслух произнес я.

Сказал, и сразу завертел головой — не слышал ли кто? Никого рядом не было, и я подавил волну смущения, готовую накрыть меня с головой. Но мысль-вспышка никуда не делась.

Действительно, а почему бы и нет? Если у других получается, то почему не выйдет у меня? Я ведь такой же человек, я имею такое же право на счастье!

Мой путь пролегал через незнакомый двор. Я шел по асфальтовой дорожке. Навстречу мне двигалась девушка. Как будто сама судьба послала ее. «Давай!» — подбадривал я себя мысленно.

Девушка была симпатичной. В красных высоких сапожках, джинсах, футболке и

джинсовой курточке. Волосы ярко-рыжие. Но самое главное — у нее было приветливое, открытое лицо. Когда между нами оставалось несколько метров, я набрал в грудь побольше воздуха и хрипло сказал:

— Привет!

Девушка посмотрела мне в глаза. Не смерила взглядом, не удивилась, а именно посмотрела в глаза. Словно ей и не требовалось объяснений, кто я такой и почему здороваюсь.

— Привет, — ответила она, остановившись.

Я тоже остановился. Что же дальше? Что ей сказать? Все до единой мысли выдуло из головы. Я понял, что это провал.

— Извините, — пробормотал я и, обойдя ее, пошел дальше. Абсолютное ничтожество...

— Постой!

Я вдруг услышал цокот каблуков. Остановился, посмотрел через плечо. Она догоняла меня. Лицо выражало озабоченность.

— погоди, ты куда? — Она коснулась моего плеча. — С тобой все нормально?

— Да! — я смотрел на нее в полнейшем изумлении. — А... мы знакомы?

— Нет. Я — Эля.

— Эля?

— Ну, Элеонора. Лучше Эля. А тебя как зовут?

— Дима.

— Теперь знакомы! Посидим? — она кивнула в сторону столика, стоящего на детской площадке.

Я не стал возражать. Чудеса, да и только. Даже никакого стеснения не осталось — очень уж необычной была ситуация.

Мы сели друг напротив друга. Эля достала из сумочки тонкую сигарету и закурила.

— Ну, рассказывай, — потребовала она.

— Что рассказывать?

— Все рассказывай. Что у тебя случилось?

Внезапно я вспомнил слова Коли и возразил:

— Нет, лучше ты рассказывай!

Она усмехнулась и посмотрела куда-то в сторону. «Потеряла интерес», — решил я.

— Слушай, видишь, вон там павильон? — спросила она.

Я обернулся и увидел небольшой ларек.

— Купи нам пива?

— Пива?

— Угу. Я вообще-то к подруге шла, у них там гулянка. Но чего-то передумала. Купишь? Я денег дам. А то меня тут знают, не продадут.

Почувствовав мое замешательство, Эля пояснила:

— Мне четырнадцать.

У меня было немного денег, поэтому я вызвался купить на свои. Уже когда я зашел в павильон, меня осенило: она же просто спланировала меня, чтобы незаметно уйти! Ну что ж, вполне предсказуемо. Я, конечно, все равно куплю пива. Сяду за тот столик и выпью обе бутылки. А потом поеду домой, пьяный и несчастный. Придя к такому решению, я купил еще и пачку сигарет. Помирать — так помирать!

Эля сидела за столиком. Даже не болтала по телефону. Ждала.

— Я думал, ты ушла, — признался я, садясь на прежнее место.

— Ага, размечтался! — фыркнула Эля. — Меня палкой не прогонишь, если мне интересно.

— Тебе интересно?

— Ага.

— Что именно?

Склонив голову, она промурлыкала:

— «В такой веселый светлый день — как можно быть таким несчастным?»

Я отвел взгляд и сосредоточился на бутылке. Попытался сорвать крышку о край стола, но лишь накрошил на колени трухлявой древесины.

— Дай сюда!

Эля забрала у меня бутылку и зажигалкой ловко открыла ее. Хлынула пена. Эля также сноровисто припала к горлышку и отпила лишнего, после чего вернула мне бутылку.

— Ну, за знакомство!

Мы стукнули бутылки друг о друга и сделали по глотку.

— Итак! — всплеснула руками Элеонора. — Обо мне, да? Ну, начну. Меня зовут Элеонора, я живу вот в этом доме. Мне четырнадцать лет, учусь в школе. Я панк, тащусь от «Короля и шута», «Тараканов!» и «Наива». И еще я считаю, что все мои одноклассники — дебилы, с которыми поговорить не о чем. Теперь ты.

Я задумался. Что же ей сказать?

— Ты не думай, — посоветовала Эля. — Ты говори, как есть.

— Меня зовут Дима, — признался я. — Мне шестнадцать. Люблю рок-музыку, типа «Кино» и «ДДТ». Тоже в школе учусь.

— В какой?

— В четвертой.

— Погоди... Это в поселке, что ли?

— Ну да.

— Неделю назад «стрелка» была, наши против ваших — ты ходил?

Я вспомнил, что именно неделю назад меня избил Рыба с толпой своих прихвостней. Вот куда они, видимо, направлялись!

— Нет.

— Хорошо. А то я бы тебе глаза выцарапала!

Элеонора еще раз приложила к бутылке. Потом хитро прищурилась, глядя на меня.

— Слушай, а почему ты со мной поздоровался?

Тут настал мой черед пить — чтобы было время подумать.

— Как тебе сказать, — пробормотал я, поставив бутылку на стол.

— Знаешь, что в панках зашибись? Им можно всю правду говорить. Так что давай, смелее!

То ли раскованность этой девушки на меня так повлияла, то ли алкоголь успел проложить дорожку к мозгу, но я выложил ей все. И про свою десятилетнюю большую любовь, и про загадочную дружбу с Машей, про ее внезапное чувство, про осенний бал, про брата и про Борю. О космическом происхождении последнего я, впрочем, умолчал.

За время своего путанного рассказа я скурил две сигареты и даже еще раз сбегал к ларьку. На этот раз взял немного денег у Эли и купил сразу четыре бутылки. А когда я закончил говорить, бутылок осталось всего две.

— Ну ты даешь, — покачала головой Эля. — Такая «Санта Барбара» — закачаешься. И что, не знаешь, кого выбрать?

Я уже был в том состоянии, когда окружающий мир сужается до собеседника. К тому же сгустились сумерки, добавив происходящему интимности.

— Да как тебе объяснить? — почесал голову я. — Понятно, что я Жанну выберу. Но Машу жалко...

— Жалко у пчелки! — отрезала Эля. — Что, ты с ней из жалости встречаться будешь?

— Ну, не только...

— Ага, значит, тоже к ней не ровно дышишь?

— Наверное, да...

— А со мной-то чего поздоровался? Дурачок, ты ж во что угодно влюбишься, что с тобой заговорит! Тоже мне, дон Жуан!

Тут я рассердился. В конце концов, она была даже младше меня! К тому же я был пьян.

— С чего ты это взяла? — нахмурился я.

— С того. Сам рассказывал. Хочешь сказать, не влюбился в меня?

— Нет!

— Прямо вот ни капельки?

— Вообще нет!

— И даже сможешь поцеловать и не влюбиться?

— Да легко!

— Докажи!

Я решительно встал, переместился к Элеоноре и... решимость меня покинула. В нескольких сантиметрах я видел ее симпатичное личико. Она прищурила глаза и облизнула губы чуть заметным движением. Поцеловать... Как это вообще можно?!

— Ну? Струсил? — почти шепотом сказала она.

— Еще чего!

Алкоголь помог мне решиться. Вообще я планировал просто ткнуться губами в ее губы и спраздновать победу. Но когда наши губы соприкоснулись, все пошло наперекосяк. Я не успел опомниться, как Эля обняла меня, и невинный поцелуй перешел в откровенный засос. Ощущения были невероятными. Мне казалось, что я пью из какого-то волшебного источника, который лишь слегка отдавал пивом и сигаретами. Такие нежные губы, такой дерзкий язычок...

Должно быть, прошло минут пять, прежде чем мы прервались. Как-то забылся соревновательный аспект происходящего. Эля прильнула ко мне, как кошка, забравшись с ногами на лавочку.

— Первый раз, да?

— Ага, — только и сказал я.

Руки сами обняли ее, ладони сомкнулись на животе. Эля почти лежала на мне спиной, глядя на звездное небо.

— Чувствуется, — проговорила она. — Что впервые. Но быстро учишься. Молодец.

Эта малявка поучала меня, будто была старше лет на пять. Но почему-то раздражения уже не было. Все мои мысли сосредоточились на том, как бы невзначай переместить руки чуть повыше, на два соблазнительных бугорка, приподнимающих футболку. А впрочем, пока меня полностью устраивал ее теплый живот, слабо двигающийся в такт дыханию. Удивительное ощущение.

— Ты милый, — вдруг сказала Эля.

— А?

— Бэ! Тоже витамин.

— Чего ты...

— Того. Не фиг переспрашивать, все ведь слышишь.

— Хочу и переспрашиваю! — насупился я.

— Вот так?

— Да, так!

— Ты милый, милый, милый! Милый-милый! Ми-и-и-иленький! — принялась забавляться Эля.

— Ты тоже! — сказал я, чтобы просто прервать.

— Что «тоже»? Скажи!

— Ты милая.

— Милая-премилая?

— Да, именно такая.

— Премилейшая?

— Блин, ну хватит!

Эля захохотала, и ее живот напрягся и задрожал под моими руками. В какой-то момент футболка немного задралась, и ладони скользнули под нее. Вот это уже была фантастика!

— Хамство какое! — возмутилась Эля. — А, вообще, ладно. Только дальше не лезь!

— Дальше — куда?

— Ни туда, ни туда! Глаза выцарапаю! Наслаждайся тем, что есть, милый Дима. И, будь так мил, открой пиво!

Мы просидели еще минут пятнадцать, болтая обо всякой ерунде. Пили пиво, курили, целовались. В конце концов, моя подруга принялась клевать носом. Да и я немного занервничал — успею ли на автобус? Потом, правда, я вспомнил, что у меня ни копейки денег, и идти придется пешком. Это меня успокоило.

— Хороший вечер получился, — пробормотала Эля. — Можешь поцеловать мои веки?

Я не стал переспрашивать и уточнять. Просто нагнулся и нежно коснулся губами ее глаз. Готов поклясться, что она заурчала, как самая настоящая кошка. И тут в наш маленький мирок вторгся кто-то третий. Сел на скамейку напротив. Я поднял голову и... увидел Боря Брика.

— Привет! — он поднял правую руку.

Эля открыла глаза и села, не отодвигаясь, правда, далеко.

— Проблемы? — нахмурилась она. Кошка превратилась в тигрицу, готовую растерзать за одно неверное движение.

— О, целая куча! — улыбнулся Боря. — Но к вам, милая леди, это не имеет ни малейшего отношения.

Эля расслабилась, хихикнула и ткнула меня в живот локтем.

— Слыхал мелкого? Я милая!

— А я так и сказал! — кивнул я. — Это Боря, я про него говорил тебе. Боря, это Эля. Элеонора.

— Рад знакомству, — кивнул Боря.

— Абсолютно такая же хрень! — отозвалась Эля. — Чего приперся?

— Шел с работы и заметил Диму. Почему-то у меня возникло ощущение, что он пропил

все свои деньги и теперь ему не на что ехать домой. Вот и решил проявить посильное участие.

Эля фыркнула:

— Подумаешь! Я бы ему дала.

— Ни капли не сомневаюсь, но это лишь отсрочит решение его проблем.

Элеонора рассмеялась, а я смутился и закурил сигарету.

— Правду говорил, умен твой друг, — сказала Эля. — Давайте, езжайте. Я тоже домой пойду.

— Покурим? — предложил я. Не хотелось так вот резко расставаться с этой необычной девчонкой.

— Покурим, — вздохнула Эля и достала свою тонкую сигаретку.

Немного поколебавшись, я приобнял ее. Протеста не последовало. Боря внимательно наблюдал за нами.

— Как работа? — спросил я.

— Очень простая работа, хотя и требует выносливости, — отозвался Брик. — Думаю, скоро привыкну и буду работать наравне со всеми.

— Хорошо, хорошо...

Беседы на троих у нас не получилось. Докурив, мы с Элеонорой бросили окурки в горлышко бутылки.

— Ну? — она повернулась ко мне. — Поцелуешь на прощание, на глазах у друга?

Я поцеловал. Прощальный поцелуй был не таким уж и долгим, да и губы порядком занемели, утратив чувствительность.

— Влюбился? — спросила Эля. В ее глазах загорелись озорные огоньки.

— Нет, кажется, — ответил я.

— Ого! Не ожидала. Ну, тогда у нас, наверное, получится самая идиотская в мире дружба. Как это по-панковски!

— Увидимся еще? — улыбнулся ей я.

— Наверное. Есть ручка?

— Не-а...

Боря молча положил на стол блокнот и ручку. Элеонора по-хозяйски выдрала два листа. На одном написала свой номер телефона и сунула мне во внутренний карман куртки.

— Ты свой тоже напиши, — попросила она.

Я написал. Домашний. Номера сотового я не знал.

— Ну все, пока! — Эля поднялась на ноги и чуть покачнулась. — Позвонишь потом, расскажешь, чем у вас все закончилось?

— Обязательно!

И она ушла. Я взглядом проводил ее до подъезда. В дверях она обернулась и, звонко рассмеявшись, послала мне воздушный поцелуй.

* * *

Домой мы ехали в пустом автобусе. Я сидел, прислонившись головой к стеклу. Наверное, выражение лица у меня было предельно дурацкое.

— Честно говоря, я потрясен, — сказал Боря.

— Заткнись.

— Нет, я не осуждаю тебя, скорее наоборот...

— Заткнись.

— Я даже и не думал, что мои слова так скоро...

— Боря!

Я поднял голову и посмотрел ему в глаза.

— Что?

— Я сейчас нахожусь в какой-то волшебной и бессмысленной сказке. Пожалуйста, заткнись. Поговорим завтра.

И он замолчал. Может, обиделся, но мне было все равно. В голове проносились воспоминания о самом прекрасном вечере за всю мою жизнь.

Глава 10

Реванш

Молодость дана нам для того, чтобы совершать ошибки. Натворив уйму ерунды, мы находим верный путь и держимся его всю свою жизнь. Но, конечно, родители и школа всегда против. И за каждую ошибку приходится расплачиваться.

Семейный вечер после знакомства с Элеонорой напоминал вечеринку в психбольнице. Мать рыдала, пила валерьянку и рассказывала ужасы про беременности и аборты. Потом — про армию, про СПИД, про тюрьму. И еще зачем-то — про геенну огненную. На моей памяти это был вообще единственный раз, когда мама обратилась к религии.

Отец был более спокоен, но не мог выбрать единой линии поведения. Он то орал на меня, то объяснял маме, что все произошедшее — чистой воды ерунда. А вообще, по глазам видно было, что ему все это смертельно опостылело и он мечтает о своем диване, телевизоре и бутылке пива.

Причиной скандала было не только мое позднее возвращение, но и запах пива, сигарет и следы от губной помады на щеке. Убийственное сочетание. Не хватало только случайно выпавшего из кармана одноразового шприца и пакетика с белым порошком. Впрочем, вряд ли это смогло бы расстроить маму еще больше.

Когда скандал, наконец, закончился, я упал в постель и довольно быстро заснул. Снилось мне Жанна, окутанная звездным сиянием и постоянно куда-то ускользающая.

Минула ничем не примечательная пятница. Антонов сообщил о том, что в понедельник начнутся репетиции. Боря после уроков уехал на работу, а я пошел заниматься с Жанной геометрией.

— Ты помнишь мое условие? — спросила Жанна, когда с уроками было покончено.

— Какое?

— Про танцы. В понедельник твой первый экзамен!

— А, да... Думаю, все получится.

— Серьезно? Ну, посмотрим, посмотрим! — Она улыбнулась так, словно была немного удивлена.

На следующий день позвонила Маша и вызвала меня к себе на урок танцев. В этот раз она осталась мною довольна.

— Ну, если так дальше пойдет, то к балу ты будешь неподражаем! — сказала она.

— Да ну, — засмутился я.

— Не скромничай! У тебя все прекрасно получается.

Повисло неловкое молчание. Мы снова сидели на диване. Я глядел в пол, а Маша — в окно.

— Можно вопрос? — решил я.

— Наверное...

— Это не очень хороший вопрос. В смысле...

— Господи, да спрашивай уже!

Я решил:

— Скажи, ты считаешь Жанну пустышкой?

Разумеется, ей было неприятно. Но больше у меня не было близких друзей, кроме Бори. А его космического мнения явно не хватало.

— Почему ты спрашиваешь у меня? — Маша отвернулась.

— Потому что ты скажешь правду. Несмотря ни на что.

— А если я совру?

— Я это увижу.

Теперь мы смотрели в глаза друг другу. Два человека, которые не могли друг другу врать.

— Нет, я не считаю Жанну пустышкой, — побледнев, сказала Маша. — Я считаю, что она просто не знает, чего хочет. И, может, никогда не узнает.

А потом она добавила еще кое-что. Слова, оставшиеся у меня в памяти на долгие годы:

— Бывает так, что двое будто созданы друг для друга. Это видно всем. И окружающим, и им самим. У них все будет хорошо. Но бывает и так, что одному человеку придется долго идти к другому, который палец о палец не ударит. И что будет в итоге — этого не знает никто. В сказках про такую любовь и пишут. А в жизни, наверное, лучше первая.

От необходимости отвечать меня отвлек звук ключа, вставляемого в замок.

— Папа пришел! — Маша подскочила и принялась разворачивать ковер. Я ей помог, но Маша, кажется, уже не обращала на меня внимания.

— Радость моя, ты дома? — послышался тонкий голос Вениамина Геннадьевича.

— Да-да, папа! — Маша выбежала в прихожую, а я пошел следом.

Маша целовала в щеку своего высокого лысого отца, который еще не снял пальто. Заметив мое присутствие, Вениамин Геннадьевич отстранился от дочери, словно в смущении.

— У тебя гость? — спросил он совершенно бесцветным голосом.

— Здравствуйте, — пробормотал я.

— Это Дима, мы в одном классе учимся, — сказала Маша. — Я учу его танцевать. У нас скоро осенний бал, и я помогаю ему подготовиться.

— Вместе идете? — продолжал допытываться Вениамин. Душевности в его голосе не добавилось ни на грош.

— Нет! — хором сказали мы с Машей.

Вениамин принялся молча раздеваться. Я, пользуясь большим размером прихожей, стал натягивать куртку.

— Уже уходите? — Вениамин даже не повернулся.

— Да, домой пора, — пробормотал я.

— Кажется, я вам помешал.

— Пап, ну ты чего? — улыбнулась Маша. — Я вот только поесть не успела приготовить, что ж ты не сказал, что раньше придешь?

Я постарался выскользнуть из квартиры как можно скорее. Маша попрощалась со мной невнимательно, а Вениамин так и вовсе не сказал ни слова. Я вынес в душе неприятный осадок, но он быстро растворился.

Созданы друг для друга... Я шел домой, размышляя об этих словах. И ведь правда, так легко было представить нас с Машей семейной парой. Небольшое усилие воображения — и вот, она встречает меня с работы. На ней фартук, из кухни доносится запах еды. Мы непринужденно беседуем за ужином, смотрим какой-нибудь фильм, ложимся спать... Идиллия. Почему я бегу от этого? Ведь представить вместе нас с Жанной почти невозможно. Жанна на кухне чистит картошку? Бред! Жанна ждет меня с работы? Фантастика!

Чтобы избавиться от всех этих мыслей, я потратил остаток субботы на учебу. Достал

пособия для подготовки к ЕГЭ и с головой окунулся в решение задач. Собственно, воскресенье я тоже планировал провести подобным образом. Но вмешались обстоятельства.

Во-первых, я проснулся в первом часу дня. Позавтракал или пообедал. Потом сходил в душ, немного посмотрел телевизор и, когда я уже твердо решился засесть за учебники, мой сотовый телефон начал пищать. Звонили с неизвестного номера. Я взял трубку.

— Да?

— Привет, Дима! — послышался жизнерадостный голос Брика.

— Боря?

— Да, я.

— Откуда у тебя мой номер?

— Э-э-э... Из твоей головы. Извини, но я опять это сделал. Когда вы с Элей обменивались телефонами, я увидел номер у тебя глубоко в подсознании. Ты мог бы его извлечь, но был сильно пьян. А я хотел помочь, но решил не вмешиваться.

— Вот поганец... А у тебя-то телефон откуда?

— Твой брат дал. Сказал, что нужно быть на связи.

— Ясно. Ладно, чего хотел?

— Как «чего»? Ты что, забыл? Мы сегодня идем в кафе!

— Куда?

— Кафе «Адонис». Встречаемся на остановке через двадцать минут.

Он отключился, не услышав моих яростных отнекиваний. «Адонис»... Ну да, он идет встречаться с Катей. А я-то там зачем? Как проводник, что ли?

Впрочем, думал я обо всем этом, уже собираясь. Мама как раз вышла за покупками. Я сообщил отцу о том, что еду встречаться с другом и, возможно, буду поздно. Пообещал не пить.

— Вот всегда бы так! — похвалил папа. — Все понял, все записал. Вали, развлекайся!

Брик уже стоял на остановке.

— Я мог бы просто сказать тебе адрес, — проворчал я, ответив на рукопожатие.

— Почему бы нам не сходить вместе?

— Ну, у тебя, типа, свидание...

— Разве? Хм... Об этом я как-то не подумал. Впрочем, думаю, что на первом свидании ничего особо интимного не будет. Ты не помешаешь!

— Вот спасибо, утешил! — фыркнул я.

До «Адониса» мы добрались без приключений. Зашли внутрь, выбрали свободный столик и сели. Немедленно подошел официант со скучающим выражением лица и принес меню. Я заказал яблочный сок и сухарики, распрощавшись с остатком наличности. Боря подошел к вопросу более размашисто и затребовал себе бифштекс с картофельным пюре и кофе.

— Без пятнадцати восемь, — сказал он, поглядев на экран старенького черно-белого телефона.

— Как она вообще тебя найдет? — подивился я.

Зал постепенно заполнялся, свободных столиков не оставалось. На небольшую сцену вынесли микрофонную стойку.

— Неужели еще и караоке будет? — вздохнул я.

— Это что?

— Это когда люди поют под музыку. Ну, просто поют. Короче, скучно и противно.

Вернулся официант с нашим заказом. Я отхлебнул сока и чуть не поперхнулся, бросив очередной взгляд на сцену. Там стояла Катя. Она посмотрела на наш столик, улыбнулась и помахала рукой. Я нерешительно ответил на ее приветствие, а Боря замахал даже двумя руками.

Катя выглядела ослепительно. Волосы уложены в красивую пышную прическу, сверкающее платье с глубоким декольте безукоризненно облегалo ее фигуру.

— Я рада приветствовать всех вас сегодня вечером, — сказала она в микрофон. — Сегодня вас так много... Давайте начнем с чего-нибудь заводного!

Глядя на Катю, я и не заметил, как на сцене появились два гитариста и барабанщик, усевшийся за невесть как появившуюся там установку. Все посетители захлопали, свет в зале немного померк, сделав сцену центром всеобщего внимания. Барабанщик трижды ударил палочками друг о друга, и грянула музыка. Я быстро узнал ее, прежде чем Катя начала петь знакомые английские слова. Это была «Living La Vida Loca», почему-то всегда упорно путающаяся у меня в сознании с песней из мультфильма «Чип и Дэйл».

Голос у Кати был под стать внешности — яркий, звонкий. Она великолепно справлялась и с низкими и с высокими частотами. Посетители увлеченно хлопали и даже подпевали, перевирая припев, кто во что горазд.

За первой песней последовала вторая, а затем и третья. Этих я уже не знал. Репертуар Кати состоял преимущественно из зарубежных хитов. Постепенно ритмичные и задорные композиции уступили место спокойным. Кажется, прозвучало даже что-то из наследия Мэрилин Монро. Внимание посетителей постепенно рассеивалось. Все громче звучали разговоры, и исполнители это почувствовали. Допев очередную песню, Катя сообщила, что ансамбль удаляется на перерыв, и скрылась за кулисами.

— Хорошо поет, — заметил я, воспользовавшись относительной тишиной.

— Мне кажется, она поет великолепно! — возразил мне Брик. — Я слышал немало певиц, пока смотрел телевизор, но Катя явно на голову выше всех их!

И тут к нашему столику подбежала Катя собственной персоной.

— Привет! — воскликнула она со смехом, падая на свободный стул. — Пришел-таки, да?

— Как я мог не прийти? — улыбнулся ей Борис. — Спасибо за прекрасное выступление!

Катя дернула плечами, словно говоря: «Ерунда какая!» и жестом подозвала официанта. Попросила пепельницу и закурила сигарету.

— Ну, вот этим я и занимаюсь, — сказала она.

— Нравится? — спросил Боря.

— В основном — да. По крайней мере, не торгую на рынке, ненавижу всех и вся, как моя мамочка! — Она закатила глаза. — Публика нас хорошо принимает. Хозяин кафе заметил, что на наши выступления народ собирается, и платит сейчас довольно хорошо. Жить можно.

— Ты училась пению?

— Нет, никогда. Просто пела и все. С самого детства. У отца был старый магнитофон и куча кассет. Ну, всякие такие песни, которые еще в Союзе все слушали. «Доктор Албан», там. Ну, знаешь. И вот, когда я заканчивала школу, то стала думать, чем хочу заниматься. Вышло так, что ничем, кроме пения. Плюнула на все институты, нашла музыкантов — и вот! Мечты сбываются!

Она звонко рассмеялась и стряхнула пепел с сигареты в поднесенную официантом пепельницу. Я молча смотрел на эту необычную девушку. Вблизи ее макияж казался немного неестественным, но, наверное, так было надо, чтобы лицо хорошо воспринималось издали.

— А ты с другом, да? — Катя бросила на меня беглый взгляд.

— Да, — спохватился Боря. — Его зовут Дима, мы в одном классе учимся.

— Очень приятно! — улыбнулась мне Катя. — А вы что, правда школьники?

— Ну, да, — развел я руками.

Катя перевела взгляд на Борю.

— А ты мне тогда таким взрослым показался!

— Ну, я пару раз оставался на второй год, — «признался» Боря.

Они болтали еще минут двадцать. Так легко и непринужденно. Я почти не принимал участия в разговоре. Только потягивал сок мелкими глотками, боясь официанта, который, заметив пустой бокал, предложит принести еще.

В диалоге, который я, волей-неволей слушал, не было ничего примечательного. Просто двое людей знакомились, лезли в душу друг другу, не встречая никаких препятствий. В глазах Кати горело неприкрытое любопытство, такое же, как у Брика.

Мне запомнился только один момент. Боря спросил:

— Тяжело тебе было решиться на такой шаг? Я имею в виду, бросить все и начать выступать?

— Нет, совсем не тяжело. Родителям было тяжелее. Мать рыдала, отец орал. Поэтому я, как только заработала немного, сняла себе отдельное жилье. Уже год с тех пор прошел. И, знаешь, что? Ничего страшного. Живу себе, да живу. Два-три вечера в неделю выступаю. Иногда больше. Кажется, я вполне себе счастлива!

Трудно было ей не поверить. Один взгляд на ее сияющее лицо, и все становилось очевидным: Катя счастлива.

— Главное не заморачиваться на всякой ерунде, — продолжала Катя. — Нравится тебе что-то — делай. Вот и весь секрет. Я, кстати, потихоньку свои песни пишу. Уже немало набралось. Мы с ребятами, наверное, раскатаемся когда-нибудь и запишем альбом. А там — кто знает? Может, повезет, и выйдем на серьезный уровень!

Тут Катю окликнули. В парне, подошедшем к нашему столику, я узнал бас гитариста.

— Кать, пойдём, — сказал он. — Публика неистовствует!

— Ага, сейчас, Саша, — кивнула ему Катя. — Только с друзьями попрощаюсь!

Она раскрыла маленькую сумочку, которую принесла с собой из-за кулис, и достала оттуда фотографию, на обороте которой было что-то написано.

— Вот, как обещала! — она протянула карточку Боре. — Я там написала свой адрес и телефон. Так что, захочешь увидеться — звони!

Перегнувшись через стол, она чмокнула Борю в щеку и упорхнула от нас.

— Воистину ангел, — сказал Боря, разглядывая фото.

Я тоже посмотрел. Катя, одетая точно так же, как и во время нашей первой встречи, стояла в березовой роще, держась рукой за молодое деревце. И, конечно же, сияла своей неотразимой улыбкой.

Насмотревшись, Боря спрятал фото в нагрудный карман.

— Ну? Пойдем? — сказал он. — На автобус опоздаем.

Он заплатил и за себя и за меня. Когда мы вышли наружу, было уже темно. Остановка

притаилась прямо за углом кафе, и мы принялись ждать автобус.

— Откуда у тебя деньги? — поинтересовался я.

— Дали аванс.

— Уже?

— Да. Начальник спросил, зачем мне работа, и я объяснил ему, что у меня нет денег.

Как раз был обеденный перерыв, а я не ел, потому что было не на что. Ну и он выдал мне денег. Сказал, ему нравится, как я работаю. Обозвал остальных алкашами безмозглыми и ушел.

— Ясно. Значит, приработался?

— Ну да. Привыкаю постепенно. Думаю, иногда буду пропускать занятия. Чтобы хватало на жизнь.

— Помнишь, что завтра репетиция?

— Помню, да. Я предупредил на работе, что завтра могу не появиться.

Всю дорогу до дома я размышлял о людях, которым хватило бесстрашия жить так, как хочется. Мой двоюродный брат, Катя, Жанна, да даже и Боря. Ну и Элеонора, наверное. Все они были наглядным опровержением того бреда, что постоянно несли взрослые. Жизнь для них не была угрюмой повинностью, они не собираются гробить себя на ненавистных работах. Им нравилось жить, и они с восторгом предавались этому занятию.

А что же будет с моей жизнью?

Я живо представил себе учебу в институте. Пять лет постижения непонятно чего. Обязательно — техническая специальность. Потом — какая-то работа. Коллектив, с которым я не смогу подружиться. Наверняка я начну пить. И не замечу, как подкрадется старость.

Почему так? Что нужно изменить в себе, чтобы изменилась жизнь? Я не знал. Да и не хотел я ничего менять. В моем болоте было тепло и уютно.

* * *

Репетицию проводила профессиональная учительница танцев. Женщина лет сорока, худощавая и близорукая. Она строго посмотрела на каждого из нас поверх очков и сразу же прицепилась к Брику:

— Ты же маленький! — пискнула она.

— Принц! — подхватил Семен Волохин, и заржал, на пару с Антоновым.

— Ну, у меня не было много времени, чтобы выбрать себе идеальное тело, — пожал плечами Брик.

— При чем тут тело? — всплеснула руками учительница. — У тебя партнерша высокая! А если она на каблуках будет? Ты что, в грудь ей дышать будешь?

— О, да! — простонал Петя, красный от смеха.

— Так, давайте-ка поменяемся! — глаза учительницы забегали. — Вот ты, девочка, как тебя?

— Ира, — представилась Ирина Ульина.

— Вот, Ира! Давай-ка ты к нему. Ты пониже.

— Я не хочу! — уперлась Ира.

— Чего «не хочу»? — возмутилась учительница. — Я тебя замуж за него выходить не

заставляю!

— Дина Васильевна, — подала голос Маша. — Я буду без каблучков. Танцую с пяти лет. Думаю, у нас все получится.

Они еще немного попререкались, но в конечном итоге Маша настояла на своем.

— Ладно! — махнула рукой учительница. — Давайте начинать. Сегодня я хочу выбрать центральную пару. Раз уж вас так много, то будет центральная пара, а остальные будут танцевать вокруг.

Она начала объяснять то, что я и так уже знал. Пока все остальные бестолково переминались с ноги на ногу и не знали, куда девать руки, я машинально приобнял Жанну правой рукой, а левой сжал ее правую ладонь. Жанна слегка качнула ресницами, словно в удивлении.

— Вот! — учительница подбежала к нам. — Вот, молодцы! Все правильно! Посмотрите, как надо!

Когда с исходной позицией, наконец, разобрались, перешли к движениям. Благодаря Машиным урокам, я двигался вполне себе приемлемо. Жанна тоже оказалась не новичком в этом деле. Только если Маша всегда меня контролировала, заставляя двигаться в жестких рамках, то Жанна всецело полагалась на меня. Значит, ошибок было допускать нельзя.

Краем глаза я заметил, что Боря делает успехи. Пару раз запнувшись, он проникся чувством ритма и теперь достаточно сносно вальсировал с Машей, которая напряженно смотрела вниз, следя за его ногами.

Минут через двадцать учительница всех остановила и снова подошла к нам с Жанной.

— Вы будете центральной парой! — сказала она. — Давайте сюда. Остальные — в круг. Да не в хоровод же, господа прости! Парами, парами вставайте!

Пока остальные рассредоточивались вокруг нас, Жанна негромко сказала:

— Очень даже неплохо. Тебя Маша научила?

— Ага, — кивнул я.

— Понятненько... Мне даже начинает нравиться вся эта затея.

— Правда?

— Конечно. Будем с тобой, словно принц с принцессой!

Построив всех, сообразно своему представлению об идеале, учительница велела повторять привычные движения вальса. Мы с Жанной кружились, как и прежде, а вот остальным задачу несколько усложнили: весь этот кордебалет должен был не только вращаться по своим орбитам, но и описывать круги вокруг нас с Жанной.

— Давай попробуем чего-нибудь еще? — предложила заскучавшая Жанна.

— Обвод? — предложил я.

— Не устаешь удивлять!

Подстроившись под такт, я присел на одно колено, держа Жанну за руку, и она изящно прокружилась вокруг меня. За это время я успел увидеть раскрасневшееся злобное лицо Пети и не смог не усмехнуться. Да, конечно, для него это был страшный удар по самолюбию.

— Виск! — шепнула Жанна, когда я снова обхватил ее за талию.

Мы успели сделать нужные шаги и, кажется, вышло это весьма естественно, поскольку сразу же вслед за этим послышались сухонькие похлопывания — учительница нам аплодировала.

— Молодцы, центральная пара! — воскликнула она. — А теперь попробуем под музыку!

Репетиция закончилась спустя два часа. Все уже просто с ног валились, но отрепетированная программа действительно была впечатляющей. Учительница наказала всем прийти на репетицию в среду и удалилась. Следом за ней потянулись все ученики. Жанна с улыбкой попрощалась со мной и убежала. Подошла Маша.

— Очень хорошо, — сказала она с усталой улыбкой. — Со стороны смотрите великолепно. Ей бы еще расчесаться.

Я развел руками, не зная, что сказать.

— Только не задавайся! — погрозила пальцем Маша. — Завтра жду тебя на занятие!

— Опять? — ужаснулся я.

— Опять. Считай это профессиональным интересом. О вашем танце в газетах напишут!

Она ушла. Подошел угрюмый Петя.

— И что? — смерил он меня взглядом. — Думаешь, ты лучше всех, что ли?

— Нет, — честно признался я.

— Ну, так попроще тогда будь!

— В каком смысле?

— В прямом! И что, что ты танцевать научился? Думаешь, это что-то решает, что ли?

Я поймал на себе настороженный взгляд Бори и внезапно ответил словно бы его словами:

— Ну, когда речь идет о танцах, то да. Во всех остальных ситуациях — вряд ли.

— Я тебя заставлю нос-то опустить! — прошипел Петя.

— Я не сомневаюсь. Что задумал? Ведро свиной крови?

Петя гордо вскинул голову и удалился, что-то ворча себе под нос.

— Обалденно интимная вещь, этот вальс! — сказал Боря, подходя ко мне. — Маша даже перестала меня бояться!

— Думаешь? — усомнился я.

— Знаю.

— Опять?

— Ах, черт... прости, не удержался. Мы были так близки, что мне захотелось узнать ее мысли.

Выходя из актового зала, мы увидели милиционера. Того самого. Брик замедлил шаги, притормозил и я. Но Разрушитель не обратил на нас внимания. Он вышел из кабинета директора и покинул школу.

— Чего это он? — шепнул я.

— Не догадываешься? — мрачно спросил Брик.

— Нет.

— Хочет допросить учеников. Посмотреть каждому в глаза. Задать нужные вопросы.

Мы немного подождали, чтобы милиционер успел уйти подальше. Потом вышли на улицу.

Лето окончательно сдало позиции. Небо хмурилось, дул резкий и прохладный ветерок. Да и листва на деревьях становилась желтой и красной, вытесняя зеленые цвета.

— У тебя одежда-то теплая есть? — спросил я вдруг.

— Есть что-то, — пожал плечами Брик. — Пойдем на площадку, я тебе кое-что покажу.

Мы зашли за угол школы и оказались на спортплощадке, где при хорошей погоде проходили занятия по физкультуре. Вечерами там частенько собирались компании — поорать, выпить, избить кого-нибудь. Но сейчас было тихо.

Мы прошли в самый конец площадки, подальше от людских глаз. Боря остановился перед булыжником размером с кулак, практически скрытом в вянущей траве.

— Смотри! — сказал он.

Я смотрел на камень. Спустя секунду мне показалось, что он дрогнул. Потом приподнялся.

— Что это? — попятился я.

— Не бойся. Смотри!

Внимательно глядя на камень, Боря поднимал взгляд. Одновременно поднимался камень. Вскоре он уже висел в воздухе на уровне его глаз. Сначала висел неподвижно, потом несколько раз перевернулся и плавно опустился обратно.

— Ни фиги себе, — искренне сказал я.

— Да, я открыл новые возможности мозга. Пока еще далеко от совершенства, но я учусь. Кстати говоря, этому тоже может научиться любой. Представляешь, какие горизонты откроются перед человечеством?

Честно говоря, у меня в этот момент перед глазами стояла лишь одна картина: учитель сидит за столом и взглядом заставляет мел писать.

— Я тебе помогу, — улыбнулся Брик, видимо, опять заглянув ко мне в голову. — Например, работы, опасные для жизни. Можно будет выполнять их на расстоянии. Что-нибудь с атомной энергетикой, допустим. Изобразительное искусство тоже выигрывает. Не нужно будет «набивать руку». Достаточно четко представить, что должно быть изображено на холсте, и заставить кисть повторить это. Инвалиды смогут работать не хуже полноценных людей. Да и в целом жить станет безопаснее. К примеру, можно будет предотвратить аварию, отвести в сторону падающий на голову кирпич...

— Или направить его в другую голову, — кивнул я.

— Зачем?

— Боря, ты неисправимый идеалист. Помимо того, что ты перечислил, люди будут использовать эти способности, чтобы делать больно другим людям. Потому что далеко не все люди добрые и хорошие.

Плечи Маленького Принца поникли.

— Да уж, — пробормотал он. — На одно достоинство этого мира приходится десяток недостатков. Так, наверное, и должен поддерживаться баланс.

— Что поделать. Ладно, пошли домой. Я проголодался до смерти.

Но спокойно дойти до дома нам не дали. Едва мы только повернулись, как увидели Рыбу и Семена, целенаправленно движущихся к нам.

— Ну что, танцоры! — заорал Рыба. — Побазарим?

* * *

Страх — хитрая вещь. Хитрая и подлая, как еврей в форме «СС». Говорят, что страх — это защитная реакция, но почему же тогда он парализует руки и ноги? Почему не дает убежать? Почему не позволяет защитить себя?

Наверное, ответ прост: мир взрослых снова нам врет. Они говорят, что бояться нормально, но в этом нет ничего нормального. Страх — это паразит, уничтожить которого по силам далеко не каждому.

Глядя, как приближаются наши палачи, я просто окаменел. Мысль о бегстве казалась глупой. Разве сбежишь от судьбы? Из транса меня вывел громкий шепот Брика:

— План помнишь?

— А?

— Когда я побегу — беги за мной.

— Чего шепчемся, девочки? — Рыба оглянулся и, не увидев никого поблизости, вынул из кармана нож-«бабочку». У меня потемнело в глазах.

— Рассказываю другу, как я переспал с твоей мамашей! — крикнул Брик.

Рыба замер. На его лице было написано недоумение.

— Ни фиги, ты борзый, — сказал Семен.

Рыба тряхнул головой.

— Хана тебе, сморчок, — сказал он, кидаясь на Брика.

Тот ловко увернулся и бросился бежать. Каким-то чудом я сумел одолеть свое остолбенение и ринулся следом.

— Э, а ну стоять! — понеслось нам вслед.

Брик бежал быстро, я с трудом поспевал за ним. Кажется, даже на физкультуре мне не приходилось так бегать, а уж Брику, вечно плетущемуся в хвосте колонны, и подавно. Сердце выскакивало из груди, кровь неслась по венам со скоростью звука. А сзади доносился топот погони.

Вот, наконец, впереди показался дом Брика. Мы перебежали через дорогу. Ворота сами распахнулись перед нами. Я даже не успел задуматься об этом.

— В дом нельзя! — послышался крик Семена.

— Мне плевать! — взревел Рыба.

Рядом с домом Брика стояло ветхое строение. То ли сарай, то ли гараж. Боря рванул на себя разохшуюся дверь и забежал внутрь. Я оглянулся, прежде чем последовать за ним. Семен оставался на улице, а Рыба вбежал внутрь. Наверное, он действительно готов был на убийство. Ворота с грохотом захлопнулись за его спиной, но он даже не обернулся. Он бежал ко мне, и я поспешил нырнуть внутрь сарая.

Боря успел зажечь внутри лампочку и встал рядом со старым мотоциклом с коляской. Я подбежал к нему и приготовился дорого продать свою жизнь. Прощайте, мама и папа, Жанна, Маша, Эля, да и все остальные замечательные люди, которых я не знал, да уже и не узнаю...

Дверь, казалось, протолкнула Рыбу внутрь, закрываясь. Упал засов. Рыба не успел сделать больше ни шагу. Длинная цепь, лежащая на полу, пришла в движение, обвила его левую ногу и рванула вверх. Рыбин, вопящий благим матом, выронил нож, пролетел через весь сарай вверх ногами и ударился спиной о массивный столб, видимо, служивший опорой. Цепь моментально обернулась вокруг него, накрепко привязав к столбу.

Ноги, измученные танцами, а теперь еще и бегом, дрожащие от пережитого ужаса, отказались служить, и я опустился на пол, положив руку на стоящую рядом с мотоциклом канистру.

Видеть Рыбу, привязанного цепью к столбу, было очень странно. Не менее странно было и Рыбе. Он выпучил глаза, завертел головой, открыл рот и принялся материться во всю

глотку.

Брик медленно подошел к нему. Их глаза находились практически на одном уровне. В памяти всплыла знаменитая сцена поцелуя из «Человека Паука».

— Все сказал? — спросил Брик, когда поток ругательств иссяк. — Теперь послушай меня. Ты — бесполезное ничтожество. И твоя жизнь не нужна никому в целом свете.

— Развяжи меня, я тебя на куски порву! — завизжал Рыба, всеми силами пытаюсь освободиться. Но цепь держала крепко.

— И зачем это мне? — Боря склонил голову, словно задумавшись.

— Так не честно!

— А как честно?

— Давай один на один!

— Что же в этом честного? Я не умею драться, а ты умеешь. Ты ведь гнался за мной не для того чтобы предложить партию в шахматы. Ты хотел одолеть меня в том единственном, в чем хоть как-то можешь себя проявить. Я поступил точно так же. На мой взгляд, все честно.

Только тут до Рыбы начало что-то доходить. Он завертел головой, посмотрел на цепь, потом на Боря. Трудно судить об эмоциях на перевернутом лице, но, кажется, я заметил страх.

— Как ты это делаешь? — спросил Рыба.

— Потратил время на учебу. Не на пиво, не на «травку», а на учебу. И, кажется, не прогадал.

— Ты больной придурок! Отпусти меня!

— Я могу отпустить тебя. Ты упадешь и сломаешь шею. Хочешь?

Цепь резко ослабла, и Рыба рванулся вниз с диким воплем. Цепь тут же сжала его с прежней силой.

— Тебе придется выработать новую модель поведения, — сказал Брик. — Теперь ты не хищник, а жертва. Что будешь делать? Умолять? Торговаться? Мне правда интересно. Каким ты будешь теперь?

Рыба смотрел на него расширившимися глазами и жадно хватал воздух ртом. Должно быть, цепь сильно сдавила его легкие.

— Не надо, не надо, пожалуйста, — прошептал он.

— О! Значит, умоляешь! — восхитился Боря. — Как это мило. И ни одной мысли в голове. А, нет, вот, что-то появилось... И сразу матом. Одни эмоции. А мог бы размышлять конструктивно. Разработать хотя бы примитивный план спасения. Почему ты боишься думать... Шурик?

Рыба вздрогнул. Я не помню, чтобы кто-нибудь так его звал когда-либо. Рыба всегда был Рыбой. Ну или, в крайнем случае, Саней.

— Что ты делаешь? — прошептал Рыба.

— Разматываю тот нехитрый клубок, что ты намотал у себя в голове, Шурик. Ведь так звал тебя отец? Когда был трезвым.

Рыба стиснул зубы и замотал головой, пытаюсь спастись от пронизывающего взгляда Маленького Принца. Мне показалось, что я вижу слезы в его глазах. Брик посмотрел на меня и улыбнулся.

— Хочешь посмотреть?

Он щелкнул пальцами, не дождавшись моего ответа. Я моргнул. Потом моргнул еще

несколько раз и потер глаза: сарай исчез. Мы с Бриком стояли в незнакомой комнате. Ободранные обои на стенах, выцветший старый ковер. На диване ничком лежал мужчина. Женщина, в которой я признал мать Рыбы, стаскивала с него обувь и штаны.

— Когда ж ты сдохнешь-то наконец? — прошептала она.

Вдруг она заметила нас. Глаза вспыхнули злостью.

— Ты что встал? — крикнула она. — Иди к себе в комнату!

Мы вышли. Путь через прихожую занял пару секунд, но в голове Рыбы за это время минуло несколько лет. Мы смотрели в кухню. Мать Рыбы склонилась над столом. Когда она отошла, мы увидели бутылку водки и стоящий рядом стакан. Женщина быстро спрятала в шкафчик какой-то пузырек.

Из туалета, пошатываясь, вышел отец Рыбы. Он сел за стол, наполнил стакан и посмотрел на жену.

— Пей, чего смотришь! — сказала она.

— Добрая ты какая-то, — сказал мужчина.

— А, на тебя злиться без толку. Алкаш. — Она махнула рукой.

Мужчина выпил стакан, закусил соленым огурцом и посмотрел в нашу сторону.

— Шурик, ложись спать! Тебе ж в школу завтра?

— Папа, не пей! — Я услышал чей-то тоненький, дрожащий голос.

— Шурик, я чуть-чуть.

— Не надо, папа!

Женщина поднялась со стула.

— Так! У тебя еще нос не дорос — отца учить. Марш спать!

Черeda неясных образов. Мы видим врачей, слышим непонятные слова. А потом оказываемся в комнате Рыбы и видим его отца, сидящего неподвижно в инвалидном кресле.

— Ничего страшного, присмотришь за отцом, ты уже большой, — слышится сзади голос мамы Рыбина.

Отец смотрит на меня пустым взглядом. Ночью я слышу из-за стены приглушенные стоны матери. У нас остался ночевать мой дядя...

Я тряхнул головой, и наваждение прошло. Нет, это не моя жизнь, не моя семья! Я смотрю на лежащего рядом Брика, и он кивает. Слышится мычание. Отец Рыбы беспокоится. В лунном свете на его щеках блестят слезы.

— Хватит, — прошу я.

— Пожалуй.

Вокруг снова был сарай, и я перевел дыхание.

Привязанный к столбу Рыба тихонько скулил. Внезапно из-за воротника его куртки что-то полилось. Я едва подавил приступ тошноты, сообразив, что Рыба обмочился. Вверх ногами...

— Александр Рыбин, да вы просто мечта психиатра! — засмеялся Брик. — Боишься быть слабым вне дома? Бьешь и унижаешь тех, кто не может дать отпор? А потом говоришь мне о честности! Или ты имел в виду честь? Ни то, ни другое не имеет к тебе ни малейшего отношения.

— Да что ты знаешь? — плакал Рыба.

— Теперь я знаю все. Ты мог бы заявить на свою мать, когда она травила отца. Мог бы драться с отчимом, вместо того чтобы вымещать злобу на одноклассниках. Но ты пошел по пути наименьшего сопротивления. Пожалуй, я достаточно поигрался с тобой. Скоро я тебя

отпущу. И ты сделаешь первый и, может, единственный полезный поступок в своей жизни. Смотри в глаза!

Рыба взлетел по столбу на прежний уровень и уставился в глаза Боре. Глупо так говорить про человека, связанного цепью, но... он замер. Я буквально ощутил, как цепко держит его взглядом Брик.

— Когда тебя вызовет милиционер, — медленно произнес Боря, — ты скажешь ему следующее.

И тут из его рта вырвалась целая какофония звуков. Как будто рой насекомых жужжал во всех возможных тональностях. И кричали птицы, и шумели деревья, и текла река. Это продолжалось около двух секунд. Потом Боря замолчал.

— Повтори! — велел он.

Рыба открыл рот и воспроизвел в точности тот же набор звуков.

— Вот и молодец. А теперь — пошел вон из моего дома.

Цепь упала на пол. Рыба перевернулся в воздухе и опустился на ноги. Не удержался, рухнул на колени. Затряс головой, словно выбравшаяся из воды собака. В стороны и впрямь полетели брызги. Потом он посмотрел на меня ошалевшим взглядом. Обернулся на Брика. И, наконец, побежал. Мы слышали, как хлопнули ворота снаружи.

— Извини за неприятную сцену, — развел руками Боря. — Но ты же понимаешь, что это было необходимо.

— Не знаю, — сказал я, приходя в себя от увиденного.

— Чего не знаешь?

— Не знаю, как к тебе относиться. Ты... Маша права. Ты страшный человек.

— Ну, я все же твой друг. Так что бояться меня тебе не нужно. Выпьешь чаю?

— Нет. Нет, спасибо! Я пойду домой.

— Как скажешь. Дима!

Он подошел ко мне и заглянул в глаза.

— Прошу тебя об одном: пусть все это останется тайной. Рыба не проболтается, это точно. Но мне нужно твое молчание. Обещаешь?

— Обещаю, — сухо сказал я. — Никому ничего не скажу.

— Спасибо. И еще раз: извини. До встречи в школе.

Я вышел из его дома, пошатываясь. Эта стремительная экзекуция, свидетелем которой я стал, совершенно меня подкосила. Боря Брик, забавный, восторженный мальчишка, внезапно превратился в какую-то машину смерти. Безжалостный, беспринципный инквизитор, готовый на все ради достижения своей цели. Не об этом ли он мне пытался сказать тогда, когда говорил, что пожертвует всем миром? Теперь я верил ему. И мне было страшно, как никогда.

Интерлюдия 2

Когда мне в очередной раз учинили обыск при входе в психиатрическую лечебницу, я вспомнил Рыбу. Интересно, где он сейчас? Может, также работает охранником где-нибудь. А может, сидит в тюрьме. Или остепенился, взялся за ум? Все может быть.

Сегодня был один из «плохих» дней. К Боре я попал спустя час, причем каждый пытался меня остановить. Врачи, медсестры, санитары. «Он неадекватен!» Можно подумать, когда-то он был адекватен.

— Что с ним? — спросил я главврача, к которому обратился, как к последней инстанции.

— Периодически происходят ухудшения. Вчера вечером он попытался разбить голову о стену, и мы привязали его к койке. Только несколько часов назад он перестал вырываться и кричать. Когда он в таком состоянии, даже самые сильные препараты уже не действуют.

Врач был пожилым человеком с грустным и усталым лицом. Посмотрев на меня, он негромко добавил:

— Это как буря. Ее просто нужно переждать.

— Я просто хочу его повидать.

— Я не возражаю. Но постарайтесь не говорить ничего такого, что смогло бы возбудить его.

Я пообещал, и меня проводили в палату. Это была небольшая светлая комната. Свет лился через окно, забранное частой металлической решеткой. Боря был здесь один. После нескольких экспериментов попытки сведения его с другими больными пришлось оставить.

Я вглядывался в знакомое лицо человека, привязанного крепкими кожаными ремнями к металлической койке. Взгляд его был направлен в потолок.

— Боря, — тихо позвал я. — Привет.

Он повернул голову и посмотрел на меня. Пустой равнодушный взгляд. Грудь спокойно вздымается и опускается в такт дыханию. Он подросток. Сейчас почти с меня ростом. И лицо уже не кажется таким карикатурно-круглым. Красивый парень, которому на роду было написано прожить долгую и счастливую жизнь.

— Как ты? Врачи говорят, опять бушевал? — Я старался говорить непринужденно, и даже присел на край кровати. — Что ты вспомнил?

Он молчал. Он вообще почти всегда молчал. Но в этот раз молчание продлилось недолго.

— Ты пишешь, — прошептал он.

— Что?

— Пишешь. Про Маленького Принца. Зачем?

Я улыбнулся.

— А ты делаешь успехи! Я ведь ни разу не говорил тебе об этом.

— Говорил.

— Да нет же!

— Я слышал. В голове. Голоса... Их так много.

— Ты еще не научился заставлять их молчать?

Боря закрыл глаза.

— Иногда, — еле слышно шевельнул он губами. — Но вчера я не смог.

— Ничего страшного. Главное, что ты стараешься. Однажды все станет хорошо. Ты выйдешь отсюда, и мы с тобой сходим куда-нибудь погулять. Может, даже съездим посмотреть нашу школу. Хочешь?

Он улыбнулся. Едва-едва, но его губы изогнулись в улыбке.

— Да, — прошептал он. — Зачем пишешь?

— Не знаю, — признался я. — Может, чтобы не сойти с ума. Вряд ли кого-то заинтересует эта история. Одна ее половина банальна и скучна, а другая слишком фантастична, чтобы в нее поверить.

— Я... прочту...

— Обязательно. Как только выберешься отсюда. Хорошо?

Он кивнул. Глаза оставались закрытыми, дыхание стало ровным и спокойным. Кажется, Боря засыпал.

Я поднялся.

— Отдыхай, Боря. Я зайду потом, обязательно. А ты пообещай, что в следующий раз пожмешь мне руку. Хорошо?

— Обещаю, — шепнул он. — Привези мне... локон ангела.

— Что привезти?

— Локон... ангела...

Он уснул, не сказав ничего больше. Я вышел из палаты в глубокой задумчивости. Локон ангела... Что ж, надеюсь, супруга простит мне еще одну безумную поездку.

Глава 11

Приближается буря

На большой перемене я услышал, как двое ребят с параллельного класса говорили, что всех парней из их класса в алфавитном порядке вызывают в кабинет директора. И еще, что там сидят трое ментов и задают странные вопросы. И, вроде как, это связано с убийством Мартына.

Я поделился услышанным с Борей. К этому времени впечатления от вчерашнего происшествия немного сгладились, и я снова смог с ним общаться.

— Я ждал этого, — пожал он плечами. — Ничего, время есть. Теперь я восстанавливаюсь несколько быстрее. Уже почти пятьдесят процентов.

— Недавно же было десять! — удивился я.

— Да, но вчерашняя погоня ускорила процесс. Наверное, из-за адреналина, я не знаю. Но ты же заметил, что с цепью и воротами я управился куда как ловчее, чем с камнем? Признаться, это даже для меня было неожиданностью.

Я вспомнил висящего на столбе Рыбу и содрогнулся. Теперь этот страшный человек даже казался мне симпатичным в сравнении с Бриком.

— А если ты уйдешь раньше, чем восстановишься полностью? — вырвалось у меня. Я надеялся, что Брик не прочтает моих мыслей в этот момент.

— Разрушитель сразу же об этом узнает. И, поверь, далеко уйти он мне не даст. Даже один процент сыграет роль. Не говоря уж о пятидесяти. Так что мне важна каждая секунда в этом теле. Рано уходить.

После уроков я пошел танцевать с Машей.

— Ты какой-то хмурый сегодня, — сказала она. — Выброси из головы все, кроме музыки!

— Легко сказать! — усмехнулся я.

— Что? С Жанной что-то?

— Нет. С Борей.

— С Бриком?

— Ну да. Я беспокоюсь за него.

Маша выключила проигрыватель и серьезно на меня посмотрела.

— Значит, я была права? Не так-то он прост?

— Это точно.

Она помолчала, думая о чем-то.

— Скажи честно, — попросила Маша. — Зря я с ним связалась? Может, отказаться от участия?

Я пожал плечами.

— Тебе точно не угрожает никакой опасности, — заверил ее я. — Можешь отказаться — он не обидится. Но вы прекрасно танцуете вдвоем. И, кажется, тебе это нравится.

Маша усмехнулась каким-то своим мыслям и потянулась к магнитофону.

— Ладно, перерыв окончен! Давай-ка полноценную программу!

И мы исполнили полноценную программу.

Шли дни. От танцев кружилась голова. Боря начал пропускать уроки ради работы. Рыба превратился в пай-мальчика. Он не повышал голоса, не приставал ни к кому на переменах.

Семен сначала пытался его расшевелить, но потом махнул рукой и пересел за другую парту.

Наконец, наступила пятница. Последний ученик из одиннадцатого «А» класса сходил в кабинет директора, и в тот же день туда отправился Антонов Петр, первый по списку.

— Сколько? — спросил я Брика.

— Пятьдесят два, — мрачно сказал он. — Будь готов к тому, что мне придется исчезнуть на какое-то время. Я постараюсь оставить тебе какой-нибудь знак, чтобы ты знал, где меня искать.

Когда Петя вернулся в класс, все налетели на него с вопросами. Мы с Борей тоже наострили уши.

— Там фигня какая-то, — доложил Петя. — Валерьевна сидит вообще в непонятках. И три мента. Один нормальный, спрашивал, где я был, когда Мартына убили, что делал, не слышал ли чего. А двое других — какие-то... Хрен знает... Спрашивали всякую чушь. Имя бабушки, дедушки, по истории вопросы какие-то. Чем отличается утка от селезня. Химические формулы какие-то требовали — я вообще без понятия. Тот, первый мент, все их одергивал, мол, хорош ерунду спрашивать, а они на него — ноль внимания.

Больше сегодня никого не вызывали. В субботу тоже. Инна Валерьевна, директор нашей школы, упростила блюстителей закона не тревожить старшеклассников в такой важный день. Ведь в субботу состоится осенний бал!

В пятницу у нас с Машей прошел последний урок. Мы привычно танцевали с ней. Это уже нельзя было назвать обучением — мы именно танцевали, прижимаясь друг к другу чуть теснее, чем нужно.

Внезапно я подумал, что после бала все это закончится. Я уже никогда не приду к ней домой, никогда мы не будем с ней разговаривать и танцевать. А я ведь так к этому привык. Сердце защемило от непонятной тоски. И сознание сыграло со мной злую шутку.

Я вдруг вспомнил Элеонору. Ее хитрющие прищуренные глаза и алые губы, которые все ближе и ближе... Внезапно оказалось, что мы с Машей целуемся, стоя посреди комнаты, под негромкую музыку, льющуюся из динамика.

Она не сопротивлялась. Напротив, ее руки обхватили меня, прижали крепко-крепко. Мы целовались без излишнего пыла, медленно и... как-то невыносимо сладко. Губы у Маши были приятнее, чем у Элеоноры. Не такие тонкие, более мягкие. «Созданы друг для друга», — пронеслось у меня в голове.

Спустя вечность она отодвинула голову и посмотрела мне в глаза. Словно очнувшись от сна, медленно подняла веки и — посмотрела. Как будто сперва даже не сообразила, где она находится, и что с ней сейчас произошло.

— Зачем ты... — прошептала она.

— Я не смогу без тебя, — не задумываясь, ответил я.

Мы лежали рядом на диване. Гладили друг друга по лицу, смотрели и смотрели, словно удивляясь друг другу. Время от времени кто-то из нас делал движение вперед, и второй отвечал на него. Снова и снова губы сливались в поцелуе, а в голове шумел ветер, выдувая все посторонние мысли.

Ни слова больше не прозвучало. О чем было говорить? Мы не знали. Знали лишь, что сейчас нам очень хорошо вдвоем.

Часы пробили шесть раз. Маша закрыла глаза и поморщилась.

— Отец скоро придет, — шепнула она. — Иди домой.

— Не хочу, — так же шепотом ответил я.

— Знаю. И я не хочу. Иди. Завтра увидимся.

— Завтра уже ничего не будет.

— Будем помнить про сегодня. Всегда.

Я запомнил. Эти несколько часов робких и нежных поцелуев я пронесу с собой до самой могилы. Маша, Машенька, Мария... Как часто я повторял в ночи твое имя? Не чаще, но и не реже, чем имя Жанны. Каждую ночь. Даже те ночи, когда меня ожесточенно избивали в бытовке старослужащие, когда я стоял на часах с автоматом под проливным дождем — даже тогда все мои ночи были пропитаны твоим нежным ароматом. Маша...

* * *

Придя домой, я не знал, куда себя деть. Сердце рвалось наружу. Я не мог ни сидеть, ни лежать. Пометавшись по комнате, я внезапно вспомнил про Элеонору. Нашел листок с ее номером телефона и набрал цифры на мобильнике. Сбросил. Снова набрал и снова сбросил. Только в третий раз я решился нажать кнопку вызова.

— Алло? — после третьего гудка послышался знакомый голос.

— Эля?

— Да, а это кто?

— Это Дима.

— Какой Дима? Ах, Дима! Милый Дима! Привет! Как дела?

На душе странным образом потеплело. Я боялся, что она пошлет меня, скажет, что напилась в тот вечер, а я позволил лишнего. Но опасения оказались напрасными.

— Просто хотел сказать, что завтра уже бал...

— Во как? Ну, круто, поздравляю! Как боевой дух?

— Да черт его знает, — улыбнулся я. — Знаешь, сегодня я поцеловал Машу.

— Делаешь серьезные успехи! — похвалила Эля. — Она тебе врезала?

— Что? Нет! Ничего подобного.

— Жаль. Я бы врезала. Целовать одну, а на танцульки — с другой.

— Я же тебе объяснял, все не так просто...

— А у вас, кобелей, вечно все сложно. Ладно, забей, шучу я! Слушай, меня тут маман зовет ужинать. Так что я тебе желаю всяческой удачи! Порви их всех там, на этом балу! Понял?

— Понял, спасибо!

— Чтоб ни один живым не ушел! Смотри мне — если хоть один живым выползет, я тебе глаза выцарапаю! Усек?

— Усек!

— Вот и ладно. И давай, позвони потом. Я волноваться буду. Не позвонишь в воскресенье — я...

— Знаю-знаю, приедешь и выцарапаешь мне глаза, — сказал я с улыбкой.

— Ну вот, молодец. Учишься ведь, на глазах растешь! Ну все, давай, целую!

Послышался сильно искаженный звук поцелуя — Эля, видимо, чмокнула микрофон, — и связь прервалась.

— Спасибо тебе, — шепнул я в умолкшую трубку.

В субботу все были как на иголках. Особенно волновались те, кому предстояло участвовать в программе. Одно дело — репетиция, а другое — полный зал народа. Учителя, словно чувствуя всеобщее настроение, чересчур не наседали и отпускали с уроков пораньше.

Только двоих всеобщее волнение обходило стороной. Первым был вечно невозмутимый Брик, а второй — Жанна. На большой перемене она подошла ко мне и огорошила вопросом:

— Ну и что мне прикажешь делать с прической?

— В смысле? — удивился я.

— В самом прямом! Я только сейчас об этом подумала. Блин, ну ты мне и задал задачку!

И, развернувшись на каблучках, она направилась прочь.

— Похоже, так она предпочитает волноваться, — объяснил мне Брик, стоящий неподалеку.

— Думаешь, она волнуется?

— Еще как. Будь настороже, она что-то задумала. Что-то после бала.

Я вспомнил ее слова о сюрпризе. Знать бы, что это за сюрприз...

После уроков все разбежались по домам — готовиться и нервничать. Тем же занялся и я. Дома я достал из шкафа черный костюм, купленный к выпускному. Я положил его на кровать и долго смотрел, пытаюсь смириться, что мне придется быть в этом. Никогда не носил ничего подобного.

Время шло. Мама позвала обедать, но я отказался — все равно кусок в горло бы не полез.

— Ты же не завтракал сегодня! — настаивала мама.

— Ну и что... Не хочу. Пойду лучше душ приму.

В душе я провел не меньше получаса. Мысли смешались в невероятную кашу: Маша, Жанна, бал, конкурс, сюрприз, Эля, Разрушители, висящий вверх ногами Рыба... Хотелось нагнуться над унитазом и исторгнуть из себя всю эту дикую смесь, что пьянила не хуже водки.

Наконец, я выбрался из ванной, подсушил волосы маминым феном и, взглянув на часы, понял, что пора собираться. Время приближалось...

Я натянул брюки, застегнул рубашку на все пуговицы, несколько раз сбившись — так дрожали руки. Потом принялся маяться с галстуком. Тут в комнату зашел отец.

— А, галстук, — сходу разобрался он в ситуации. — Дай покажу, как надо.

Пока он завязывал мне галстук, я обратил внимание на то, что он тоже при полном параде. Нацепил свой костюм со свадьбы, который висел в шкафу столько, сколько я себя помнил.

— Пап, а ты куда? — спросил я.

— Что значит, «куда»? — удивился он. — Мой сын — гвоздь программы! Что ж я, дома пиво пить должен?

— Ты откуда знаешь? — я вытаращил на него глаза.

— Сына, мы с тобой живем в деревне городского типа! В одном конце чихают — в другом говорят: «Будьте здоровы!»

— А мама?

— Ну конечно, я тоже иду! — В дверях появилась мама в красивом длинном платье, которого я даже ни разу не видел. Неужели специально купила?

— Ну, вот и все! — Отец опустил руки. — Пошли?

Раньше я всегда стеснялся идти рядом с родителями — обычная подростковая глупость. В этот же раз я готов был сгореть со стыда. Ах, если бы вместо этого дурацкого пиджака на мне была привычная джинсовая куртка! Но менять что-либо было уже поздно. Время неумолимым галопом несло вперед.

Глава 12

И весь мир исчез

Одной из самых сильных моих фантазий была возможность оказаться в голове у другого человека. Нет, не стать другим, не перевоплотиться в какого-нибудь самого умного, самого сильного или самого популярного. Просто затаится в самом уголке сознания и посмотреть: как он видит окружающий мир? что думает по этому поводу?

Когда я с родителями вошел в актовый зал, на меня обрушились эмоции. Большое затемненное помещение, громкая музыка, сотни людей в праздничной одежде. Страх был первой эмоцией. Потом — смущение. Чувство торжественности и величия грядущего момента. Ощущение собственного ничтожества. Все это завихрилось где-то в нижней части живота и грозило обернуться тошнотой. Слишком много на одного.

И я нашел микроскопическую лазейку в мыслях о том, чтобы оказаться в еще чьей-нибудь голове, кроме своей. Вот, например, Петя Антонов пробежал мимо. В каком-то вычурном пиджаке, с прилизанными волосами и озабоченным выражением на лице. Испытывает ли он все то, что испытываю я?

Я искал глазами Борю — единственного человека, который своим присутствием смог бы меня успокоить. Но его нигде не было. Зато я увидел Жанну. Она махнула рукой, и я, оставив родителей, протолкался к ней.

Жанна стояла возле самой сцены. Издалека я, наверное, не увидел ее, а почувствовал знакомый образ. Когда же подошел ближе, то дыхание у меня перехватило. Передо мной стояла не девчонка, которую я привык видеть в школе, но настоящая женщина, словно явившаяся из кинофильма про богатых и знаменитых. Платье с уймой блессток подчеркивало каждый изгиб ее фигуры, чудом балансируя на грани между искусством и похабщиной. Руки Жанны — тонкие изящные руки — оставались открытыми, и я не мог оторвать глаз от этого неведомого доселе зрелища. Но больше всего меня поразили ее волосы. Вместо привычного «вороньего гнезда» голову Жанны увенчивала шикарная прическа. Не знаю уж, что пришлось пережить нашему единственному в поселке парикмахеру, но плод его усилий не вызывал ничего, кроме восхищенного вздоха.

— Ну как? — спросила Жанна, крутнувшись на месте.

Я не сразу смог ответить. В голове взорвалась, грянула паническая мысль: «И это с НЕЙ я должен буду танцевать? Да разве можно к ней хотя бы прикоснуться?»

— Ты прекрасна! — выдохнул я.

Жанна улыбнулась.

— Спасибо! — Она сделала реверанс. — Ты, кстати, в костюме тоже выглядишь шикарно. Кавалер, да и только.

Почувствовав, что начинаю краснеть, я обернулся и увидел спешащего ко мне Брика. Слава тебе, Господи!

— Привет, Дима. Привет, Жанна, — сказал он, не обратив никакого внимания на преобразование моей возлюбленной. Она фыркнула и отвернулась, утратив интерес к происходящему.

— Я уже все продумал, — сказал мне негромко Боря.

Под «сказал негромко» я подразумеваю: «проорал не в полный голос». Грохочущая музыка низводила любой крик едва ли не до шепота.

— Что? — проорал я.

— В понедельник я уйду.

— Совсем?

— Нет. Но на какое-то время придется исчезнуть. Я надеюсь, что смогу сбить их со следа.

— Куда ты пойдешь?

— Сейчас тебе не нужно знать. Но я оставлю знак. Ты догадаешься.

Я кивнул, показывая, что понял. В тот момент я не почувствовал ничего по этому поводу. Меня больше занимали грядущие часы, чем следующая неделя. Боря, поняв это, улыбнулся и пошел разыскивать Машу.

Столы, уставленные угощениями, тянулись вдоль стен. Сейчас там сидели только родители и учителя, но по окончании торжественной части большинство учащихся должны были занять свободные места. Пока, разумеется, сидеть никто не хотел. Так или иначе, но волновались все. Кроме, возможно Семена, который сидел на стуле, сложив руки на спинке, и зевал. Он даже не озаботился пиджаком, только надел черную рубашку. Учительница танцев как раз что-то выговаривала ему, а он только досадливо морщился и кивал.

Наконец на сцену забралась симпатичная девушка (уж не знаю, кем она была) и, включив микрофон, объявила о начале официальной части. Музыка убрали, и в ушах зазвенело от необычайной тишины.

Девушка поблагодарила всех присутствующих за то, что пришли, и сорвала немного аплодисментов.

— Осенний бал, — сказала она, дождавшись тишины, — это давняя школьная традиция. Осень означает многое. Это и новый учебный год, и последние теплые денечки. Осень — пора сбора урожая. Осень — подготовка к зиме. Вспомним те прекрасные стихотворения об осени, которые писал Александр Сергеевич Пушкин. Издревле люди знали, чувствовали особое значение этой дивной поры. А для вас, старшеклассников, нынешняя осень, знаменующая начало нового учебного года, несет и довольно грустные мысли. Мысли о скором расставании.

Тут, разумеется, многие зафыркали. Я еще раз оглядел зал. Здесь были не только одиннадцатые, но и десятые и даже девятые классы.

— Да, наверное, в суете школьных будней такие мысли не задерживаются в ваших головах. Но — вот увидите! — стоит только вам сделать шаг за школьные ворота, оказаться в совсем другом мире, как вы начнете вспоминать эти стены. Вспоминать своих школьных друзей. Невзгоды и радости, победы и поражения. У каждого из вас своя жизнь. Но сегодня мы — вместе. Сегодня мы — одна большая школьная семья. И пусть этот праздник будет одним из самых светлых ваших воспоминаний! Будьте счастливы!

Снова громыхнули аплодисменты. Кто-то пытался орать какие-то остроты, но они тонули в поднявшейся волне.

Я надеялся, что перед конкурсом пройдет какое-то время. Я даже надеялся, что организаторы внезапно каким-либо образом забудут о нем. Но судьба не подарила мне этого счастья.

— Мы начнем с танцевального конкурса, — объявила ведущая. — Выпускные классы подготовили программы, которые им не терпится продемонстрировать.

«Ага, не терпится!» — подумал я, вытирая вспотевшие дрожащие ладони о брюки. К

локтю кто-то прикоснулся. Повернувшись, я увидел подбадривающую улыбку Жанны. Сразу же стало легче. Я даже сумел улыбнуться в ответ.

Первым выступал одиннадцатый «А» класс. Поскольку сцена была маленькой и годилась разве что для выступления небольшого ансамбля, все происходило непосредственно в зале. Ученики разошлись, встали кругом, глядя на свободное место в центре зала, где смущенно перетаптывались пять пар. Та же самая учительница танцев, что занималась с нами, подбежала к ним и что-то торопливо зашептала. Они слушали и кивали головами. Как ни странно, я ощутил укол ревности. Надо же, и нашим и вашим!

Закончились приготовления. Заиграла музыка. Это был не тот вальс, под который репетировали мы, но мелодию я узнал. Та самая, под которую я вчера целовал Машу.

На мой взгляд, ничего особо интересного «ашки» не сделали. Просто танцевали без всяких изысков. Выполнили несколько несложных фигур, часто запинаясь. Тем не менее, когда они закончили, им все от души хлопали и даже свистели.

И вот объявили нас.

— Пошли! — потянула меня Жанна. — Наш звездный час!

Она и вправду напоминала звезду. Я так и называл ее мысленно: «Звездочка».

Мы стояли в центре. Вокруг нас в привычном порядке стали еще пять пар. Мне удалось повстречаться взглядом с Машей, которая тоже ощутимо преобразилась ради этого вечера, и она «сказала» мне: «Все хорошо!»

То же самое сказала мне Жанна. Но я все еще дрожал, пока не вспомнил плещущий энергией голос из телефонной трубки: «Порви их всех там, на этом балу!» И я улыбнулся. Крепче и увереннее сжал ладошку Жанны.

Началось. Мы пропустили первые такты музыки, ожидая хорошо знакомого места. И вот оно! Я шагнул вперед, и мир исчез. Передо мной была только моя Звездочка, которая влекла за собой, то отдаляясь, то приближаясь. Изредка скользили чьи-то тени. Наверное, где-то рядом тоже были люди. Тоже танцевали и — кто знает? — быть может, для них тоже исчезал окружающий мир.

Я хотел бы умереть в этот миг, раствориться в этом сверкающем, манящем, безумно-яростном играющем потоке. Может, даже я умер на какой-то миг, и моя душа воспарила к далеким звездам, среди которых не оказалось той, единственной. И я вернулся.

Мы с Жанной стояли, глядя в глаза друг другу. Я видел в ее глазах восхищение. И тут вернулся мир. Он ворвался, как воздух в вакуумную камеру, и заполнил уши грохотом — уже не аплодисментов, нет! — но настоящих оваций. Ведущая пыталась кричать что-то в микрофон, но киловаттные усилители оказались неспособны подавить эту яростную бурю.

Наконец разошлись в разные стороны. Я все еще держал Жанну за руку, когда мы с ней оказались у ближайшего стола. Кто-то что-то говорил, хлопал меня по плечу. Я только улыбался и кивал, словно иностранец, оказавшийся в чужом городе.

Жанна робко потянула руку.

— Мне нужно отойти, — сказала она непривычно тихим голосом.

— Хорошо, — кивнул я. — Ты вернешься?

— Сейчас — да, — сказала она. И ускользнула.

Честно признаться, я пропустил мимо ушей эту фразу. Она сказала «да», и какая разница, что там еще громоздилось рядом с этим словом?

Едва ушла Жанна, как рядом со мной оказалась Маша. Не знаю, чего больше было в ее взгляде: ревности или восхищения?

— Слушай, это было что-то! — воскликнула она. — Как ты... То есть... Я не знаю, что сказать! Ничего восхитительнее я в жизни не видела!

— Так и есть! — поддержал ее стоящий рядом Боря. — Что там дальше?

Я не обиделся. По лицу Бори было видно, что все произошедшее ему глубоко до лампочки. Было, прошло и ладно. Следующий!

— Сейчас жюри посовещается, и выберут победителя, — сказала ему Маша. — А также — лучшую пару. Ну, если только «ашки» не подарили членам жюри по самолету, то результат будет очевидным!

— Ясно, — кивнул Боря и внезапно обратился к Маше:

— Я видел за тем столиком бутылку с красным вином. Не хочешь незаметно выпить бокальчик?

Еще более внезапно Маша согласилась. Они ушли, а я попал в ловушку родительских объятий. Отец сиял, как прожектор, а мама плакала и даже не говорила ничего об учебе.

Ведущая снова взобралась на сцену и постучала по микрофону, привлекая внимание. Жанна протолкалась ко мне и встала рядом.

— Итак, — произнесла ведущая, разворачивая листок бумаги. — Члены нашего уважаемого жюри посовещались и приняли решение. Грамотой за лучшую танцевальную программу награждается... — она выдержала паузу. — Одиннадцатый «Б» класс!

Я заметил, как весьма довольный Петя Антонов под рокот аплодисментов пробирается к сцене, полагая себя, старосту, достойным получить награду.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Для получения грамоты, — продолжала ведущая, глядя на листок, — на сцену приглашается лучшая пара сегодняшнего вечера. Львова Жанна и Семенов Дмитрий!

Смешался и потерялся в толпе Петя, так и не сумевший вскарабкаться на свой маленький Олимп. А мы с Жанной поднялись на сцену и приняли из рук улыбающейся ведущей грамоту и две серебряных цепочки с кулонами в виде вальсирующей пары.

— Пусть это будет прекрасным напоминанием о сегодняшнем вечере, — сказала ведущая. — Помогите друг другу!

Жанна быстро застегнула несложный замочек у меня на шее, а я возился с минутой. От осознания того, что сейчас я ее практически обнимаю, у меня снова дрожали и потели руки. По глазам били вспышки фотоаппаратов. Когда же я, наконец, закончил, кто-то из зала прокричал:

— Бис!

И множество голосов подхватили:

— Бис! Бис! Еще!

И вот мы с Жанной снова стоим посреди зала. Снова заиграла привычная музыка, и зал исчез в звездном мельтешении. Снова хотелось умереть и жить одновременно. Снова был величественный триумф.

* * *

Тихий осенний вечер, плавно переходящий в ночь. Шорох листвы под ногами. Чистое звездное небо. Поселок спит. Иногда где-то вдалеке раздаются голоса, крики, но они лишь оттеняют это волшебное молчание.

Мы сбежали из школы, когда осенний бал начал превращаться в пьянку учителей и родителей, когда Верка Сердючка пришла на смену вальсам. Вовремя сбежали, чтобы оставить этот вечер в воспоминаниях таким, каким он и должен был быть.

— Знаешь, это правда было здорово, — почти шепотом сказала Жанна.

Она держала меня за локоть и куталась в мой пиджак — становилось прохладно. Чуть сзади брела еще одна пара — Боря с Машей. До нас долетали обрывки их разговоров. Иногда Маша смеялась и, кажется, вполне искренне.

— Потрясающе, — так же тихо сказал я.

После нашего второго танца в зале грянул самый настоящий бал. Объявили белый танец, и Маша пригласила меня. Жанна не возражала. Мы уже не вальсировали. Просто, тесно прижавшись друг к другу, покачивались из стороны в сторону под медленную и красивую музыку, слишком измотанные эмоционально, чтобы хотеть чего-то большего.

Улучив момент, когда мы оказались скрыты за другими танцующими, Маша положила голову мне на грудь. Мне показалось, что она всхлипнула, и я не знал, что сказать. Поэтому просто погладил ее по волосам, стараясь не испортить прическу.

— Давай оторвемся от них? — предложила Жанна, вытаскивая меня из воспоминаний.

— Давай.

Я посмотрел назад, встретил взгляд Бори. Ну же, давай, не заставляй меня выбирать слова, мучиться и краснеть!

Этот маленький мерзавец все понял. Он кивнул и что-то сказал Маше, после чего они свернули и пошли другой дорогой.

Как только Жанна убедилась, что мы одни, она потянула меня вперед.

— Куда мы?

— Помнишь, я обещала сюрприз? — улыбнулась она.

— Да...

— Тогда не задавай вопросов. Просто иди.

Мы зашли в какой-то дворик, освещенный парой тусклых фонарей. На детской площадке стоял точно такой же стол, как и тот, за которым я пережил первый поцелуй.

— Здесь! — Жанна остановилась.

Она скинула пиджак и протянула его мне.

— Холодно ведь, — запротестовал я.

— Не сейчас. Не мне. Кровь будто горит.

— У тебя жар?

— Наверное. Какая разница? Хочешь пощупать лоб?

Она засмеялась каким-то неестественным смехом. Схватила мою руку и приложила к своему лбу. Он был холодным и... одновременно горячим.

— Возможно, я сойду с ума! — крикнула Жанна, отшатнувшись.

— Что...

— Никаких вопросов! Помолчи! Это стихотворение. Я написала его вчера ночью. Да, иногда я пишу стихи и сжигаю их на свече. Они летят туда, высоко-высоко!

Она подняла глаза к небу, а потом вновь посмотрела на меня. Это был безумный, пылающий взгляд. Что с ней творилось? Я не знал.

— Подари мне еще один танец! — Она перешла на шепот. — Один, последний. Здесь, сейчас!

Я не мог с ней спорить. Мы снова, в который уже раз сплелись так же, как серебряные

фигурки на цепочке. И начался танец. Без музыки, без зрителей, без назойливого «раз-два-три». Было в этом что-то жуткое, мистическое. Жанна почти не открывала глаз, всецело подчинившись моей воле. Изредка ее губы шевелились, будто она что-то шептала. Молитву? Стихи?

В какой-то момент я заметил, что по ее щекам текут слезинки.

— Хватит! — воскликнула она, и я остановился. — Не могу больше. Я обещала тебе сюрприз. Господи, какое глупое слово! Пусть это будет не сюрприз, а просто — ЧТО-ТО! Так лучше. И я хочу, чтобы ты сказал, правильно ли я все сделала. Ты сдал мой экзамен, а я хочу сдать твой.

Очень медленно она обняла меня, прижалась так, что я ощутил жар ее тела. Бледное лицо было совсем близко. Ближе и ближе...

Я испугался. Этого момента, которого я вождедел столько лет — я испугался его. Проще было станцевать еще миллион вальсов на глазах тысяч зрителей. В памяти вспыхнули рыжие волосы Элеоноры. Да, она меня научила. И сейчас все должно получиться...

Но все было иначе. Губы Жанны слегка коснулись моих губ. Я замер. Несколько секунд она тоже не двигалась. Потом ее губы чуть-чуть разжались. Это не был страстный поцелуй. Это было именно то, о чем я мечтал, не больше и не меньше. Жанна нежно сжала губами мою верхнюю губу, потом нижнюю. Я осмелился обнять ее. Положил одну руку на талию, другую — сначала на плечо, потом на затылок.

Она приоткрыла рот, и то ли вздох, то ли тихий стон легким ветерком прошелестел по моей щеке. И снова продолжался этот робкий поцелуй, остановивший ход времени и уничтоживший все пространство, кроме того клочка земли, на котором мы стояли.

— Так? — прошептала она, не открывая глаз.

— Да, — выдохнул я.

Она отстранилась от меня. На щеках появился румянец, губы тронула улыбка.

— Теперь мы в расчете! — воскликнула Жанна.

Она ступила на скамейку, с нее — на столик и встала на нем, глядя в небо, отведя руки назад, словно летела куда-то туда, куда улетали ее сгоревшие стихи.

— Возможно, я сойду с ума, — заговорила Жанна. — Но я сойду с ума — сама! Никто уйти не запретит. И телефон не зазвонит! Гори огнем и жизнь и смерть! Не стану больше я терпеть. Лишь тот, кто примет всю меня, услышит: «Я люблю тебя!»

Она рассмеялась в небо, а потом повернулась ко мне, и я подавил желание отступить. У нее было лицо сумасшедшей.

— Кто за кого боролся, я тебя спрашиваю? — воскликнула Жанна. — Молчи! Сегодня ты не скажешь больше ничего. Ты считаешь, что боролся за меня? Но за тебя боролась я! За тебя, понимаешь? Думаешь, я не знала, что Маша — великолепная танцовщица? Да ведь это именно она давала мне когда-то уроки. Было, было такое. Кто толкнул тебя к ней? Это была я. Знала, чем все у вас закончится. И боролась — за тебя! За вас! Два дурака юродивых! Да вы ведь ближе друг другу, чем брат и сестра! А я? Что ты обо мне знаешь? Кто я? Да я сама себя не знаю!

Она перевела дыхание. Слезы струились по щекам, плечи содрогались.

— Пусть так, — уже тише сказала она. — Пусть я проиграла в этот раз! И пусть я буду страдать. Это моя жизнь, моя судьба, мой выбор! Я уйду. Вернусь туда, на звездное небо, откуда я и спустилась — для тебя. Закрой глаза. А когда ты их откроешь, на небе вспыхнет новая звезда. Смотри на нее и плачь. Смотри и вспоминай свою Звездочку!

Это было сродни гипнозу. Я не мог противиться — просто закрыл глаза. Тишина и темнота обнимали меня, окутывали со всех сторон. Когда этот вакуум стал пугающим, я открыл глаза. Жанны не было. Я один стоял в пустом дворике, и на губах таяло воспоминание о поцелуе.

Я посмотрел на небо и готов был поклясться, что увидел, как там вспыхнула новая звезда. Ее не было секунду назад, и вот — появилась.

Ноги подкосились. Я упал на колени, тяжело дыша. Не мог сдержать слез, не мог сдержать крика. С этого момента мое сознание начало распадаться на части. Я уже не видел цельного мира — только какие-то вспышки, осколки.

Чужой дом, детская горка, мусорный контейнер... Наверное, я куда-то шел. Еще одна вспышка — я сижу на скамейке возле своего подъезда и смотрю на экран мобильного телефона. Кому я хотел позвонить? Не помню...

В списке контактов я нашел номер Бори. Не решился звонить. Отправил сообщение: «Как дела?»

Сообщение улетело в неизвестность. Я продолжал таращиться на экран. Появилась заставка с часами. Половина второго ночи. Куда ушло столько времени?

Телефон зажужжал, принимая ответное сообщение. Я нажал кнопку и прочитал: «Все отлично. Занимался сексом — действительно великолепная вещь!»

Снова тьма. Когда сознание вернулось, я увидел, что идет вызов. Слышал тихие гудки. Похоже, я звонил Боре. Быстро поднес трубку к уху.

— Да? — голос Брика.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я каким-то чужим, жутким голосом.

— Секс? — переспросил тот. — Я имел в виду половой акт.

До меня донесся сонный голос. Хотелось бы мне не узнать его, но это был голос Маши. Должно быть, спрашивала, кто звонит.

— Выйди в другую комнату, — попросил я.

Боря хмыкнул, но, судя по звукам, послушался.

— Я на месте, — отчитался он. — Что, что-то не так?

Наверное, я уже не мог испытать больше отчаяния, и поэтому забота о друге вышла для меня на передний план.

— Ты... ты хотя бы «вытаскивал»? — спросил я. Слова эхом грохотали в моей внезапно опустевшей голове.

— Неоднократно. В этом же вся суть, насколько я понял? Возвратно-поступательные движения...

Тьма снова накрыла меня. Что я говорил в трубку в это время? Не знаю. Наверное, читал лекцию о безопасном сексе. Потому что когда сознание в последний раз ко мне вернулось, я лежал в своей постели и читал новое сообщение: «Я попробовал еще раз, предохранялся. Теперь все нормально?»

«Да», — ответил я. И мир окончательно исчез.

Глава 13

Разбитое стекло

В темноте слышится ритмичное постукивание — такое успокаивающее. Сквозь сон я пытаюсь понять, что это. Открывать глаза не хочется. Век бы провести в этой темноте, опутывая мыслями повторяющееся постукивание. Но кто-то ждет моего пробуждения. Кто-то, кому я нужен.

Я открыл глаза и сел, опершись руками о столик. Немного кружилась голова. Посмотрел перед собой и увидел сидящего напротив в точно такой же позе Брика.

— С пробуждением, — улыбнулся он. — Долго же ты.

Ну да, точно. Мы с ним едем в поезде. Бежим, скрываемся. Как я мог решиться покинуть все, что знал? Не помню. Значит, так было нужно. Значит, помочь Брику гораздо важнее, чем сохранить остатки собственного благополучия.

За окном непроглядная темнота. Наверное, поезд двигался через совершенно безлюдную местность или же сквозь туннель. Тьма усугублялась лампочкой, освещающей небольшое купе.

— Чем ярче свет внутри, тем гуще тьма снаружи, — сказал Брик.

— Я же просил тебя не читать мои мысли, — проворчал я. — Куда мы едем?

Брик приподнял брови.

— Ты разве не помнишь?

— Не могу вспомнить. Знаю, что мы бежим, но куда...

Брик ответил не сразу. Он нагнулся, достал откуда-то рюкзак и, покопавшись в нем, выложил на стол карандаш, катушку ниток и гайку. Я молча наблюдал за его приготовлениями.

— Физика — это великая наука, — сказал Брик, отрывая большой кусок нитки. — Она может объяснить практически все процессы, происходящие в мире. А там, где физика бессильна, в дело вступает химия, а уж затем — психология, во всей ее многогранности.

— И что?

Боря сложил нитку в несколько раз и к одному концу ее привязал гайку. Другой конец намотал на карандаш.

— Взгляни! — он поднял карандаш и стал вращать кистью руки. Гайка полетела по кругу, центром которого стал карандаш.

— Красиво, — поморщился я.

— Речь не о красоте. Я показываю тебе то, что называется центробежной силой. Это простейший физический опыт, открывающий целые бездны. Все небесные тела подвержены центробежной силе. Земля вращается вокруг Солнца так же, как эта гайка вокруг карандаша. Согласись, было бы глупо предположить, что человеческая жизнь строится по иным принципам. Что ты видишь в этом вращении? Три элемента: гайка, нитка, карандаш. И еще — движение. Давай, наполни их смыслом.

Я прикрыл глаза. Вращение гайки раздражало, от него рябило в глазах.

— Нить при вращении будто рисует круг, — нехотя сказал я. Не было настроения играть в какие-то игры.

— Так точно. Что же есть этот круг?

— Не знаю. Боря, я очень устал. Лягу, пожалуй, спать.

Гайка вдруг чиркнула по моему лбу, оставив царапину.

— Дурак, что ли? — Я отшатнулся, прижав ладонь ко лбу. Крови вроде не было.

— Надеюсь, это тебя взбодрит. Итак, выдай гипотезу: что есть этот круг?

Больше всего я хотел кинуться на этого недомерка и ударить его. Но взгляд Брика был чересчур прямым и сильным. Я подчинился.

— Это жизнь, — сказал я.

— Не совсем, но верно. Жизнь — это вся система. А круг — лишь твои поступки. Ты делаешь одно дело, потом другое, третье, порой никак не связывая их между собой. Но они связаны. Один поступок — одно положение нити. Но они сливаются в круг. В целое полотно неразрывно связанных поступков. Полотно, которое ты ткешь от рождения до смерти.

Теперь гайка уже не раздражала меня. Она меня гипнотизировала. Я не мог оторвать взгляда от сверкающего пятна.

— Но можно рассудить иначе, — продолжал Брик. — Например, так: карандаш — это твоя физическая оболочка. Гайка — твой дух, а нить — то, что связывает их. То есть, жизнь. Закон Вселенной, о котором я говорил тебе. Дух стремится к безграничному познанию, так и рвется расстаться с телом, проститься с его несовершенством. Но мы оба знаем, чем закончится разрыв нити. Гайка стремительно улетит и рухнет. Не будет больше движения. Типичная диалектика: люди должны всю жизнь стремиться отделить душу от тела, но не должны этого достичь. Поэтому жизнь — мучение из-за несбывшихся надежд.

— А кто тогда ты? — спросил я.

— Я — тот, кто заставляет гайку вертеться, — тут же ответил Брик. — Тот, кто держит стержень, блюдет основы. А что будет, если меня не станет?

— Движение прекратится.

— Именно. Только не будет последнего полета гайки. Вся конструкция просто упадет на стол. Душа, соединенная с телом, но без движения. Все еще хочешь поспать?

— Нет, — шепнул я, покоренный блеском гайки. А она вращалась все быстрее и быстрее.

— Я рад. Давай посмотрим иначе. Пусть карандаш станет нашей внутренней тьмой. Плохими поступками, ситуациями, о которых нам стыдно вспоминать, болью предательства и всем прочим. Люди бегут от этой тьмы, стремятся к свету. Но нить памяти прочно связывает их с этим карандашом. Убежишь от них — упадешь бессмысленной материей. Нужно принять этот груз и продолжать двигаться, продолжать ткать полотно поступков.

Скорость вращения стала такой, что вместо гайки я видел лишь сероватую окрестность. Нить могла оборваться в любой миг.

— А теперь скажи мне, от кого ты бежишь?

— От Разрушителей, — отозвался я. — Ты бежишь от них, а я помогаю тебе.

— Нет, Дима, все не так. Бежишь ты, а я помогаю тебе. И Разрушители не имеют к делу никакого отношения.

— Не понимаю тебя...

— Я разобью окно, но это будет единственный раз, когда я смогу сделать нечто подобное. Твоя задача — запомнить все, что ты услышишь здесь. Все до последнего слова. После того, как окно разобьется, ты сможешь задать мне три вопроса. Только три! Обдумай их хорошенько! После этого прошлое останется в прошлом, а мы с тобой шагнем в будущее.

— Куда мы едем? — крикнул я. В душу закрался страх. Слишком уж темно за окном. Слишком странные слова говорит Брик.

— Куда стремится гайка?

— Скажи нормально! Куда едет этот поезд?

— Куда хочет улететь гайка?

— Твою мать!

Я вскочил, сжав кулаки. Бросился к двери, но она оказалась заперта. Я несколько раз ударил по ней ногой, но полированное дерево не дрогнуло.

— В этот раз я направлю движение гайки, — спокойно продолжал Брик. — Потому что она очень мне дорога. Вот так бывает, Дима. Можно и к гайке привязаться. Даже полюбить ее. Глупо, да?

Я не успел ответить. Нить лопнула. Стремительной молнией сверкнула гайка. Послышался звон, и стекло осыпалось мириадами осколков. В купе рванулся холод и стук колес, ставший гораздо громче. Где мы едем? Почему так холодно? Ведь еще только сентябрь!

Я поежился. Ледяной ветер быстро охладил мой пыл.

— Три вопроса, — напомнил Брик. — Не трать их на пустоту. Узнай то, что важно.

Не хотелось думать. Слишком уж холодно. Все мысли только о том, как бы законопатить окно, вернуть теплоту и уют.

— Времени мало, Дима, — поторопил меня Брик. — Я готов выслушать первый вопрос.

Что-то вспыхнуло у меня в голове. Как я мог забыть?! Что ж, ответь мне, проклятый Исследователь!

— Зачем ты переспал с Машей?

Мне стало больно, когда прозвучал этот вопрос. Я снова вспомнил ту ночь, ту боль и то отчаяние.

— Несколько причин. — Брик смотрел мне в глаза. — Первая: я хотел получить этот опыт. Такова моя природа, я все исследую. Вторая причина — этого хотела Маша. Не могу сказать, чтобы она отдавала себе отчет в этом. Но ее желание было очевидным.

Он замолчал. Я дрожал, обняв себя за плечи.

— А третья? Ты сказал: «несколько причин». «Несколько» — это больше, чем две.

Брик потупил взгляд.

— Третья причина — искупление грехов, — негромко сказал он. — Я украл жизнь у Бориса Брика. Бесследно для него это не пройдет. Умрет он, или сойдет с ума — я не знаю. Одно совершенно точно: как только я уйду, Борис лишится возможности жить и радоваться жизни. У него не будет ничего: ни смеха, ни любви, ни первого поцелуя, ни первой женщины. Я хотел дать ему то, что так важно для людей. Думаю, что поступил верно.

Я не знал, как отреагировать на слова Брика, а потому молчал. Сам же Маленький Принц, подняв на меня взгляд, добавил:

— Я понимаю теперь твои чувства. И прошу прощения за содеянное. Я виноват перед тобой, и теперь заглаживаю свою вину.

— Ты можешь сделать что-нибудь с этим холодом? — спросил я. Холод мешал даже злиться и скорбеть.

— Таков твой второй вопрос? Он опрометчив.

— Блин... Хорошо! Вопрос, вопрос... Скажи все-таки, куда мы едем?

Борис вздохнул и отвернулся. Очевидно, я не смог угадать нужный вопрос.

— Мы едем к свету, — сказал он. — Путь наш пролегает через тьму.

Что-то изменилось. Ветер стал еще холоднее. Я почувствовал, как онемели губы, как на

ресницах появился иней. А за окном просветлело. Я видел Жанну, стоящую на столике, с лицом, обращенным к небу.

— Я — твоя Звездочка! — крикнула она. — Спустилась к тебе с неба!

Она исчезла, оставшись сзади. А поезд несся вперед. Вот за окном появилась моя комната, женщина в белом халате, мама, отец... Они все стояли там, снаружи, и смотрели на меня.

— Есть ли шанс? — спросил я, еле двигая замерзшими глазами.

— Она ведь жива! — улыбнулся Брик.

Он встал, и лампочка в купе с треском лопнула. Осколки посыпались на мои голову и плечи.

— Найди меня, — сказал Брик, растворяясь во тьме.

* * *

Холод сменился теплом. Даже жарой. Я был закутан в толстенное ватное одеяло. Первая мысль, посетившая меня при пробуждении, была такой: «Хочу в душ!» Ощущение мокрого от пота тела было нестерпимым.

— Зачем вы его так закутали? — послышался незнакомый голос. Я увидел полную женщину в белом халате. Машинально отметил ее короткую стрижку и огромные очки в роговой оправе.

— Он же болеет! — всхлипнула мама.

— Но не переохлаждением же, право слово! Уберите одеяло, вы его убьете так!

— Знаете, что? — Мама начала шипеть от гнева. — Вы мне не указывайте, что с сыном делать! Жар костей не ломит.

— А осматривать мне его как прикажете?

— А что его осматривать? Вы его неделю уже осматриваете! Лечите!

Я потянулся, высвобождаясь из жарких пут.

— Дима? Проснулся? — подал голос отец, сидящий тут же, в сопровождении своей неизменной бутылки пива.

— Да где проснулся-то? — Мама начала плакать. — Опять, наверное, в туалет и обратно. А может, проголодался. Будешь кушать, Димочка?

— Я хочу в душ, — сказал я. — И пить. И выбросить это одеяло.

После секундной паузы мама сорвалась с места, закричала в голос и стиснула меня, скользкого от пота, в объятиях. Она целовала меня так усердно, что я ни слова не мог сказать.

— Говорил же, оклемается! — сказал папа довольным тоном. — Отпусти парня, мать. Задушишь ведь!

Но сцена радостного воссоединения продолжалась еще минут пять, не меньше. Потом женщина-врач меня осмотрела, послушала сердце, постучала молотком по коленям, помигала фонариком перед глазами.

— Как будто все в норме, — сказала она. — Скорее всего, сказался стресс. У старшеклассников такое бывает. Сложный возраст.

Наконец, я дорвался до душа. Посмотрел на себя в зеркало. Бледное лицо, круги под глазами. Страх, да и только. Покончив с гигиеной, я вышел из ванной, надеясь узнать о

причинах столь пристального внимания к моей персоне.

Мама ничего не смогла объяснить. Только рыдала, хватала меня за руки и целовала. Тогда я обратился к отцу.

— Перепугал ты нас, Димка, слов нет! — сказал папа, не отрывая взгляда от телевизора. — После этого вашего бала пришел домой, лег спать, да так и не проснулся.

— В смысле? — удивился я и посмотрел на настольные часы. — Три часа... Ну да, поздно встал, конечно, но врача-то зачем? А одеяло?

Папа соизволил на меня посмотреть.

— Сегодня четверг, сыночка. Ты пять дней дрыхнуть изволил. Неужто эта Жанна тебя так умотала?

Иногда кажется, что физические страдания — это благословление божье. Когда нам больно, холодно или жарко, то все мысли собираются в хоровод вокруг источника дискомфорта. Все просто: боль равна страданию. Избавься от боли, и все будет хорошо. Когда же неудобство уходит, некоторое время мы испытываем счастье. Но вот эйфория исчезает, и мы вновь остаемся наедине с собой. Со всеми своими несчастьями.

— Жанна, — шепнул я, опускаясь на диван.

Стало трудно дышать. Я не мог даже словами сформулировать свое состояние. Перед глазами темнело — я снова проваливался в спасительную тьму, снова слышал стук вагонных колес.

* * *

Оказывается, я провел пять дней в чем-то вроде комы. Меня бы положили в больницу, если бы не тот момент, что я продолжал все это время двигаться. Я ел, пил и ходил в туалет. Все остальное время сидел без движения, уставившись в стену, или лежал, сверля взглядом потолок. Не разговаривал ни с кем. Только к вечеру воскресенья родители осознали, что со мной что-то не так. На ужин мама приготовила фасоль с грибами, и я молча съел полную тарелку. Хотя от грибов меня всю жизнь тошнило едва ли не больше, чем от фасоли. Тогда-то и начались попытки привести меня в чувство. Попытки, не увенчавшиеся успехом до самого четверга.

Пять дней, выпавших из жизни. В фильмах частенько показывают людей, которые приходят в себя после длительной комы, или визитеров из прошлого. Затрудняюсь представить, что может чувствовать человек, оказавшийся в такой ситуации. Потому что даже пять дней, прошедшие без тебя — это шок. Как будто твой поезд уехал пять дней назад, и ты стоишь один на станции. Разумеется, это только первое впечатление, которое быстро рассеивается. Но и потом долгое время вспоминается ощущение потерянности. Пять дней, вырезанные из твоей судьбы. Пять дней пустоты.

Остаток четверга прошел в суматохе. Мама пыталась меня накормить тысячью разных блюд. Я кое-как отделался от этой сверхзаботы только к вечеру. Заверив родителей, что со мной теперь все в порядке, я закрылся у себя в комнате.

Вот моя кровать. На ней — тяжелое ватное одеяло. Я смотрел на него минут десять. Оно напоминало мне кокон, из которого только что вылупилось что-то... Но что? Бабочка, готовая к полету, или, вопреки всем законам жизни, очередная гусеница?

Я посмотрел в окно. Увидел фасад магазина напротив, дорогу, кусты. Если по пояс

высунуться из окна, то можно увидеть школу. А сколько же кругом такого, чего даже из окна не увидишь! Появилось желание просто выйти из дома и идти, куда глаза глядят. Туда, где, может быть, я найду Жанну.

* * *

Утром разыгрался скандал. Увидев, что я собираюсь в школу, мама принялась плакать и кричать. На шум из комнаты вышел отец.

— Что за крики с утра пораньше? — полюбопытствовал он.

— В школу собрался! — взвыла мама, указывая на меня.

— Ну и что?

— Что значит «и что»? Ты совсем уже мозги пропил? Он пять дней целых...

— Он пять дней спал! — повысил голос папа. — Думаешь, ему еще отдохнуть надо?

Мама смотрела на него, тяжело дыша. Потом отвернулась и пошла в кухню.

— Что хотите, то и делайте! — крикнула она. — Пусть идет, пусть сдохнет там!

Меня передернуло от этой фразы, но отец только улыбнулся.

— Иди. Решай свои дела. Я тут разберусь.

Я кивнул и отворил входную дверь, но выйти не смог. В подъезде стоял человек в милицейской форме.

— Дмитрий Семенов? — глухим голосом произнес он.

— Я...

— Нужно поговорить.

Он шагнул вперед, и мне не оставалось ничего иного, кроме как отступить.

— Уважаемый, вы что себе позволяете? — Отец заслонил меня собой.

Милиционер смерил его холодным, равнодушным взглядом. Это был не тот, что приносил весть о Мартынке. Только взгляд его был таким же.

— Мне нужно поговорить с вашим сыном.

— Мне три кучи положить на то, что тебе надо. Пошел вон из моего дома.

Возникла пауза. Отец и Разрушитель смотрели друг другу в глаза. Почувствовав неладное, из кухни вышла мама и ахнула, увидев милиционера.

— Что случилось? — спросила она.

— Ваш сын... — начал милиционер, но отец прервал его:

— Ты, сержантик, я смотрю, русского языка не понимаешь? Я велел тебе выйти из моего дома. Тебя сюда никто не приглашал. Никаких документов твоих я не вижу. Так что быстро сдал назад. Если думаешь, что я мента ударить побоюсь — подумай еще раз.

Я никогда не видел отца в таком состоянии. Он просто кипел от злости и был твердым, как скала. Будто это кто-то другой каждый вечер валялся на диване, смотря сериалы и накачиваясь пивом.

Милиционер усмехнулся.

— Человек, — сказал он таким голосом, что у меня перехватило дыхание. — Ты не понимаешь, против чего встал.

— Папа, — шепнул я. — Не надо!

— Послушай сына! — ощерился милиционер. — Он хорошо знает, кто я такой. Правда ведь, Дима?

Черные, ужасные глаза пронзили мое сознание, и я едва не грохнулся в обморок. Пошатнулся, но успел схватиться за косяк.

Отец выбросил вперед кулак. Милиционер стремительно дернулся, и в следующий миг я увидел своего папу прижатым лицом к полу. Закричала мама. Милиционер склонился к отцу, скрипящему зубами от боли в заломленной руке, и прошипел:

— Я могу тебя убить. И твою жену. И твоего сына. Дело одной секунды. Ты переоценил свои силы, человек. Не создавай мне больше препятствий.

Он встал, отпустив отца. Закрыл входную дверь. Папа встал, чуть слышно застонав, и устоялся на Разрушителя.

— Ты что, больной? — сказал он. — Я ж на тебя заявление напишу. Думаешь, испугаюсь?

Милиционер вынул из кармана ручку и бросил ее отцу.

— Пиши, — сказал он, глядя уже на меня. — Это займет тебя на какое-то время.

Мама не знала, куда кинуться. Она стояла и вертела головой, глядя то на согнувшегося в три погибели отца, то на меня, то на Разрушителя. Взгляд остановился на телефоне.

— Я поговорю с вашим сыном и уйду, — сказал Разрушитель. — Никто не умрет. Ведите себя спокойно!

Он схватил меня за руку. Хватка была сильной, будто стальным тросом обмотали запястье.

— Пошли!

Разрушитель оттащил меня в кухню, пройдя мимо притихшей мамы.

— Сядь.

Я опустился на табурет. И только когда эта тварь села напротив меня, я понял, как мне страшно. Колени ходили ходуном.

— Где находится Борис Брик? — перешел к делу Разрушитель.

— Не знаю, — пролепетал я.

— Начать отрезать тебе пальцы или убивать твоих родителей?

В его словах не слышалось никакого пафоса. Он действительно готов был приступить к тому, о чем говорил.

— Я действительно не знаю! Он живет...

— Мне известно, где он живет. Вчера в его доме был обыск. Знаешь, что там нашли? Могилу его матери. Он убил ее. Будешь покрывать убийцу — станешь соучастником. Хочешь провести большую часть своей ничтожной жизненки в вонючей камере?

— Он же ребенок! — закричала мать. — Зачем вы такие вещи говорите?

Я не посмотрел в ее сторону. Просто не мог отвести взгляд от этих глаз. Я был полностью беззащитен перед ним, как червяк перед асфальтовым катком.

— Скажешь, где Брик — и все закончится. Не скажешь — я убью твоих родителей. Отрежу тебе все пальцы. А потом обеспечу тебе пожизненное заключение. Говори!

Несмотря на панический ужас, я уловил в словах Разрушителя нестыковку. Он словно перечислял наугад все то, что могло бы меня напугать. И внезапно страх сменился интересом.

— Я до смерти боюсь пауков, — сказал я.

— В камере будет полно пауков, — немедленно отреагировал Разрушитель. — Тысячи огромных пауков, которые будут пожирать тебя день за днем, пока ты не...

— Но больше всего я боюсь, что ты сейчас уйдешь.

Разрушитель замолчал. Губы его плотно сжались.

— Какой палец тебе отрезать первым? — спросил он.

— Я понятия не имею, где Брик! — произнес я, глядя ему в глаза. — Последний раз я видел его вечером в субботу. С тех пор я не выходил из дома, никому не звонил, ни с кем не разговаривал. Вы легко можете это проверить.

Это была ошибка. Говоря о субботнем вечере, я вызвал в памяти последний разговор с Бриком по телефону, а также бал. И лицо Разрушителя расплылось в улыбке.

— Маша, — сказал он.

— Нет! — Я вскочил с табурета, но тут же вернулся обратно, отброшенный сильным тычком.

— Простите за беспокойство, — сказал Разрушитель, выходя из квартиры.

Дверь захлопнулась. Я услышал вздох матери, полный облегчения.

— Что за дрянь творится? — негромко сказал отец.

Я бросился к телефону, сорвал трубку и набрал номер Маши. После десятого гудка бросил трубку на рычаг. Уже вышла. Я должен предупредить ее!

Я выскочил из дома, несмотря на протестующие крики родителей, и побежал к школе.

* * *

Не знаю, с какой скоростью двигался Разрушитель, но я, добежав до школы за несколько секунд, уже не видел его. Урок давно начался. Остановившись перед зданием, я отдышался. Десятки окон смотрели на меня, поблескивая в лучах тусклого осеннего солнца. Где-то там, внутри, безжалостная тварь приближалась к Маше...

Я закрыл глаза. В безумной ситуации нужно было искать безумный выход. Сосредоточившись изо всех сил, я мысленно закричал: «МАША!»

Крик раскатился, проникнув в каждый закоулок сознания, и медленно умер, порождая многочисленные сполохи эха. Я не смел пошевелиться, все мои чувства обострились, ожидая ответа. И он пришел. Как будто кто-то шепнул рядом: «Дима? Чего тебе нужно?»

Как бы я ни волновался, не смог не заметить напряжения и обиды в этом ответе. Но сейчас было не до того. «Выйди из класса! ОН идет за тобой. Пожалуйста, беги! Я жду тебя перед школой!»

Секунды капали, как вода из плохо закрытого крана. Одна, две, три... Наконец прошелестел вздох: «Хорошо...»

Где-то там, внутри, печальная темноволосая девушка подняла руку и попросилась выйти. Учительница только кивнула, не переставая говорить. Девушка покинула кабинет и вышла на лестницу. Снизу послышались шаги. Она отступила и спряталась за угол, затаив дыхание. Вот появился он. Девушка видит его серую спину, фуражку. Он останавливается перед расписанием, а затем идет к тому кабинету, из которого выскочила она. Не стучит. Просто открывает дверь и заходит внутрь. Слышатся голоса: его, учительницы. Пора!

Девушка скользнула на лестницу и побежала. Мгновение — и она на первом этаже. Охранник, как обычно, ничего не замечает. Она выбегает на улицу и ищет взглядом того, кто позвал ее.

— Слава Богу! — выдохнул я и схватил Машу за руку.

— Что случилось? — В ее глазах я вижу полную растерянность. — Как ты... Куда мы?

Подожди, я не взяла куртку...

Я снял свою куртку и накинул ей на плечи.

— Ты же замерзнешь!

— Не важно. Бежим отсюда!

— Куда?

Я огляделся по сторонам. Ко мне идти было нельзя, к ней — тем более. Пожалуй, оставалось лишь одно место, где мы могли ненадолго укрыться. Вряд ли Разрушителям придет в голову искать нас там.

* * *

Ворота оказались открытыми. Мы, пригнувшись, скользнули под натянутую желтую ленту. Дверь опечатали, но я сорвал печать, не задумываясь.

В доме царил настоящий хаос. Раскрытые дверцы шкафов, перевернутый стол в кухне, некоторые половицы оторваны. Дом обыскали досконально, но, очевидно, безрезультатно.

Я провел Машу в кухню, поставил на место стол, отыскал два стула.

— Посидим, — предложил я.

Она опустилась на стул, а я сел рядом. Постепенно мысли успокаивались. Я посмотрел на Машу и отметил румянец у нее на щеках. Может, из-за пробежки на холоде.

— Зачем мы сюда пришли? — спросила она.

— Я не знаю, куда еще пойти.

Маша посмотрела на меня и отвела взгляд. Румянец усилился.

— Тот милиционер... Он из-за него приходил, да? Из-за Брика?

— Он думает, что ты знаешь, где он. Ты знаешь?

Она отрицательно покачала головой. Слишком быстро, будто пыталась меня в чем-то убедить.

— Поэтому тебе нельзя с ним разговаривать.

В доме было тепло, и Маша, сняв куртку, вернула ее мне. Больше она не пыталась встретиться со мной взглядом.

— Дима, что происходит? Я ничего не понимаю.

— Ты была права. Не стоило тебе сближаться с Бриком.

Она смотрела на свои руки, лежащие на коленях, и думала, как истолковать мои слова. Выбрала безопасный вариант:

— Так и знала. Знала, что он не принесет добра.

Я взглянул на нее с обидой. Больших усилий стоило подавить глупый вопрос, который так и вертелся на языке.

— Он не виноват, что все так сложилось, — пробормотал я, глядя в стол.

— Почему ты его выгораживаешь?

«... несмотря на то, что у него было со мной?» — услышал я окончание вопроса.

— Просто он мой друг, — сказал я. — Единственный.

— Единственный? А я?

Она коснулась моей руки своей. Я вздрогнул, но решился и сжал ее прохладные тонкие пальцы.

— За эти пять дней, — сказал я, не глядя ей в глаза, — ты хоть раз пришла ко мне? Пока

я был без сознания?

Ее пальцы дернулись.

— Ты был без сознания?

— А ты не знала?

— Нет. Я думала, ты сбежал с ней.

Наконец мы посмотрели в глаза друг другу. Как раньше, будто и не было всех этих недоразумений. Между нами не было лжи.

— Жанна пропала? — спросил я.

— Да. Я видела вас обоих в последний раз тем вечером, после бала. В понедельник ни тебя, ни ее в школе уже не было. Казалось, что вы просто сбежали вместе. Мне бы и в голову не пришло ничего другого.

Жанна сбежала... А может, она действительно вернулась на небо? Кто знает... Я постарался задушить мысли о ней. Сейчас надо было сосредоточиться на другом.

— Брик тоже пропал? — выдавил я из себя этот вопрос.

— В понедельник. После того, как... Ах, ты же не в курсе. Ну, тут много чего было.

Маша рассказала мне о том, что случилось в понедельник. Рассказ был недолгим.

— На первом уроке в кабинет директора вызвали Брика. Он вернулся через десять минут и сказал, что в кабинет вызывают Рыбина. Вот так вот, не по алфавиту. Урок уже почти закончился, когда мы слышали крики, грохот. Кажется, даже выстрел...

Маша не узнала сразу всего. Картину событий ей пришлось восстанавливать по крупицам, по разрозненным слухам в течение трех дней. Получалось следующее. В кабинете директора сидели трое милиционеров. Как и рассказывал нам Петя Антонов, один из них был вполне адекватным, а двое других сыпали странными вопросами и вообще казались какими-то неживыми.

Брик, по воспоминаниям директора, держался спокойно. Отвечал на все вопросы, даже самые идиотские. Когда один из странных милиционеров предложил ему решить задачу по математике, Брик не сумел этого сделать. Три раза начинал решать, но заходил в тупик. Наконец, ему задали вопрос о том, не замечал ли он кого-то странного в школе. И Брик внезапно рассказал про Рыбина. Мол, тот внезапно стал вести себя необычно. Стал лучше учиться, начал задавать всем необычные вопросы. «Как подменили», — сказал Брик.

Этого оказалось достаточно. Брика отпустили, вызвали Рыбина. Ему задали какой-то вопрос, которого директор не запомнила. В ответ Рыба выдал нечто странное, нечленораздельное. Директору сперва показалось, что он поперхнулся и задыхается, но отреагировать она не успела. Двое милиционеров сорвались с места, скрутили Рыбу, обвисшего у них в руках, и надели на него наручники. Третий милиционер попытался вмешаться, но его оттолкнули. Даже скорее ударили. Он достал пистолет, но выстрел ушел в пол — двое странных оказались быстрее. Потом его вырубил ударом по голове и скрылись, уведя с собой Рыбу.

— Рыбина убили? — спросил я.

— Нет, вовсе нет. Его до среды держали в отделении, а потом отпустили. Он пришел в школу вчера, но никому слова не сказал.

— Ясно. А Брик?

— Брик дождался, когда все успокоится, и просто ушел. Больше никто его не видел. Его ищут, да?

Я кивнул.

— За что?

— Это сложно объяснить.

— А ты попробуй.

— Ну... формально его могут искать за то, что он убил свою маму.

— Господи... Так он не врал?

— Нет, он говорил правду. Но истинная причина другая.

— Неужели он мог сделать нечто еще более страшное?

— Нет. Дело не в этом. Понимаешь, он... Ну, скажем так, ищет его не милиция. Они только притворяются ментами, чтобы легче было искать. Они хотят его убить.

Маша покачала головой:

— Бред какой-то. Убил маму... Нет, я не могу поверить.

Я пропустил мимо ушей ее слова. Постепенно в голове вырисовывался примитивный план. Мне нужно было найти Брика, хоть я и ненавидел его с каждой секундой все больше. Только он мог сказать мне, что делать дальше.

— Ты точно не знаешь, где он сейчас?

— Откуда мне знать? — Маша поморщилась.

— Может, он сказал что-нибудь? Вы же...

Я замолчал, ощущая жар на щеках. Пальцы Маши выскользнули из моей руки.

— Не сказал, — отвернулась она.

Я не смог найти слов. Встал, подошел к окну. Тихо, спокойно, но в сердце росла тревога.

— Нужно уходить.

— Куда? — Голос Маши был каким-то тусклым.

— Тебя надо спрятать. В школу нельзя, домой тоже.

— Ты с ума сошел? Я не собираюсь бегать от милиции!

— Это не милиция. Они могут убить тебя, понимаешь? Тот, который явился за тобой в школу, сегодня заходил ко мне. Избил отца, грозил убить меня, моих родителей. Обещал отрезать пальцы, если я не скажу, где Брик. Ты не должна с ним встречаться. Я этого не позволю.

— Избил отца? — Маша поднялась со стула. — Но ведь это...

— Их тут, как минимум, двое. Они сильны и не остановятся ни перед чем. Пожалуйста, поверь мне. Тебе нужно скрыться.

Она молчала. Я повернулся к ней.

— Я ведь никогда тебе не врал. Прошу, поверь.

Маша кивнула. Ее глаза заблестели.

Выйдя из кухни, я зашел в первую комнату и осмотрелся. На полу валялась мебель, одежда, вытащенная из шкафов. Ничего, похожего на знак. Я посмотрел вверх и увидел в потолке люк, ведущий на чердак. Без лестницы до него не добраться.

Я прошел в комнату Брика. Постоял перед грудой библиотечных книжек на полу. На стене я увидел надпись коричневой краской: «Living La Vida Loca». Очевидно, это и был знак, о котором упоминал Брик.

— Мог бы и так догадаться, — прошептал я. — Куда бы ты еще пошел, недомерок?

На кровати валялось несколько курток. Я взял одну и повернулся к выходу. В проеме стояла Маша, и ее взгляд был прикован к кровати.

— Возьми, — быстро сказал я, протягивая ей куртку. — Наверное, эта тебе лучше

подойдет.

Маша послушно надела куртку, глядя мимо меня.

— Куда мы пойдём?

— Есть одна мысль. — Я достал из кармана мобильник. — Но я могу поплатиться глазами.

* * *

— И долго мы будем здесь сидеть? — поинтересовалась Маша.

Мы сидели за тем самым столиком, за которым тысячу лет назад я впервые целовал девушку. От этого мне было немного не по себе.

— Сейчас. Она должна уже подойти.

— Она?

Что это? Неужели я слышу ревность в ее голосе? Как ни странно, но от этого стало теплее на душе.

— Вот она! — улыбнулся я.

Элеонора выглядела иначе. Несмотря на прохладу, она облачилась в кожаную мини-юбку, кеды, розовую майку и джинсовую безрукавку. Она стремительным шагом подошла к столу, и я поднялся ей навстречу.

— Привет! — сказал я.

— У тебя ровно десять секунд, чтобы объяснить мне, почему я не должна выцарапать тебе глаза! — выпалила Эля.

— Последние пять дней я был без сознания. Бал прошел отлично, выживших нет. Это — Маша, я тебе о ней говорил. Нам нужна твоя помощь.

Эля усмехнулась.

— Уложился! Ну, дуй за пивом, раз уж вытащил меня со школы.

— Но у меня нет...

— Ой, ну кто бы сомневался! — закатила глаза Эля.

Она поставила на стол сумочку, достала из нее пару сотенных купюр и протянула мне.

— Мухой! — распорядилась она. — Мы пока познакомимся. И сигарет возьми тоже.

Элеонора полностью оправдала мои ожидания. В глубине души я боялся увидеть, как она прячет взгляд, бормочет какие-то отговорки. Но нет! Эля оставалась Элей.

— Предки будут в диком экстазе, но я с ними разберусь, — заявила она, когда я вернулся с пивом.

— Я достану денег...

— Димочка, закрой ротик, а то я тебе глазки выколупаю, — ласково сказала Эля. — Нашел, понимаешь ли, квартиру посуточно! Должен будешь, отработаешь.

Маша поначалу смущалась, но не устояла под энергетическим напором Элеоноры. Пяти минут не прошло, как они уже болтали, будто закадычные подруги. Я бы радовался этому, если б не являлся предметом их разговора.

— И что ты в нем нашла? — разорвалась Эля. — Не, ну глянь — ни кожи, ни рожи...

— А по-моему, он довольно симпатичный, — улыбнулась Маша.

— Ну, знаешь... Мне вот крокодилы симпатичными кажутся. Но я с ними взасос не целуюсь!

— Откуда ты...

Элеонора рассмеялась:

— Догадалась! Сердце любящее подсказало. Ну и как? Я хорошо его натренировала?

— Может, хватит уже, а? — возмутился я.

— Ладно! — махнула рукой Элеонора. — Так, во что вы вляпались? Меня посадят? Если посадят, я расстроюсь, имейте в виду!

— Никто тебя не посадит, — улыбнулся я. — Просто Маше нужно некоторое время не показываться на людях. Не разрешай ей выходить. Справишься?

— Я не тупая!

— Знаю.

— Знахарь нашелся! Сказала, все будет ок, значит, все будет ок! Еще вопросы? Нет вопросов. Вот и пей свое пиво вонючее, наслаждайся богатым вкусом!

Вкус у пива был, кстати, так себе. Маша к своей бутылке почти не притронулась, а Элеонора пила, как ни в чем не бывало.

— Давай, подруга, для храбрости! — наседала на Машу Эля. — Мамка сейчас истерику устроит, надо выпить!

— Мне как-то нехорошо, — улыбнулась ей Маша. — Не хочу пива.

— Ну, ладно, смотри. Короче, маман будет бушевать — ты внимания не обращай. Папа вечером придет — все разрулит, он у меня адекватный. А через пару дней матушка станет доброй и улыбающейся.

— Спасибо тебе!

— Ой, да ладно! Неужто я нашему милому Димочке в чем-то откажу!

Когда Эля уволокла Машу домой, я еще немного посидел за столом. Надо было думать о дальнейших своих действиях, но покоя не давало одно: расскажет ли Эля своей новой подруге о нашем поцелуе? В конце концов, я просто махнул рукой. Расскажет, так расскажет. Плевать. Теперь нужно отыскать Брика.

Интерлюдия 3

Я остановил свой «Форд» во дворе, который совсем не изменился за пятнадцать лет. Все те же погнутые качели и сломанная карусель на детской площадке. Все тот же обшарпанный кирпичный дом. Разве что решеток на окнах стало больше, да еще появились электронные замки.

«Есть ли у нее домофон?» — думал я, набирая номер квартиры. Если есть, то что я ей скажу? Послышался протяжный писк, и дверь открылась. Она даже не спросила, кто пришел.

Я поднялся на третий этаж и остановился возле приоткрытой железной двери. Для приличия я постучал, потом вошел. Катя стояла в прихожей, кутаясь в халат. Сначала мне показалось, будто и она тоже ничуть не изменилась, но стоило ей включить свет, как иллюзия развеялась.

Катя постарела. В уголках глаз, на лбу залегли морщинки. Кожа уже не казалась такой гладкой, она словно бы подшелушивалась. Я видел перед собой красивую женщину, из тех, чей ежедневный ритуал «прихорашивания», занимавший когда-то несколько минут, разросся до нескольких часов. Должно быть, сегодня она не собиралась никуда выходить. Наверное, она ненавидит меня за то, что я пришел и застал ее в таком виде.

— Здравствуйте, — сказал я. — Вы, наверное, меня не помните? Я...

— Дима, — улыбнулась она. Потом смерила меня взглядом и засмеялась:

— Наверное, уместнее говорить Дмитрий?

— Лучшие Дима! — Я улыбнулся ей в ответ.

— Дима. Ну ладно. А ты... как бы это сказать-то? Возмужал, что ли? Тогда совсем еще мальчишка был. Смешной такой.

— Сколько лет прошло. И не только лет.

— Ну да. Проходи. Чаю?

Мы сидели в тесной кухне и пили чай с печеньем. Я спросил Катю о ее карьере.

— Все так же, — вздохнула она. — Езжу по кафешкам с выступлениями. Шансон, романсы, попса... Все, что людям нравится.

Я окинул взглядом кухню. Кран капал, в раковине виднелось желтовато-красное пятно возле стока. Дверца посудного шкафчика покосилась. Обои пузырились у потолка. Те же самые обои.

Я сделал большой глоток начавшего остывать чая и перешел к делу.

— Ты помнишь Брика? Борю.

— Спрашиваешь! Еще бы мне не помнить этого мелкого засранца!

Ее лицо стало напряженным.

— Я виделся с ним несколько дней назад...

— Он что, еще жив?

— Да. Он вспоминал тебя.

— Надо же. Я думала, что с ним давно покончено.

Я смотрел ей в глаза и не мог понять: то ли она ненавидит Брика, то ли боится.

— Он ведь не сделал тебе ничего плохого?

— Мне? — Катя засмеялась. — Мне — нет. А другим — да. Про его маму неделю тогда в новостях кричали.

— А что если я скажу тебе, что он не убивал ее?

— Боюсь, что я тебе не поверю. Будь у тебя доказательства — ты бы тогда предоставил их.

— Я и не говорил, что у меня есть доказательства. У меня есть знание о том, что и как тогда произошло. Знание, доказать которое невозможно.

Катя допила чай, избегая смотреть мне в глаза. Ополоснула чашку и остановилась возле раковины.

— Расскажи, — потребовала она, не оборачиваясь.

Вот оно. Значит, это был страх. Теперь она хочет поверить.

— Это очень долгий рассказ. А мне сегодня нужно ехать домой, в другой город. Поэтому я принес тебе это.

Я сходил в прихожую и взял пакет, который оставил там. В пакете была целая кипа листов.

— Здесь все, что я помню о Брике, — сказал я. — Считай это мемуарами.

Она вытащила листы из пакета и перевернула несколько.

— На роман похоже.

— Это и есть роман. Только я ничего не выдумал. История невероятная, сразу предупреждаю. Но она правдива. Сможешь поверить?

Катя кивнула, не отрывая взгляда от написанных мною слов.

— Я постараюсь. Но зачем ты привез их мне? Что тебя подтолкнуло?

Настало время раскрыть цель визита.

— Брик попросил меня кое о чем. Он тоже помнит тебя. Наверное, даже больше, чем помнит. Он попросил меня привезти локон ангела.

Катя вздрогнула и посмотрела на меня.

— Как интересно, — пробормотала она.

— Он говорил о твоих волосах. Если тебе не сложно... Ну, в общем, ему будет приятно. Возможно, это поможет ему быстрее поправиться.

— Подожди!

Катя убежала в комнату, сжимая мою книгу в руках. Послышался звук, как будто пластмасса терлась о пластмассу. Катя что-то перебирала, искала. Наконец, она вернулась в кухню.

— Держи! — Она протянула мне коробочку с компакт-дисксом. — Их у меня штук сто пылится.

Обложка была простенькой. Снимок голубого неба и надпись, будто бы выведенная солнечным лучом: «Локон ангела».

— Так мы называли нашу группу, — сообщила мне Катя. — Как только приехали в Красноярск, на студию, стали думать, как бы назваться. И вот, остановились на этом.

— Он знал?

— Нет. Откуда бы? Когда мы виделись в последний раз, названия еще не существовала. Тем не менее, я думаю, что речь идет об этом. Ты же помнишь, каким он был? Знал то, чего не мог знать...

Я молча смотрел на обложку диска. Ни малейшей тени. Только свет, радость и надежда.

— Впрочем, я не возражаю, — снова подала голос Катя. — Пусть это будет таким своеобразным автографом.

Она взяла ножницы с полки над плитой и остригла небольшой клочок волос. Я открыл коробочку с диском, и Катя просунула локон между обложкой и прозрачной крышкой. Когда я закрыл коробочку, то увидел, что локон расположился очень удачно, будто подчеркивая надпись.

— Спасибо, — улыбнулся я.

Мы с Катей обменялись телефонами, обнялись на прощание, и расстались. Десять минут спустя я уже летел по трассе в обратный путь. По радио играла всякая ерунда, и я решил вставить в магнитоу диск Кати. Послушав первую композицию, я сделал погромче, а потом — еще громче. И в какой-то момент даже стал подпевать:

— «Отпустите домой покаянные души, научите безумцев любить!»

Голос Кати был все таким же звонким, чистым и красивым, как в тот день, когда она пела «Living la vida loca» на сцене кафе «Адонис». «Локон ангела» оказалась прекрасной группой, появившейся не в том месте и не в то время. Жаль. Все мы иногда опаздываем, и очень редко судьба дает второй шанс.

Глава 14

Бегство Маленького Принца

До «Адониса» я дошел минут за десять. Только у самых дверей остановился, почувствовав робость. Предстояло делать то, чего я делать не умел: общаться с людьми. Причем, не просто трепаться, а добиться конкретного результата. Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, я решился.

В помещении было практически пусто. Лишь несколько человек завтракали в разных углах зала. На сцене никого. Играла спокойная электронная музыка — из тех, что рекомендуются «для релаксации». Я подошел к стойке.

— Здравствуйте!

Полноватая брюнетка с приветливым лицом повернулась ко мне.

— Добрый день! Чай, кофе, завтрак?

— Нет, спасибо. Я хочу... Не могли бы вы... Ну, то есть, у вас, случайно, нет адреса Кати? Или телефона?

Брюнетка нахмурилась, пытаюсь меня понять.

— Кати? Какой Кати?

— Которая поет здесь по вечерам. Катя... не знаю фамилии. У них группа.

— А! — улыбнулась брюнетка. — Нет, я не знаю адреса.

— А телефон?

— А вам зачем?

— Мне очень нужно ее увидеть.

— Ох, мальчик, знаешь, сколько таких тут за день приходит!

Я покраснел. Конечно, выглядело все так, будто я страстно желаю с ней познакомиться.

— Нет, я не такой! Мы с ней знакомы, просто мне именно сегодня нужно с ней увидеться, это важно!

— Знакомы? — Брюнетка фыркнула. — И ты не знаешь ни телефона, ни адреса, ни даже фамилии? Не поверю.

И тут меня осенило:

— Но вы же можете ей позвонить? Просто скажите ей, что пришел Дима, друг Бориса. Она должна понять!

У брюнетки не нашлось возражений. Она достала из-под стойки телефонный аппарат, набрала номер и прислонила трубку к уху.

— Алло, Кать, это Лена с «Адониса». Ага, привет, дорогая. Слушай, тут молодой человек твоим адресом интересуется. Говорит, что Дима, друг... кого ты там друг?

— Бориса!

— Ага, Бориса какого-то. Что? Все, поняла, записываю!

Она написала несколько слов на бумажке и протянула мне.

— Держи. Настойчивый!

На прощание Лена улыбнулась мне и даже будто бы подмигнула.

Катя жила достаточно далеко, и, когда я до нее добрался, то вся моя решимость наорать на Борю растворилась в желудочном соке. Есть хотелось невероятно.

Рассохшаяся деревянная дверь подъезда болталась на одной петле. Я поднялся на третий этаж, нашел нужную дверь и постучал. Почти сразу же лязгнул замок, дверь открылась, и я

увидел Катю.

— Привет! — улыбнулась она. — Каким ветром?

Тут только я понял, что шел сюда исключительно по догадке, не зная ничего наверняка.

— Привет... Я просто подумал... А Боря случайно не у тебя?

— Боря? У меня? — Катя широко распахнула глаза. — Что бы он тут забыл?

Дурак! Господи, какой я дурак! Надо было попросить ту девушку в кафе задать по телефону этот простой вопрос.

Глядя на мое вытянувшееся лицо, Катя рассмеялась:

— Да шучу я, господи! Заходи, здесь он.

Я вошел в квартиру Кати в смешанных чувствах. Зачем я здесь? Что ему сказать? Все мысли внезапно разбежались.

— Есть будешь? Мы как раз завтракать собирались. Яичница с колбасой.

Прежде чем я успел вежливо отказаться, желудок издал громкий отчаянный рев.

— Я, в общем, еще бутербродов сделаю, — отреагировала Катя. — Проходи пока в комнату, пообщайтесь.

Я послушался. В маленькой уютной комнате обнаружили письменный стол, компьютер, музыкальный центр, пара шкафов, гитара, усилитель и диван. На этом диване сидел Боря Брик и, улыбаясь, смотрел на меня.

— Разгадал мою загадку? — спросил он.

— Ты урод! — выпалил я, не задумываясь. Сразу же смутился, но понял, что останавливаться поздно.

Боря сдвинул брови.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что ты — урод! Или ты не знаешь, что из-за тебя творится?

— Ничего такого, о чем я не догадывался. Я в розыске. Теперь самое время приступить ко второй части моего плана...

Я сжал кулаки. Злоба, немного затихшая после первой вспышки, разгорелась с новой силой.

— Какого еще «плана»? Рассказать тебе про твой «план»? Моего отца избил Разрушитель. Он вообще мог всех нас убить, но прочел мои мысли о том, что вы с Машей... Почему ты вообще не сказал мне, что они могут читать мысли?

— Думал, это очевидно. Мозг, вмещающий такую силу, поневоле начинает развиваться. Это как защитная реакция, он борется. Вот и...

— Закрой. Рот, — отчеканил я. — Из-за тебя он кинулся искать Машу. Мне чудом удалось ее спасти. Теперь она скрывается. Рыбу арестовали.

— Но это-то тебя почему беспокоит? Он расплачивается за...

— Он УЖЕ расплатился! — Я повысил голос. — Ты сломал его! Неужели обязательно было добивать?

— Добиваю его не я. Это работа Разрушителей. Ну, и вашей судебной-исполнительной системы.

— Вот так, да? То есть, это и есть отличие Исследователей от Разрушителей? Вы просто руки не пачкаете?

Из кухни доносился шум воды и голос Кати:

— «Отпустите домой покаянные души, научите безумцев любить. Разрешите смотреть сквозь решетки на небо тем, кого вы не в силах простить».

Голос был неестественно громким. Видимо, Катя просто пыталась показать, что не слушает нашу перебранку.

Боря встал с дивана и подошел к столу, избегая смотреть мне в глаза.

— Мне жаль, — сказал он.

— И что мне делать с твоими сожалениями? Преподнести их Маше на блюдечке?

— Тебя больше всего злит не то, что ей приходится скрываться. Это тебя скорее интригует. Ведь у вас появилось совместное приключение. Ты злишься по другой причине.

— Даже если и так...

— Ты ведь сделал свой выбор. В тот вечер ты попросил меня увести ее. Так я и поступил. Все могло быть иначе. Мы могли просто погулять, проводить девушек домой, и все. Я успел бы тебя предупредить, да и на Машу не пало бы подозрение. Но выбор сделал ты. Конечно, не зная о том, что за этим последует. Согласись, что и я не мог предугадать всего.

— Кое-что ты мог предугадать. Знал о моих чувствах, и все равно...

— Она шептала твое имя во сне, — перебил меня Брик.

— Что?

— Ты меня слышал. Хочешь знать, как тебе лучше поступить сейчас? Беги вместе с ней из этого города. Начните новую жизнь. Она пойдет с тобой куда угодно. Уйди и забудь все. Скоро все закончится.

Я не слушал, что он говорил дальше. Вокруг разверзлась пустота, заполняющаяся только едва слышным стуком вагонных колес. Маша шептала мое имя! Как же мне хотелось побежать к ней прямо сейчас.

— Мальчики! — Катя высунулась из кухни. — Я все состряпала, давайте завтракать! Или обедать уже, черт его знает.

Как бы я ни старался сохранить возмущенный вид, с набитым ртом это мне не удалось. Подкрепившись, я посмотрел на Катю, потом на Брика. Они болтали о всякой чепухе, как ни в чем не бывало. Судя по взглядам, которые бросала Катя, их отношения переросли дружбу. Ну да, в этой маленькой комнатке помещался лишь один тесный диван...

— И что вы думаете делать дальше? — спросил я.

— Мы с парнями в воскресенье уезжаем в Красноярск писать альбом, — сообщила мне Катя.

— Я тоже поеду, — кивнул Боря. — Попробую отвести Разрушителей от поселка.

Я быстро взглянул на Катю.

— Ты ей все рассказал?

— На неделю, наверное, — улыбнулась мне Катя. — Будем дневать и ночевать в студии. Хочется записать хорошо, а главное — свести. По-хорошему, надо бы месяц — материала много. Но денег в обрез...

— Что ты с ней сделал? — Я перевел взгляд на Брика.

— Немного заблокировал входной канал сознания. То, что ей знать не следует, она не узнает. Будет слышать светскую беседу, которую сама, по сути, и выдумает.

— Надеюсь, у нас все получится. Звукорежиссер бы толковый попался!

Я швырнул вилку на стол.

— Пошел ты!

Я вышел из кухни и стал обуваться.

— Чего это он? — услышал я голос Кати.

— Не обращай внимания. Посиди здесь.

Звук поцелуя. Меня чуть не стошнило от отвращения к этому тирану-недомерку. Накинув куртку, я уже взялся за замок, когда в прихожую вышел Брик.

— Дима, что случилось?

— И ты еще спрашиваешь? — Я повернулся к нему. — Кто дал тебе право играть с людьми? Для тебя все это как игра! Кругом — куча марионеток, которыми можно вертеть, как хочешь! Только мы не марионетки, мы — люди! Ты этого понять не в состоянии.

— Я не принес Кате вреда.

— Ты ей вообще ничего не принес. Просто влез в ее жизнь, так же, как в мою. Использовал, как сортирную бумагу, чтобы потом выбросить и пойти дальше.

— Это не так, — тихо сказал Брик.

— Я не хочу тебя слушать. И видеть тебя тоже не хочу. Делай, что хочешь, только ко мне больше не лезь.

Я открыл дверь и вышел в подъезд. Брик стоял на прежнем месте. Смотрел на меня взглядом, в котором можно было бы при желании уловить грусть.

— Я не хотел этого, — сказал он.

— Знаешь, несмотря ни на что, Разрушители мне больше нравятся, — вдруг сказал я. — Они честно и прямо идут к своей цели. Никого не подставляют под удар. Если хотят убить — убивают сами. А ты... Ты просто червяк. Все эти твои слова о том, как надо жить... Да ты понятия об этом не имеешь! Дошло до дела — и где твои сраные принципы? Спрятался, как мышь, за чужую юбку и ждешь, пока все решится само собой! Я даже к себе никогда такого отвращения не испытывал, как сейчас к тебе.

Я пошел вниз. Брик не побежал догонять меня, не крикнул ничего вслед. Дойдя до первого этажа, я услышал лязг закрываемой двери.

— Пропади ты пропадом, — шепнул я, выходя из подъезда.

* * *

— Где ты был? — Мама смотрела на меня таким взглядом, которым можно было взорвать танк. — В школе тебя сегодня не было, не ври!

— Я же ничего еще не сказал.

— Где ты был?! — взвизгнула она.

Из комнаты вышел отец с бутылкой пива и грустно посмотрел на меня.

— Дима, ты вообще считаешь, что творишь? — спросил он.

— Да. Прекрасно соображаю. Простите, что пришлось волноваться...

— Волноваться? — Мать всплеснула руками. — Да я чуть с ума не сошла! Ты мог о нас подумать? Улетел черте куда! А нам-то что делать? В милицию и то не пойдешь — вон у нас какая милиция!

— Мне нужно было уладить кое-какие дела, — сказал я. — Это очень важно. Обещаю, больше такого не повторится.

Мама долго смотрела на меня, потом отвернулась.

— Я никогда бы не подумала, что ты вырастешь таким эгоистом, — сказала она. — Мы вокруг тебя пять дней плясали. Отец отгулы брал. А ты... Только очнулся... Ай, да бог с тобой. Свою голову не приставишь.

Она ушла в кухню и, судя по звукам, принялась мыть посуду. Отец призывно махнул бутылкой.

— Пойдем-ка, побеседуем.

Мы сели на диван в комнате. Отец убавил звук телевизора и повернулся ко мне.

— Дима, расскажи мне, что у тебя происходит?

— Да ничего такого, — буркнул я, уставившись на сцепленные в замок пальцы.

— Ты это свое «ничего такого» засунь куда подальше. Я признаю твое право на личную жизнь, пока она нашей семейной жизни никак не касается. Но когда к тебе приходит психованный мент, а ты после этого убегаешь куда-то — это уже все грани переходит. Так что давай-ка, расскажи мне все. У тебя проблемы?

— Не у меня. У него.

Я ткнул пальцем в экран телевизора, где как раз крупным планом показывали фотографию Брика. Папа среагировал быстро — взял пульт и прибавил громкость.

— В Назарово продолжаются поиски школьника, подозреваемого в убийстве собственной матери, — говорила дикторша. — Напомню: несколько дней назад в ходе обыска в одном из частных домов поселка Бор было обнаружено тело женщины. Рядом с телом находились и документы, благодаря которым личность погибшей удалось установить. Ей оказалась сорокапятилетняя Инна Брик, сын которой, Борис Брик, таинственно исчез накануне. У следствия есть все необходимые доказательства того, что именно он совершил убийство. Следствие просит помощи у населения. За любую информацию о местонахождении этого человека гарантируется вознаграждение.

На экране снова появилась фотография Брика.

— Это не тот, который к нам приходил? — поинтересовался отец.

— Тот.

— Ну и друзья у тебя...

— Он мне не друг.

— Вот это правильно. Так все же, каким боком ты здесь замешан?

— Уже никаким. Честное слово. Все будет как раньше, я обещаю!

Отец мне поверил. А раз так, то насчет матери можно не волноваться — он все ей объяснит. Я закрылся у себя в комнате, посидел за столом, разглядывая ставшие вдруг такими чужими корешки учебников.

В кармане зажужжал телефон. Пришло сообщение от Элеоноры: «Как она мило краснеет, когда я про тебя говорю!))))))» Я улыбнулся, но тут же нахмурился. Неприятно было сознавать правоту Брика. Ведь ситуация с Машей действительно меня будоражила.

Я написал ответ: «Ерунда! Можешь ей телефон дать ненадолго?» Спустя несколько секунд телефон снова загудел: «Привет! Я Маша! Очень соскучилась по твоим нежным рукам. Приезжай прямо сейчас, я вся твоя!»

Сперва меня бросило в пот, но здравый смысл победил. Не могла Маша написать такого!

«Эля!» — отправил я. «Ну все, все. Передала! Воркуйте))».

«Как ты?» — написал я. Минуту перебирал в голове различные варианты обращения. «Маша» — слишком официально, «родная» — слишком нежно, «дорогая» — как-то пошлово. В конце концов отправил как есть.

«Хорошо. Подружились с Элей, она милая. Когда ты меня забереешь?» «Пока не знаю. Рассчитывай на пару-тройку дней, может, больше. Бесполоюсь».

Мы переписывались, пока не стемнело. Но, даже лежа в постели, я не мог выпустить из рук телефон. Маша писала снова и снова. Она нуждалась во мне. Как я мог ее оставить? Наконец, ближе к полуночи, мы попрощались. Я уронил телефон на пол и уснул.

Глава 15

Мы ошиблись

Я не выходил из дома до понедельника. В мыслях я находил сотни оправданий этому, но причина была одна: страх. Я боялся встретиться с Разрушителем, боялся посмотреть в эти бесстрастные нечеловеческие глаза. Я поступал так же, как Брик: ждал. И от этого на душе было хуже некуда.

В понедельник я преодолел себя и отправился в школу. Я твердо знал, что Брик, Катя и вся ее группа вчера уехали в Красноярск, оставив нас на произвол судьбы. Это означало, что теперь даже при желании я не смог бы выдать местоположение Маленького Принца.

Школа встретила меня мрачной настороженностью. Ученики, да и учителя тоже, ходили, как в воду опущенные. В каждом движении, в каждом слове чувствовался страх. Более гнетущей атмосферы представить невозможно. А мне даже не с кем об этом поговорить. Перебрав мысленно фамилии своих одноклассников, я отдал предпочтение Антону Дрокину и отозвал его в сторону на большой перемене.

— Чего тебе? — хмуро спросил меня Антон, протирая очки.

— Хотел спросить, почему все такие унылые?

— И ты еще спрашиваешь! Ну, сперва Рыбина арестовали со стрельбой прямо в школе. Жанна пропала без вести, следом — Брик этот. Потом — Маша. Тебя тоже потеряли. По поселку ходят какие-то странные менты. Хватают всех подряд, угрожают. Брик, оказывается, мать убил. Веселья-то мало.

Он вернулся на свое место, а я остался стоять у подоконника. Я вспоминал свою жизнь с первого класса. Да, мне всегда было плохо здесь, в школе. Но вокруг все постоянно радовались, шутили, развлекались. Не было никогда такого затишья, как сейчас, после того как я решил вдруг сделать шаг к счастью. Ведь если разобраться, то мне не обязательно было принимать предложение Брика о дружбе. Не обязательно было идти с Жанной на бал. Как бы тогда все обернулось? Может, Брика схватили бы в первые дни, и никто иной бы не пострадал. Более того, никто бы ничего не заметил! Так не я ли во всем виноват? Наивный дурак, поверивший в дружбу, в любовь...

Задумавшись, я не заметил, как ко мне подошла Настя Елизарова.

— Дима, ты как? — спросила она меня.

— Как дерьма наелся, — машинально ответил я.

Она моргнула от неожиданности.

— Хочешь поговорить со мной?

Я едва не расхохотался, но смог ограничиться усмешкой.

— За последние десять лет в школе я разговаривал с двумя девушками. Обе пропали без вести. Говорят, бог троицу любит. Давай поговорим, посмотрим, что получится.

Не знаю, что творилось со мной. Все эти слова просто лились изо рта без всякого участия мозга. Может, подсознательно я и хотел оттолкнуть ее от себя?

— Скажи, что тебя беспокоит? — Сердобольная Настя улыбнулась мне. Пару недель назад я бы растаял от этой улыбки и, может, даже придумал бы какую-то любовь.

— «Беспокоит»? — передразнил я Настю, понимая, что не могу уже остановиться. — Давай расскажу. Что хочешь услышать? О подростковых комплексах? О том, что я мастурбирую больше трех раз в день? Как я скучаю по Жанне, или еще какую фигню?

Может, поплакаться на «двойку» по физике? Или рассказать, как я увидел маму голой? Ну? Что молчишь? Давай, направь меня! Подскажи, с чем ты готова бороться?

Настя покраснела и отступила на шаг.

— Я же тебе помочь хотела, — пробормотала она.

— Не хотела ты мне помочь, хоть себе-то не ври! — отрезал я. — То, что я молчу на протяжении десяти лет, не значит, что я ничего не вижу и не слышу. Тебе нравится выглядеть такой заботливой, сострадающей, всеобщей мамочкой. И тебя за это любят. А вот любовь-то тебе и нужна! Ты торчишь от того, что каждый думает: «Ах, какая милая и заботливая Настенька!» Да только ни хрена ты не милая и не заботливая. Плевать тебе на проблемы других. Лишь бы самой покрасоваться, почувствовать себя выше и лучше. Скажешь, нет? Ну так давай, помоги мне! Меня беспокоит то, что двинутые на всю бошку менты хотят убить Машу. Беспокоит то, что человек, которого я считал своим другом, равнодушно смотрит, как из-за него страдают невинные люди. Помоги мне решить эти проблемы. Скажи что-нибудь такое, что мне поможет. Давай, я жду!

Настя молчала. Ее глаза блестели. Вместо нее мне ответил Петя Антонов:

— Э, Семенов, ты чего там расчирикался?

Я обернулся. На нас смотрел весь класс. Меня осуждали, а Настю... Настю жалели.

— Про тебя, что ли, почирикать? — Я шагнул в сторону Пети, до странного спокойный. — Староста, которому плевать на свой класс. Хороший мальчик, который раньше всех приходит в школу, учится на одни «пятерки» и расчесывается при каждом удобном случае. Идеал просто! Только вот идеалом ты стал не потому что лучший, а потому что задавил всех тех, кто пытался идти рядом с тобой. Когда Антон стал учиться лучше тебя, ты целую травлю устроил на его фамилию. До тех пор упирался, пока не сломал его. А давай-ка вспомним все те бесчисленные разы, когда ты на коленях вымаливал у учителей отличные оценки, думая, что никто не видит. Что скажешь, вспомним? Знаешь, а из вас с Настей отличная пара получится. Двое самовлюбленных выроdkов, блистающие на публике и гнилые изнутри.

Петя не знал, куда деваться. На него смотрел весь класс. Но я знал, что это — ненадолго. Петя был виновен абстрактно, а я устроил скандал здесь и сейчас. Предупреждая готовую разразиться бурю, я подошел к своему месту, скинул учебник и тетрадки в пакет и двинулся к выходу.

— Не волнуйтесь, все пройдет, — бросил я на прощанье. — Я во всем виноват. На самом деле у нас прекрасный класс с милыми людьми, волшебными эльфами и добродушными гномами. Только со мной школьный бог облажался.

Я ушел, хлопнув дверью. Не было ни малейшего сожаления. Все это копилось во мне десять долгих лет, и теперь вырвалось наружу. Я знал, что прав, и это ощущение заставляло улыбаться.

* * *

Я никогда не был образцовым учеником, но прогулять школу решил впервые. Поэтому я не знал, куда пойти и чем заняться. Вроде как в таких случаях полагается шататься по поселку с друзьями, но люди, которых я мог таковыми считать, либо пропали без вести, либо скрывались от Разрушителей. Поэтому я отправился на центральную площадь.

Присев на скамейку напротив старинного фонтана, доживающего свой век в качестве гигантской клумбы, я задумался. Попытался осмыслить все произошедшее, составить из элементов цельную картину. Что произошло со мной? Где я теперь и куда идти дальше?

Девушка, которую я любил, подарила мне поцелуй и исчезла. Увижу ли я когда-нибудь ее? Наверное, нет. Эта история окончена. Мои чувства к Маше так и остались непонятными. Она провела ночь с человеком, которого я считал другом. По собственному желанию, или он влез в ее мозги так же, как сделал это с Катей? Правды уже не найти.

И, наконец, Брик. Парень, заставивший меня поверить в себя. Если бы не он, не было бы ничего: ни танца, ни поцелуев, ни сумасшедшей Элеоноры, о которой я не мог вспоминать без улыбки. Да, и еще: не было бы крушения надежд и пятидневной комы.

Я сидел в одиночестве на скамейке, под тяжелым осенним небом. Шестнадцатилетний подросток, не знающий, куда и зачем идти.

— О чем задумался? — Чей-то грубый, с хрипотцой голос привел меня в чувства.

— А? — повернулся я.

Рядом со мной сидел человек лет пятидесяти в милицейской форме. Я вцепился пальцами в колени и, наверное, побледнел. Что еще им надо?

— Не волнуйся, я не зомби, — улыбнулся мне милиционер. — Михаил Геннадьевич. Можно просто дядя Миша, меня так племянники зовут.

— Дима, — прохрипел я и пожал протянутую руку.

— Очень приятно. Так о чем задумался, Дима? Что-то серьезное?

Я пристально вглядывался в его глаза, мысленно повторяя фразу: «Я не зомби». Кажется, дядя Миша был обычным человеком. Более того, он казался знакомым. Покопавшись в памяти, я вспомнил его лицо. Это он дал мне платок, когда банда Рыбы избила меня.

— Так, не очень, — сказал я, отведя взгляд.

— Да ну? Прогуливаешь школу, чтобы думать о всякой ерунде? Не поверю.

Вот черт! А с другой стороны, разве запрещено законом прогуливать школу?

— Поссорился с классом, — буркнул я. — Решил уйти.

— Ну, ситуация, конечно, скверная, но не смертельная. Хочешь, скажу тебе одну мудрую вещь?

Я пожал плечами.

— Когда перевалит за тридцать, ты об этом даже не вспомнишь. Так что не стоит сильно переживать. Каждый раз, когда тебя что-то тревожит, задавай себе вопрос: будет ли меня это беспокоить через год? Два? Десять лет?

Это меня немного покорило. У любого подростка поперек горла стоят поучения взрослых.

— А вам плевать на то, что с вами в этом возрасте было? — вдруг огрызнулся я.

Дядя Миша остался спокойным.

— Не на все. Мне плевать на то, как полоумная учительница вызывала родителей в школу каждую неделю. Плевать на то, что отличники-активисты позорили меня на собраниях. Плевать, что первая школьная красавица рассмеялась, когда я пригласил ее в кино. Но один случай не получается выбросить из головы.

— Какой?

Дядя Миша достал из кармана мятую пачку сигарет и предложил мне. Я отказался, и он закурил сам.

— У меня были друзья, — сказал он, выпуская клубы едкого дыма. — Тогда я считал их друзьями, хотя на самом деле это были просто ребята, с которыми мы валяли дурака после уроков. Ну, знаешь, из тех, что с юных лет зубрят не арифметику, а лагерные понятия. Что смотришь? Думал, ментами рождаются?

— Да я ничего, просто.

— Был среди них один... Ванька Косяк. Прозвище, естественно. Однажды он на моих глазах ограбил старушку. Вырвал у нее сумку из рук и убежал. Так вот, я очень сильно жалею, что ничего не сделал тогда.

— А что вы могли сделать? — пожал я плечами.

— Я мог догнать его и заставить вернуть сумку. Мог найти его потом и набить морду, объяснить, что он не прав. Мог сунуть руку в карман и дать старушке денег. Ведь в кошельке у нее было не так уж много, и я ни капли не обеднел бы. А еще я мог пойти в милицию и рассказать о том, что видел. Но я ничего этого не сделал. Тем вечером я, морщась,пил с ребятами портвейн, купленный на деньги пенсионерки, и выдумывал дурацкие оправдания себе и Ваньке.

Я не знал, что сказать. Представил себя на месте дяди Миши и понял, что поступил бы точно так же. То есть, никак.

— Самый страшный грех — это бездействие, — продолжал мой собеседник. — Почему-то в заповедях о нем нет ни слова. Я на службе уже почти тридцать лет, повидал всяких людей. Убийц, воров, насильников. Некоторые хорохорятся до последнего, некоторые рыдают и ползают на коленях. Но все они получают наказание. А за бездействие наказания нет. И каждый день, когда ты наслаждаешься жизнью, где-то в глубине души шевелится это гадкое воспоминание о том, как ты стоял и ничего не делал. Нельзя искупить этот грех, когда поезд ушел.

Дядя Миша в последний раз затянулся и бросил окуроч в урну.

— Я вспомнил про этот случай по одной причине. Судьба подкинула мне шанс загладить вину. Я хочу вмешаться в то, что происходит сейчас здесь. Может быть, тогда у меня получится выбросить из головы ту старушку.

Он посмотрел на меня. Его лицо, только что бывшее таким добродушным, помрачнело. Глаза сверкнули холодным блеском.

— Кабанец тебе что-то сделал? — спросил он.

— Кто?

— Старший сержант Кабанец, который вчера приходил к тебе домой. Он бил тебя? Пытал? Угрожал?

Я растерялся. Переход с темы воспоминаний на сегодняшний день случился слишком быстро.

— Бил? Нет, не бил...

— Дима, поверь мне. Я не только мент, но еще и человек. Давай так: откровенность за откровенность, идет? Думаю, тебе тоже хочется кое о чем меня спросить. Чтобы помочь своему другу. Или подруге.

— Подруге? — удивился я.

— Речь о Маше. Я не буду спрашивать, где она. Просто ответь на мои вопросы, а я отвечу на твои.

Я смотрел на этого внезапно появившегося в моей жизни человека и спрашивал себя: можно ли ему довериться? Здравый смысл советовал извиниться и убежать домой, но какая-

то иррациональная часть меня тянулась к дяде Мише. Он не выглядел героем-одиночкой из американских фильмов, но зато хотел помочь.

— Только я первый!

Дядя Миша усмехнулся.

— Шустрый ты. Ну давай, спрашивай.

Вопросов у меня было не мало, и я хорошо подумал, прежде чем задать первый.

— Откуда вы знаете, что Маша не дома?

— Глупый вопрос, — вздохнул дядя Миша и достал еще одну сигарету. — Какая разница, откуда приходит знание? Главное, что оно есть — факт. Но, раз уж мы договорились... Я следил за Кабанцом, когда он пошел к тебе. Следил за тобой, когда ты выбежал из дома вслед за ним. Видел, как вы с Машей зашли в дом Брика. Заметь, я никому не сказал, что вы совершили преступление — зашли на опечатанную территорию. И я видел, как вы вместе сели в автобус. Вот и все.

Я покачал головой. За мной следили, а я даже этого не понял! Впрочем, учитывая, в каком я был состоянии...

— Кроме того, — продолжил дядя Миша, — сегодня утром ее отец подал заявление. Маша пропала и не отвечает на звонки. Трудно было не сложить два и два. А теперь мой вопрос. Брик действительно убил свою мать?

Конечно, я понимал, что придется отвечать на неприятные вопросы, но к такому готов не был. Сказать «нет»? Но что толку? Против Брика все улики, и мои слова не решат ничего. Что я мог сказать? Что видел, будто ее убил однорукий человек с повязкой на глазу?

— Да.

— Уверен?

— Да, он говорил мне об этом. Не думаю, что он врал. Он вообще никогда мне не врал.

— И почему ты ничего не сказал?

— Вы уже много вопросов задали.

— Это все следствия первого вопроса. Я пытаюсь понять Брика и тебя заодно. А еще хочу, чтобы ты сам себя понял. Меня всю жизнь гложет воспоминание о сумке той пенсионерки. А ты сокрыл информацию об убийстве. Неужели тебя это не беспокоит?

Конечно, я думал об этом. Вертел ситуацию так и эдак, но не мог, как ни старался, ощутить чувство вины.

— Нет. Мне жаль, что это произошло, в смысле, убийство, но я не считаю, что поступил плохо.

— Объясни, почему.

— Это очень сложно объяснить.

— Нет такой ситуации, объяснить которую нельзя просто.

— Ну... Я считал, что это само собой раскроется, когда придет время. Рано или поздно кто-то заинтересовался бы, почему его мать не появляется на людях, и все бы раскрылось. А скорее всего, он признался бы сам. Через некоторое время. В общем, мне не хотелось, чтобы Брика арестовали до... определенного времени.

Дядя Миша долго смотрел на меня, не говоря ни слова. Забытая сигарета тлела у него между пальцами. Наконец, он кивнул.

— Верю тебе. Складывается впечатление, что ты знаешь, о чем говоришь. И не трусость заставляла тебя молчать. Значит, как я понял, все мы ждем какого-то времени? Что-то должно произойти и положить конец этому идиотизму?

Я пожал плечами.

— Если верить Брику, то да.

— А у нас есть причины ему верить?

— У меня есть. Я видел доказательства его слов.

— А...

— Стоп! — Я хлопнул ладонью по лавочке. — Так не честно!

В глазах дяди Миши засверкали искорки.

— Эх, не дал разгуляться! — засмеялся он. — Ну давай, задавай свои вопросы. Отвечу на два сразу.

— Спасибо! — съязвил я. — Вопрос первый: почему вы не спрашиваете, где находится Брик?

— Ну, для начала, это не моя подследственность, — пожал плечами дядя Миша. — Я простой участковый. Если вдруг поймаю разыскиваемого преступника, то мне, конечно, дадут премию и, может, даже звание накиннут, но специально рыть землю носом я не обязан. Как, кстати, и все остальные в нашем участке.

— А еще?

— Что «еще»?

— Вы сказали: «для начала». Есть еще причина?

— Да, есть. Люди, с которыми я работаю, проявляют нездоровый интерес к делу. И начали его проявлять до того, как история с убийством вылезла наружу. Почему они хотят поймать Брика, я не знаю, но знаю, что убийство — всего лишь предлог. И у меня возникает вопрос: зачем взрослым людям так сильно понадобился подросток, ранее никогда не фигурировавший ни в каких преступлениях? Почему в крошечном отделе собралось столько сотрудников из города? Сдается мне, что к правосудию эта ситуация не имеет почти никакого отношения. И третья причина: я верю тебе. Верю, что Брик готов понести ответственность, когда придет время.

— Я не говорил, что он готов понести ответственность, — покачал я головой. — Я сказал, что его все равно посадят, но лучше бы это произошло как можно позже.

— Ты ведь сказал, что он сам признается.

— Возможно. Только вот... Убийство совершил не тот, кто будет признаваться. А того наказать не получится. Если попытаться, то будет только хуже.

Дядя Миша наморщил лоб.

— Речь идет о каком-то духовном перерождении?

— Можно и так сказать.

— Хорошо, пусть так. Если ты в это веришь, я приму такую идею. Задавай второй вопрос.

В этот раз я думал дольше. Хотелось задать вопрос, который заставит дядю Мишу рассказать как можно больше. Рассказать все. И я нашел нужный вопрос:

— Можно ли как-то остановить их? Ну, тех, кто ищет Брика. Ведь они же, наверное, что-то нарушают?

Дядя Миша ответил не сразу. Мимо нас медленно проковыляла пожилая женщина, опирающаяся на трость. Она посмотрела на дядю Мишу, потом на меня и вздохнула. Видимо, сочла хулиганом, с которым милиционер ведет разъяснительную беседу. Как только она удалилась на приличное расстояние, дядя Миша заговорил:

— С этого я и начал наш разговор. Я хочу их остановить, хочу, чтобы они убрались вон

из этого поселка. Но как это сделать, я не знаю. Еще неделю назад нас было двое. Я и Саша, из отдела дознания. Это он придумал называть их «зомби». Знаешь ведь о задержании Рыбина?

Я кивнул.

— Это он тогда пытался им помешать, но схлопотал по голове. В тот же день он пошел к начальнику отдела доложить о произошедшем, и не вернулся.

— Как не вернулся?

— Я видел, как он зашел в кабинет, и все. Его не стало. Телефон не доступен. Вопросе я задавать не стал, как ты понимаешь. Сделал вид, будто и не заметил исчезновения человека. Не из страха, нет. Просто понимал, что если так же исчезну и я, то людей в отделении не останется. Они и так не спускают с меня глаз. Контролируют каждый шаг. Отлучка дольше, чем на пятнадцать минут, их уже беспокоит. Я не могу даже уехать из поселка. Днем они держат меня на поводке с помощью телефона, а ночью... Знаешь ведь, из поселка есть только два выезда. И они патрулируют оба. Пару дней назад я хотел уехать, но вовремя заметил одного из них, стоящего у дороги. Я просто проехал мимо, сделал круг и вернулся домой.

Мне стало жутко. Стерегут выезды из поселка... Когда же закончится все это безумие? Сколько еще этих процентов осталось нарастить Брику?

— Кстати, — продолжил дядя Миша. — Если соберешься навестить Машу, то имей в виду: сегодня они остались на постах. Думаю, будут дежурить круглосуточно. И причина тому — ты.

— Я?

— Именно. Они ждут, когда ты соберешься встретиться с Бриком.

— Почему бы просто не следить за мной?

Тут дядя Миша усмехнулся.

— Видишь ли, Дима, у зомби есть один недостаток. Думаю, на нем можно сыграть, только я еще не придумал, как. Они, говоря простым языком, тупые. Просто по человеческим меркам: тупые. Следить незаметно у них не получится. За тобой, на расстоянии пяти метров, просто будет топтать милиционер. Их стихия — сила, а оперативная работа требует ума и хитрости. Поэтому я им немножко нужен. Знаешь, чем я сейчас занимаюсь?

— Чем?

— Вывеद्याю у тебя местонахождение Брика. Да-да, такое мне дали задание, когда увидели тебя из окна.

Я вздрогнул. Только сейчас до меня дошло, что окна отделения милиции выходят как раз на площадь. Я посмотрел в сторону здания, стоящего за фонтаном-клумбой, и похолодел. Восемь окон, частично скрытых кустами, были распахнуты настежь. В каждом окне я видел троих человек, стоящих и молча наблюдающих за мной и дядей Мишей. Разумеется, с такого расстояния они не могли ни слышать наших слов, ни даже видеть выражения лиц.

— Видишь, как эти ребята ведут слежку? — тихо сказал дядя Миша. — Не надо на них тарашиться, отвернись.

Я поспешно отвел взгляд. Посмотрел в небо.

— Наверное, лучше сейчас закончить разговор, — вздохнул дядя Миша. — Иначе даже они что-нибудь заподозрят. Пойду докладывать о результатах операции. Только сперва посмотри мне в глаза и скажи то, что они должны услышать. И так, как они должны это

услышать.

Не в тот же миг, но до меня дошел смысл его слов. Я вспомнил, как Разрушитель выхватил у меня из памяти мысли о Маше.

— Я понятия не имею, где Брик, — сказал я, глядя дяде Мише в глаза. — И я знать не хочу, где он. После всего того, что он сделал, я надеюсь, что его скоро поймают и посадят в тюрьму до конца жизни. Но помочь в этом не могу.

— Верю, — сказал дядя Миша.

Он, не прощаясь, встал и пошел в обитель зомби. Да, наверное, я говорил убедительно. Потому что, как ни крути, а причин жалеть Брика у меня не было. Он предал и использовал меня, Машу, а теперь делал то же самое с Катей. Я хотел для него самого сурового наказания, но помочь не мог.

* * *

На следующий день я решил не ходить на занятия. Было мерзко. Не представлял себе, как я буду вести себя с одноклассниками. Продолжать войну значило проиграть и рухнуть на самое дно, а прийти с повинной значило рухнуть еще ниже. Кроме того, я хотел повидать Машу.

Выйдя из дома, я увидел Разрушителя, сидящего на скамейке перед подъездом. Такой наглости я не ожидал. Думал, он будет где-нибудь неподалеку, прятаться за деревом или хотя бы притворяться, что читает газету. Но он просто сидел и смотрел на меня своим пустым взором. Молодой парень со светлыми кудрями, смешно выбивающимися из-под фуражки.

— Здравствуйте, — пробормотал я и пошел в сторону школы.

Разрушитель пошел за мной. Как и говорил дядя Миша: на расстоянии пяти метров. Это напоминало конвоирование, а не слежку.

Я изо всех сил делал вид, что не замечаю «хвоста». Вышел со двора, перебежал дорогу, посмотрев предварительно в обе стороны, и вскоре вошел в школу. Было рано, и кроме зевающего охранника я никого не увидел.

Преодолев соблазн посмотреть в окно и узнать, следует ли Разрушитель за мной, я направился к лестнице, но пошел не вверх, а вниз. Перескочил через три ступеньки, аккуратно отодвинул засов двери черного хода и оказался на заднем дворе. Как и в тот день, когда все начиналось. Только тогда мы с Бриком прятались от Рыбы, а теперь я скрывался от человека в милицейской форме.

Я пролез через дыру в заборе и углубился в лес на сотню метров. Ну вот, теперь меня не увидят из поселка. Мысленно я выстроил маршрут и стал обходить поселок по широкой дуге. Лес изобиловал тропинками, но все они вели или к катку, или к реке, или к садовым участкам. Просто не так уж много людей уходило в лес, чтобы сбить с толку преследователей. Поэтому приходилось идти бездорожьем.

Ночью прошел дождь, и к концу пути я промок по пояс. Тряпичные кеды явно не предназначались для подобных прогулок, и поэтому ступней я почти не чувствовал. Все-таки с каждым днем приближалась зима, которая в Сибири, игнорируя календарь, начинается в конце октября.

Я вышел на дорогу именно там, где рассчитывал. Спасибо Господу, что, в дополнение

ко всем моим недостаткам, он не осчастливил меня географическим кретинизмом! Через десять минут я уже ехал в автобусе, упиваясь прекрасным чувством торжества.

Оказавшись в городе, я немного послонялся по книжным отделам и магазинам с видеокассетами. Купил бутылку минералки и посидел на скамейке под внезапно пробившимся сквозь тучи солнцем — подсушил штаны и кеды. Я не торопился к Маше по двум причинам. Во-первых, Элеонора, должно быть, еще не вернулась из школы, а во-вторых, меня не отпускала параноя. За каждым углом чудились Разрушители. Наконец, решившись, я отправился к знакомому дому.

Дверь мне открыла Элеонора.

— А вот и Димочка, — пропела она, пропуская меня в прихожую. — Пришел проведать свой гарем?

— Ну, вроде того, — усмехнулся я. — Как вы тут поживаете?

— Да живы пока. Твоими молитвами. Как там обстановка? А то Машуня чего-то пригрустила в последнее время.

— Так себе, — вздохнул я. — Если есть возможность — пускай она еще немного у тебя поживет. Так безопаснее.

— Да ради бога. Честно сказать — я бы ее насовсем оставила. Целый день, как Золушка, по хозяйству мечется. На меня хоть маман блажить перестала, что дома не убираюсь. Иди, она в комнате сейчас.

Я вошел в комнату и затворил за собой дверь. Первым делом в глаза мне бросилось обилие плакатов, из-за которых просто не видно было стен. «Король и Шут», «Сектор газа», «Тараканы!», «Гражданская оборона» и еще множество названий, в основном ни о чем мне не говоривших. На письменном столе я заметил карандашницу в виде черепа. Да, Элеонора и впрямь была человеком веселым.

Маша стояла у окна.

— Привет! — сказал я.

Она не ответила, даже не шевельнулась. На ней была та же самая одежда, что и в минувшую пятницу: тонкая коричневая кофта и темно-серая юбка, немного не достигающая до колен. Колготок не было. Мой взгляд скользнул по ее ногам, потом вернулся к напряженным плечам. Желание обнять ее было нестерпимым, но страх быть отвергнутым оказался сильнее. После той страшной ночи Маша стала для меня чужой. Я смотрел на нее и видел незнакомую девушку, жизнь которой практически не пересекается с моей. Мне было жаль, что в сложившейся ситуации ей приходится полагаться на меня.

— Маша, как ты? — спросил я спустя несколько минут, перебрав мысленно сотню вариантов обращений.

Ни слова в ответ. Задержав дыхание, я подошел к ней, положил руку на плечо и услышал тихий вздох.

— Я хочу домой, — сказала она.

Я зажмурился и закусил губу. Как будто меня вызвали к доске читать наизусть длинное стихотворение. Голос сразу пропадает, я начинаю еле слышно пищать, запинаясь и забывая слова. Одноклассники сперва морщатся и подаются вперед, пытаюсь расслышать что-то, но теряют терпение и начинают переговариваться меж собой. И мне безумно стыдно, что я так бездарно трачу их время. Хочется сказать: «Я не виноват! Учительница не отпустит меня, пока я не дожую эту жвачку! Пожалуйста, еще хоть минуточку, сделайте вид, что внимательно слушаете, и я уйду!»

— Потерпи еще немного, — сказал я.

— Не хочу. Дима, я не хочу!

— Неужели здесь так плохо?

— Здесь прекрасно! — Она повернулась ко мне, и я увидел слезы в ее глазах. — Но я здесь чужая. Я не могу больше так. Сидеть целыми днями взаперти, никого не видя. Ничего не... У меня даже одежды другой нет! Даже белья!

— Я могу купить, что нужно...

Маша перестала сдерживаться. Слезы потекли по щекам.

— Да не нужно мне ничего! — крикнула она и упала ничком на кровать.

Я молча смотрел на ее дрожащие от рыданий плечи и не знал, как поступить. Что я мог ей сказать? Снова и снова повторять, что нужно потерпеть, что это для ее же блага? Она и так это понимала.

— Димка! — Я обернулся и увидел Элеонору. — Ну-ка, подь сюды!

Это было маленькое спасение. Будто учительница машет рукой и разрешает рассказать стихотворение после уроков. Я сделал лишь пару шагов, а потом Эля схватила меня за руку и буквально выволокла за дверь.

— Короче, — шепотом сообщила она мне в кухне. — По-моему, твоя подруга в залете.

— В... Что?

— Ну, так бывает, знаешь. Пестик, тычинка, туда-сюда. Палка, палка, огуречик — вот и вышел человек.

Я схватился за голову.

— Ты уверена?

— Я ж не гинеколог! — фыркнула Эля. — Просто у нее настроение меняется со скоростью света. Вчера и сегодня утром ее рвало. А еще она постоянно на мои прокладки косится, как голодная, но не просит.

Так страшно мне не было, даже когда Разрушитель угрожал отрезать пальцы. Маша беременна! Что же делать? Как быть? И во всем виноват этот чертов Брик со своей трижды проклятой «Техникой секса»!

— Ублюдок, — прошептал я. — Вот ублюдок!

— Технически — да. — Тон Элеоноры оставался невозмутимым. — Но вы еще можете успеть расписаться.

— А? — повернулся я к ней.

— Ну, это... в ЗАГСе. Тогда ребенок родится в законе, все пучком. А вообще, на будущее, есть такая интересная штука — презерватив называется. Папа не рассказывал?

— Это не мой ребенок, — сказал я.

— Вот как? А чей же?

— Одного уроды. Который, надеюсь, в ближайшие дни покинет этот мир навсегда.

Элеонора шлепнула меня ладошкой по голове.

— А ты какой-то злобненький стал, Димочка, — констатировала она. — Подрос, что ли? Не вздумай никого убивать! Если тебя еще и посадят, кто будет нашей принцессе десять лет сопلي подтирать? Опять все на меня, на мои хрупкие плечики! Ее не жалко — так меня хоть пожалей!

Я улыбнулся. Элеонора обладала волшебной способностью дарить уверенность в любой ситуации. Самые страшные проблемы, озвученные ее тонким, но дерзким голоском, становились не такими уж страшными, а то и вовсе смешными. Я даже подумал рассказать

ей о Брике и о Разрушителях, но все же отказался от этой идеи.

— Надо с ней поговорить! — Я двинулся в сторону комнаты.

— Ты с психологом своим поговори! — Эля вцепилась мне в запястье. — Хватит, наговорились уже. Устроили мне на кровати море-океан. Дуй в свой сраный поселок и решай свои проблемы. А тут я сама разберусь. Не нагнетай.

— Ты уверена?

— Уверенность — не беременность, иногда и сама проходит. Постараюсь. Давай, вали, задолбал!

Обшарпанная деревянная дверь закрылась за мной. Я немного постоял на лестничной площадке, приходя в себя. Потом стукнул кулаком по перилам. Да почему я опять обвиняю себя во всем?! Кашу заварил Брик. И с Разрушителями, и с Машей. А я всего лишь пытаюсь помочь Маше! Я ни в чем не виноват!

Внушив себе эту мысль, я вышел из подъезда и направился к остановке. Только в глубине души таилось смутное осознание того, что на самом деле во всем виноват я. Почему-то вспомнился рассказ дяди Миши про ограбленную старушку. Этот человек винил себя в том, что просто ничего не сделал. А что сделал я, чтобы Маша не связалась с Бриком? Попросил ее подготовить меня к танцу с Жанной?

* * *

Моя ошибка состояла в том, что я слишком задумался на пути домой. Не замечал ничего вокруг. Краем глаза отметил, что на лавочке возле подъезда сидят двое. Я уже был готов встретить пустой взгляд Разрушителя и не боялся. Да и беременность Маши занимала меня куда больше.

Они преградили мне путь, и только тогда я вынырнул в реальный мир. Да, один был тем самым белокурый Разрушителем. А вот второй... Я хорошо знал этого пожилого лысеющего мужчину в черном пальто. Передо мной был отец Маши.

— Где она? — спросил Разрушитель, глядя на меня своими мертвыми глазами.

— Кто? — чуть слышно сказал я.

— Куда ты дел мою дочь, мелкий засранец? — высоким голосом вскрикнул отец Маши.

— Я... Вениамин Геннадьевич, я...

Он с размаху врезал мне по щеке, и я отшатнулся. Наверное, Разрушитель решил, что я собираюсь бежать. Он шагнул вперед и стиснул мне руку. Вырваться из этих клещей не представлялось возможным.

— Ты знаешь, кто я? — визжал на меня Вениамин Геннадьевич. — Знаешь, засранец? Да у меня везде связи! Я тебя могу пожизненно закрыть, если захочу!

Наверное, он не врал. Я знал, что Вениамин Геннадьевич водил знакомство с мэром города, который, к слову, тоже жил в нашем поселке. А еще отец Маши занимал какую-то солидную должность на ГРЭС, где работал мой папа.

— И отца твоего я в любой момент могу безработным оставить! — продолжал орать Вениамин Геннадьевич. — Причем так, что его даже сторожем никуда не возьмут в этом городе! Соображаешь, с кем ты связался?

— Я не знаю, где она! — закричал и я, потеряв голову от страха и обиды. Если бы я мог объяснить ему, что защищаю Машу! С его возможностями мы бы смогли защитить ее куда

лучше!

Он отвесил мне еще одну пощечину. Потом Разрушитель схватил меня за подбородок и, наклонившись так близко, что наши носы почти соприкоснулись, прошипел:

— Куда ты только что ездил?

Я второй раз попался на ту же удочку. Как только Разрушитель задал свой вопрос, в голове у меня вспыхнула квартира Элеоноры. Маша, плачущая на кровати. Я спохватился и подумал о том, что они не должны узнать адрес, но сознание сыграло злую шутку. Я тут же в деталях представил себе дорогу к дому Эли.

— Поехали! — улыбнулся Разрушитель.

— Нет! — Я рванулся, но крепкие пальцы удержали меня. — Нет там никого! Это просто фантазия!

Меня уже не слушали. К подъезду подкатил «УАЗ». Меня толкнули на заднее сиденье. Рядом, шумно сопя, уселся Вениамин. Белобрысый Разрушитель сел рядом с водителем, в котором я узнал того самого милиционера, что приходил ко мне домой в первый раз, принеся весть об убийстве Мартына.

Автомобиль тронулся. Я закрыл глаза. Странное чувство пустоты внутри пожрало все чувства. Конец... Они схватят Машу, и что? Будут допрашивать, это понятно. Но она не сможет им ничего сказать! Оборвется единственная их нить. Как они поступят? Отпустят всех? Это ведь Разрушители. Что если им взбредет в голову использовать Машу, как заложницу? Или убить ее?

— Заложница, — вдруг сказал белобрысый и посмотрел на водителя. Тот кивнул.

Проклятье! Я сжал кулаки и стиснул зубы, пытаюсь хотя бы сдержать слезы.

— На что надеялся-то? — пискнул Вениамин. — Думал, так все и останется, а потом само рассосется?

— Надеялся, — прошептал я.

— Ох, я тебе устрою сладкую жизнь!

Я посмотрел на Вениамина. Его лицо расплывалось в жестокой улыбке. Нет, было бесполезно что-либо объяснять этому человеку. Не за оставшиеся пятнадцать минут. Я пожалел, что не могу, как Брик, «изменить сознание».

Я сидел и тупо смотрел на дорогу. Ни единого шанса что-либо изменить. Драться с Разрушителями? Смешно! Только стихийное бедствие сможет их остановить.

По встречной полосе ехал грузовик. Я заметил его, когда расстояние между машинами составляло сотню метров, не более. Решение возникло мгновенно. Меньше чем за секунду я преодолел все: страх смерти, сомнения, раскаяние, и даже снова вспомнил про ту пенсионерку, которую обокрал Ванька Косяк.

Я рванулся вперед, вцепился в руль обеими руками и рванул его влево. Автомобиль вильнул. В этот миг исчезло абсолютно все. Где-то раздавались крики, кто-то меня бил, кто-то схватил за волосы, но все мое восприятие сузилось до уродливой морды грузовика, которая становилась все ближе. Я хотел смерти, молил о ней бога!

Подавая басовитые сигналы, грузовик пролетел в сантиметре от нас. А я очнулся на заднем сиденье. Болели руки, пальцы. Из головы, судя по всему, выдрали клочок волос, по лицу текла кровь. И перед собой я увидел дуло пистолета. В меня целился белобрысый.

— Не двигайся. Пристрелю, — сказал он.

— Стреляй! — Я попытался вцепиться в пистолет, но белобрысый отвел руку назад.

— Это он, наверное, наркоты обожрался, подонок! — Голос Вениамина дрожал.

Разрушитель проигнорировал его. Он убрал пистолет, но продолжал на меня смотреть.

— Хочешь умереть? — вдруг спросил он.

— Мечтаю с первого класса! — огрызнулся я.

— Почему?

— По кочану.

— Почему ты хочешь умереть? — Белобрысый немного помешкал и добавил: — Дима.

Я хотел обрушить на него целый ушат ругательств, но почему-то сдержался.

— От меня все равно никакого толку в жизни, — сказал я, отводя взгляд.

Больше белобрысый не задавал вопросов, но весь оставшийся путь смотрел на меня. Как будто думал о чем-то. Если Разрушители способны думать.

Через пять минут «УАЗ» остановился во дворе дома Элеоноры. Вениамин лично вытащил меня из машины.

— Ничего не скажешь? — пискнул он, глядя на меня.

— Я не похищал вашу дочь.

— Сейчас посмотрим! Вы точно знаете, что она здесь?

— Точно знаем, — ответил водитель, который тоже вышел. Неподалеку что-то звякнуло и, обернувшись, я увидел около соседнего подъезда точно такой же «УАЗ», только без специальной раскраски. Капот открыт, на земле, между колесами, расстелена тряпка. Из-под кузова торчали чьи-то ноги. Видимо, хозяин ремонтировал свой автомобиль.

— Вперед! — Белобрысый потянул меня за руку.

Мы зашли в подъезд и стали подниматься по лестнице.

— Ее там нет! — повторял я. — Я понятия не имею, где Маша, я не похищал ее!

Мне никто не отвечал. Последняя надежда была на Элеонору. Вдруг она сумеет что-нибудь придумать? В сообразительности ей не откажешь!

И вот, та самая деревянная дверь. Белобрысый постучал, потом еще раз — громче. Тишина. Они с водителем переглянулись. Потом белобрысый резко ударил ногой, и дверь вылетела из проема. Я вздрогнул, как и Вениамин.

— Послушайте, а это... — пробормотал он.

Никто ему не ответил. Разрушители вошли внутрь. Один прошел в кухню, другой открыл дверь в ту комнату, где я час назад говорил с Машей. Вениамин переступил порог, и я шагнул следом. По идее, Элеонора уже должна была поднять крик и пообещать всем и каждому жестокое выщарапывание глаз, а то и претворить эту угрозу в жизнь. Но в квартире не раздалось ни звука. Белобрысый вышел из комнаты и открыл дверь в ванную. Пусто. Водитель наведалься во вторую комнату.

— Ее здесь нет? — спросил Вениамин.

— Нет, — бесстрастно ответил белобрысый.

— Вы же были уверены!

— Мы ошиблись. Наверное, это и правда была фантазия мальчишки.

— Что? — вскричал Вениамин. — Да вы вообще расследовать умеете? Что, наудачу в квартиру вломились? Дебилы!

— Я же говорил, что не знаю, где Маша, — вставил я.

Белобрысый посмотрел мне в глаза. На этот раз я был готов и представил себе Машу в милицейской форме на площади, где мы сидели с дядей Мишей. Образ возник спонтанно, но получился очень ярким. Белобрысый дернулся, но сообразил, что все это бред.

— Кто здесь живет? — повернулся ко мне Вениамин.

— Моя подруга Элеонора, — отчитался я. — Мы с ней познакомились недавно. Когда я с ней, то представляю себе Машу. Потому что безумно люблю ее, а она меня отвергает.

— Да плевать мне, кого ты себе представляешь! — заорал Вениамин.

Но его реакция меня не волновала. Я смотрел на Разрушителей. Кажется, они поверили. Переглянулись и даже вроде бы пожали плечами.

— Не смеем больше вас задерживать, — сказал белобрысый.

— Задерживать? Да это вас, уважаемые, скоро задержат! — кипятился Вениамин. — Если сегодня к вечеру дочь не вернется домой, я вам устрою! Полетят погоны!

Разрушители не обращали на него внимания. Они вышли из квартиры и двинулись вниз. Следом бежал Вениамин, расточая угрозы. Я задержался, чтобы поднять дверь. Приладил ее, как мог, прикрыв проем. Видно, конечно, что выбита, но все же...

Я не знал, что думать. Куда могли деться Маша с Элеонорой? Может, несмотря на мои предостережения, отправились гулять? Если так, то это самое счастливое стечение обстоятельств, какое только можно вообразить.

Когда я вышел на улицу, «УАЗ» уже отъезжал. Вениамин не поехал. Я видел его удаляющуюся спину уже возле соседнего дома. Он говорил по телефону, и мне было жаль ушей собеседника — визг Вениамина достиг своего пика.

— Надеюсь, теперь ты простишь меня? — послышался знакомый голос.

Я резко повернулся. Парень, чинивший другой «УАЗ», выполз из-под него и оказался... Бриком.

— Ты? — выдохнул я. — Что ты тут делаешь?

— Я разбирался в устройстве автомобиля, чтобы суметь представить себе его в деталях.

Я сжал кулаки.

— Боря, тебе что, совсем крышу снесло? Я думал, ты хотя бы уехал из города, а ты тут... машины изучаешь?

— Не зная, как выглядят детали, я не смогу управлять ими, — пожал плечами Брик. — Подожди секунду, хорошо? Они почти выбрались за пределы моих возможностей.

Он закрыл глаза и поднял палец, будто меломан, внимающий музыке. Вместо музыки грянул взрыв. Рвануло достаточно далеко, но я услышал звон металла, падающего на асфальт, и чей-то крик.

— Ты что... взорвал их? — спросил я.

— Ну да. Мелочь, конечно, но приятно.

В голове стало пусто. Я не знал, как относиться к произошедшему. Видя мое замешательство, Брик улыбнулся еще шире. Он поднялся на ноги и постучал по стеклу пассажирской двери.

— И второй сюрприз! — воскликнул он.

Из машины, целая и невредимая, выбралась Маша. Я не успел даже ахнуть, как она подбежала ко мне, обняла и прижалась. Снова плакала, но уже не так, как тогда, на кровати. Теперь мне было позволено осушить эти слезы.

— Дима, — всхлипывала она. — Господи, я так испугалась! Он рассказал мне, как ты пытался убить их по дороге!

Я посмотрел на Брика, и он отвел взгляд, пожав плечами. Маленький хитрый поганец!

Я погладил спину Маши, коснулся губами ее волос.

— Все будет хорошо, обещаю, — шепнул я.

Она только сильнее прижалась ко мне. А из «УАЗа» тем временем выбиралась

Элеонора, напоминая очаровательное рыжее божество, готовое метать молнии и вызывать ураганы.

— Какой-то недомерок-телепат вытаскивает МЕНЯ из МОЕЙ квартиры! — завопил: она. — Ко мне домой приезжают какие-то поганые менты! Это так ты свои проблемы решаешь, Димочка?

Маша подняла голову и сквозь слезы улыбнулась мне.

— Тебе там, кстати, дверь выбили, — сказал я. — Прости, ничего не мог сделать.

— Что?! — Элеонора даже подпрыгнула. — Дверь? Димка, твою мать, я сейчас ей богу тебе глазницы дочиста выскребу! Козлина! Джеймс Бонд сраный! Да прекратите вы лизаться, я с вами разговариваю!

Утихомирить Элеонору было не так уж сложно. Помог Брик со своими безупречными манерами и ледяным спокойствием. Да и сама она не могла долго сердиться. В конце концов, она плюнула и дернула Машу за рукав кофты.

— Пошли, красотка, дверь чинить! Мужиков-то у нас нету, что поделаешь! Папке сообщение кину, чтоб замок купил.

Мы с Бриком остались одни.

— Ты простил меня? — спросил он.

— Не знаю.

— Что еще я могу для тебя сделать?

— Для меня? — возмутился я. — А ничего, что ты свои косяки сейчас разгребашь?

— Так и есть, — кивнул он. — Но потеря Маши для меня ничего бы не значила. А для тебя?

Тут мне возразить было нечего.

— Что теперь будешь делать?

— Прятаться больше не стану. Я вернусь в поселок завтра ночью и приму бой. Больше я никому не позволю пострадать из-за меня. Спасибо тебе, что помог мне постичь это. Девяносто шесть процентов. Никаких шансов, что мне удастся прорваться, но, кажется, я заражаюсь человеческим фатализмом.

Я покачал головой.

— Никогда бы не думал, что можно логически рассуждать о подобных вещах.

— Ты о фатализме?

— Ага.

Я достал телефон и посмотрел на дисплей. Уже пятый час.

— Поезжай домой, — сказал Брик. — И постарайся не попасться.

— А ты?

— Я вернусь завтра. Обещаю. Скорее всего, это наша последняя встреча. Не выходи из дома завтра вечером. А лучше и днем не выходи.

— Значит, все?

— Все.

Я смотрел на него. На человека, который, пусть и недолго, но все же был моим другом. Человека, который предал меня, но вернулся и признал свои ошибки. А завтра его не станет. К горлу подкатил комок.

— Мог бы и додуматься дверь открытой оставить, — вырвалось у меня.

— Чё? — Брик искренне удивился.

— У Элеоноры. Вечно от тебя одни проблемы!

Под конец фразы я против воли улыбался. Брик ответил на мою улыбку. Я протянул руку, но Брик порывистым движением обнял меня.

— Что бы ни случилось, — тихо сказал он, — не сдавайся. Слышишь? Если я погибну, Вселенная будет обречена, но мои братья не перестанут сражаться. Не останавливайся и ты. Обещаешь?

— Какой из меня боец? — вздохнул я.

— Дима! — Брик отстранился от меня. — Ты сумел увести Машу из-под носа Разрушителя. Придумал, как ее спрятать. И не боялся лишиться жизни, защищая ее. Девяносто процентов людей в такой ситуации просто сидели бы, сложа руки. Так что не говори так о себе. Поверь мне: ты можешь идти один. Иди, и никогда не останавливайся!

Он развернулся и быстро зашагал прочь. Я смотрел ему вслед до тех пор, пока он не скрылся за домом. Я видел его в последний раз, и на душе от этого было погано донельзя.

Глава 16

Вселенная в безопасности

Несмотря на предостережение Брика, утром я все же отправился в школу. Внешне поводом для этого послужили разглагольствования матери о том, что мне обязательно нужно хорошо учиться, чтобы сдать Великий и Ужасный ЕГЭ. На самом же деле я больше не мог сидеть дома. Всю ночь то валялся на кровати, то садился за письменный стол и пытался читать. После пережитого уснуть не получалось.

То я вспоминал, как чуть не загнал «УАЗ» под грузовик, то улыбался, воскрешая в памяти радостные слезы и объятия Маши. И еще я думал о Жанне. Внезапно она стала такой далекой, будто и вовсе никогда не существовала. Перед тем, как исчезнуть, она сказала, что останется для меня Звездочкой. Так и вышло. Жанна была прекрасной сказкой, в которой мне довелось поучаствовать. И, вспоминая наш невинный поцелуй, я снова и снова переживал это чувство, когда радость, страх, отчаяние и любовь, сплетясь воедино, разрывают сердце на части.

Когда тьма за окном посерела, я понял, что не вынесу целого дня наедине со своими воспоминаниями.

До школы меня проводил новый Разрушитель. На этот раз — здоровенный амбал, взгляд которого, наверное, и до всех этих происшествий не отличался осмысленностью. Бессонная ночь притупила во мне чувство страха, и я даже попытался завести разговор со своим конвоиром.

— Как служба? — спросил я.

Он промолчал.

— Тяжело, наверное, всегда что-то разрушать? Представляю... Носишься в космосе, как дурак, планеты пинаешь, звезды тушишь. Вы тут, наверное, как в отпуске. За месяц только одного Мартынку угробили.

Амбал снизошел до ответа:

— Где Брик?

— «Break on through, to the other side», — пошутил я.

— Врешь, мы бы почувствовали, — ответил амбал, чем изрядно меня удивил.

— Какие вы чувствительные... Ну ладно, спасибо, что проводил. Если увижу Брика — сразу скажу ему, что вы его ищете. Обещаю.

Как будто ситуация была недостаточно дурацкой, амбал с важным видом кивнул.

Класс встретил меня враждебной настороженностью. Настя отвернулась, придав своему личику выражение вселенской скорби. Петя выпятил губу, демонстрируя презрение. Остальные просто игнорировали меня, некоторые перешептывались. Мне было плевать.

Софья Николаевна весь урок казалась печальной, а когда прозвенел звонок, подошла ко мне и сказала, что на последнее заседание кружка пришло только два человека.

— Маша была? — спросил я.

— Нет. Из десятого класса двое, — вздохнула учительница. — Ты придешь сегодня? Будем обсуждать «Гарри Поттера».

— Извините, но у меня сегодня не получится.

Софья Николаевна совсем поникла, и я решил ее подбодрить.

— На следующей неделе приду обязательно. И Маша тоже.

— Она нашлась? — встрепелулась Софья Николаевна.

Я мысленно обругал себя за эту оговорку.

— Да, нашлась. Звонила мне. Сказала, что завтра вернется в поселок. Там какие-то обстоятельства у нее были, но теперь, вроде, все хорошо.

Я поспешил выйти из класса.

На большой перемене ко мне вразвалочку подошел Петя.

— Извиниться не хочешь? — поинтересовался он.

— Не-а, — ответил я.

— Лучше бы переступил через гордость. Тебя весь класс игнорит, если что.

Я усмехнулся:

— То есть, все как обычно?

Петя нахмурился. Разговор явно шел не по плану.

— Настюху зачем обидел? — продолжал он гундеть. — Она плакала вчера. Из-за тебя. И мне тоже, знаешь, неприятно, когда такое высказывают.

— Правду всегда неприятно слышать. Особенно если привык врать сам себе.

— Знаешь, иногда правду лучше не говорить. Так в жизни бывает, что...

— Ты сейчас что делаешь? — Я впился в него взглядом, с трудом подавляя желание устроить драку.

— В смысле? Жизни тебя, дурака, учу!

— Нет, Петя. Ты пытаешься вспомнить все те фразы, которые слышал в идиотских фильмах, и выдать их за свою мудрость. Кто ты такой, чтобы учить меня жизни? Ты ее знаешь хоть немного, эту жизнь?

— Я-то знаю! — Петя вздернул подбородок.

— Ничего ты не знаешь. Потому что ты ничего никогда не терял. Когда у тебя отнимут самое дорогое, ты узнаешь, что такое жизнь. И тебе никого не захочется учить жизни. Сдохнуть захочется — вот это да!

— Чего ты мелешь? — сморщился Петя. — Тебе, может, по роже настучать?

Я встал, с грохотом отодвинув парту.

— Пошли.

Глаза старосты забегали.

— Не боишься? — спросил он, потеряв всякую воинственность.

— Ты меня ничем напугать не сможешь. Пошли, время есть.

— Ни фиги, ты смелый какой стал! Что ж с тобой такого Жанна сделала?

Только глухой не услышал бы ревности в его словах, но мне было плевать на его чувства. Я размахнулся и ударил его по лицу. Петя успел отклониться, и удар настиг его на излете.

— Задний двор, — процедил он сквозь зубы и вышел из класса.

Я огляделся. Да, опять все таращатся. Даже Рыба с Семеном смотрели на меня, как ни странно, без смеха. Я вышел вслед за Петей.

* * *

Он ждал меня на заднем дворе. Стоял, широко расставив ноги и уперев руки в бока.

— Короче, так, — сплюнул он. — Последний шанс извиниться. Сейчас, передо мной, а

потом — перед всем классом.

— Я не извиняться пришел, — сказал я, усиленно загоня свою робость в самый глухой уголок души.

— Хочешь драться? — прищурился староста. — Я же тебя урою.

— И что? — Я пожал плечами.

— В смысле, «и что»? — Петя нервничал, не находя ожидаемого отклика.

— В том смысле, что мне плевать, — пояснил я. — Уроешь так уроешь. Но я, пока жив, не сдамся.

Я сжал кулаки. Петя, закатив глаза, принялся демонстративно закатывать рукава своей рубашки. Хлопнула дверь черного хода. Я обернулся, и в глазах на мгновение потемнело. К нам приближались Семен и Рыба.

— Здорово, пацаны! — улыбнулся им Петя. — Я его попинаю чуть-чуть, а потом вы развлекайтесь.

Семен стал по левое плечо от меня, Рыба — по правое.

— Это чего такое? — опешил староста.

— Это ты берега попутал, мажор, — улыбнулся ему Семен.

Петя посмотрел на Рыбу и развел руки в стороны.

— Саня, вы чего? — В этот момент староста выглядел жалко.

Рыба повернулся ко мне и заговорил. Впервые за все школьные годы он говорил со мной, не пытаясь унижить.

— Он с Жанной замутил, чтобы тебя опустить, — сказал Рыба то, о чем я и сам уже догадывался. — Жанна над тобой стебаться не стала, и он взбесился. Заплатил нам, чтобы мы тебя тогда избил.

Вот это уже было новостью. Заплатил? Петя?! Я посмотрел на него, отказываясь верить в этот бред, но побледневшее лицо старосты не оставляло сомнений.

— Если хочешь, — продолжал Рыба, — мы его сейчас накажем, как полагается.

— Бил-то ты! — взвизгнул Петя, отступая назад.

— Бил я, — кивнул Рыба и снова повернулся ко мне. — Ну что?

Я еще никогда не чувствовал такой силы и такой злости, как сейчас. Нас было трое, и мы могли бы, наверное, убить Петю, если бы я этого захотел. Но я сдержался. Закрыв глаза и покачал головой.

— Свалил отсюда, — скомандовал Рыба.

Петя не торопился. Он показал на меня пальцем и закричал:

— Ты слышал, что он вчера в классе говорил? Он не только на меня наехал, он весь класс в дерьмо натыкал носом!

— Он что, не по делу высказался? — пожал плечами Рыба. — Я про тебя еще и добавить могу.

— Я так сделаю, что ты ни по одному предмету экзамен не сдашь, — прошипел Петя, выбрасывая последний козырь.

— Базару нет. А я так сделаю, что тебе сегодня вечером ноги сломают. А завтра — руки. И мама твоя может домой не вернуться однажды. Шепну кой-чего одному уважаемому человеку. Что задергался? Пошел отсюда.

Больше Петя ничего не сказал. Скрипнув зубами, он прошел мимо нас и всего лишь громко хлопнул железной дверью. Я повернулся к Рыбе.

— Почему? — спросил я.

Рыба отвел взгляд. Помолчал, будто собираясь с мыслями, а потом сказал:

— Ты не смеялся тогда надо мной. Ты понял.

Они ушли. Я опустился на корточки, уступая дрожащим коленям. В голове была путаница. Я не верил, не мог поверить в то, что Рыба внезапно решил меня защитить. В памяти всплыли сцены, которые я увидел в голове Рыбы тем вечером. Наверное, он тоже был там. Как я чувствовал его страх, так и он чувствовал мой. Неужели этого оказалось достаточно, чтобы изменить отношение ко мне?

* * *

Уроки закончились в три часа. Я медленным шагом направлялся к дому. Все, что мне нужно было сделать, это набраться терпения и ждать. Когда утром встанет солнце, все вернется на круги своя. Я буду по-прежнему ходить в школу, готовиться к экзаменам. Маша придет в себя и забудет обо мне. Отец подыщет ей прекрасного мужа, и они будут жить долго и счастливо. Я поступлю в институт, выучусь какой-нибудь специальности и стану работать. Копить на машину, копить на квартиру, потом на еще одну машину и еще одну квартиру. Так же, как все.

Дома было тихо и пусто. Я слонялся из комнаты в комнату, включал и выключал телевизор. Выпил чаю, умылся, потрогал учебники. Поставил на зарядку телефон. Попытался вздремнуть, но не мог сомкнуть глаз.

В половине шестого пришла с работы мама. Я успел пожарить картошки и удостоился похвалы.

— Как в школе? — спросила мама, садясь за стол.

Я поставил перед ней тарелку, достал из холодильника молоко и майонез, потом сел напротив мамы.

— Испортил отношения с классом. Высказал все, что накипело, и они от меня отвернулись. А человек, которого я считал врагом, внезапно стал на мою сторону. Софья Николаевна переживает за книжный клуб. Туда почти никто не ходит, и она сейчас как маленькая девочка, расстроенная такая. Пообещал, что приду...

— Ты что за ерунду городишь? — нахмурилась мама. — Наполучал чего?

Я смотрел в глаза собственной матери и видел в них пустоту. Может быть, Брик попался раньше, чем планировал, и все уже закончилось? Или так было всегда, просто я не замечал?

— Ну? — не отставала мама.

Я встал.

— Мне нужно идти.

— Куда это? — Она округлила глаза, отложила вилку в сторону.

Я не ответил. Мама кричала, потом, сообразив, что крики не работают, начала плакать. А когда не подействовали слезы, снова закричала о том, что я сдохну на улице в нищете и забвении, но еще прежде загоню ее в гроб.

«Какая разница? — думал я, обуваясь. — Жить так, как вы мечтаете, или умереть? Умереть хотя бы можно с достоинством». Мне снова вспомнился хриплый сигнал проезжающего мимо грузовика. Лучше бы мне погибнуть тогда. Я бы умер со счастливым осознанием того, что сделал все возможное. Теперь же я в этой истории — лишь ненужный придаток, от которого никакой пользы.

Уже стемнело. Дул ветер, и я пожалел, что не надел шапку: с каждым днем холодало все больше. Возле подъезда сидел Разрушитель. Тот самый, что преследовал меня этим утром. Сделав несколько шагов, я убедился, что он плетется за мной, и остановился. Ну да, он хочет, чтобы я вывел его на Брика. А я что собираюсь сделать?

Жесткие подошвы моих осенних ботинок отчетливо стучали по растрескавшемуся асфальту. Шаги Разрушителя звучали более увесисто и гулко. Кроме нас двоих на улице никого не было — после заката поселок словно вымирал. Сегодня не слышалось даже молодежных посиделок, которые обычно проходили на пустеющем рынке.

Я пошел в сторону, противоположную дому Брика. Просто наугад, надеясь, что амбал устанет и пойдет своей дорогой. Глупая надежда, но другой не было. Мы вышли на окраину поселка, напротив больничного городка, и поплелись по огибающей дороге. Я начал зевать. Почему-то прохладный воздух заставил меня почувствовать, как я устал и хочу спать. Чтобы взбодриться, я решил поиграть: заложил руки за голову и немного наклонился вперед. Теперь казалось, что здоровенный милиционер действительно меня куда-то конвоирует.

«Чего ты пытаешься добиться?» — Голос Брика не послышался, но просто как-то возник у меня в голове. «Ты знаешь», — подумал я.

«Глупо».

«По-другому я не могу».

Голос помолчал. Потом вздохнул: «Ладно. Справа от тебя дом. Видишь пожарную лестницу? Забирайся на крышу! Быстро, но без суеты. Как будто это — часть твоей прогулки».

Я повернул голову и увидел лестницу. Нижняя ступенька находилась высоко, но я прикинул, что смогу допрыгнуть. А уж подтянуться один раз я точно смогу — это и физрук Федор Семенович подтвердит под присягой.

Я подошел к лестнице, по пути трансформировав позу подконвойного в элегантное потягивание. Подпрыгнул и повис на нижней ступеньке. Подтянулся и, несколько раз больно стукнувшись, неуклюже начал карабкаться вверх.

— Зачем тебе на крышу? — послышался унылый голос амбала.

— Ну как зачем? — Я пожал плечами, насколько это было возможно. — Искать приключений.

— Зачем?

— За сахаром!

— Там нет сахара.

— Ну, значит, положу, чтобы был.

Я почувствовал, как содрогнулась металлическая лестница — амбал полез следом. «Быстрее!» — прошелестел голос Брика. «Легко тебе говорить!» Не то чтобы я боялся высоты. Скажем, однажды я спокойно смотрел вниз с крыши девятиэтажки. Но туда я выбирался через чердак. А тут, когда жизнь зависит лишь от того, насколько крепко ухватишься за следующую ступеньку, ощущение было совсем другим. Я старался не смотреть вниз и считал окна. Вот, наконец, минуло пятое, и я, перебравшись через низенькую ограду, оказался на крыше.

«Что дальше?» — спросил я. Голос ответил немедленно: «Один удар. Потом беги на другой конец крыши». «Что? Удар?» — удивился я. «Да. Бей ногой, когда он отпустит одну руку».

Не было времени рассуждать — над крышей показалась фуражка. Амбал поднялся еще

выше, отпустил одну руку и потянулся к ограждению. «Бей!» Позиция оказалась чудовищно невыгодной. Я мог бы ударить его носком ботинка, но, учитывая комплекцию противника, вряд ли это привело бы к чему-нибудь путному. Поэтому я упал на бок, одновременно выбросив ногу вперед, вложив в удар все тело. Каблук врезался в лоб Разрушителя. Тот отшатнулся и взмахнул руками. Фуражка слетела с головы, а мгновением позже следом полетел и ее хозяин.

«Беги!»

Я, стараясь не думать о том, что секунду назад, наверное, убил человека, побежал вдоль края крыши. «Теперь прыгай!» «Что?!» «Прыгай вниз, я замедлю твоё падение!»

Я стоял. Секунды шли. «Дима, доверься мне. Я не брошу тебя больше». И тут я ощутил словно какую-то щекотку в затылке. Страх исчез, стало легко и приятно. «Это так ты меняешь сознание, да?» «Да. Извини, просто времени нет. Ты сам решил вмешаться». «Ладно, потом ты мне за это ответишь!»

Я прыгнул вниз и почувствовал, как моя одежда и обувь словно тянут вверх, действительно замедляя падение. Я приземлился спустя несколько секунд, даже не согнув коленей. «Иди ко мне через лес. Я буду вести тебя».

Так же, как вчера, я шел лесом, прячась от Разрушителей. Только теперь непроглядная тьма скрывала все ориентиры, и если бы не спокойный голос Брика, направлявший меня и предупреждавший об особо опасных канавах и ветвях, я десять раз успел бы переломать себе все конечности.

Дорога заняла всего двадцать минут, показавшиеся мне двадцатью часами. Я вышел к дому Брика со стороны леса и перелез через забор.

— Отдаешь себе отчет в том, чем рискуешь? — Ко мне приближался живой, настоящий Брик с его неприятным голосом и до смешного круглым лицом.

— Ага! — улыбнулся я. — Я рисковал больше никогда тебя не увидеть.

Он остановился в паре метров от меня и нахмурился.

— Зачем тебе это?

— Ты мой друг.

— До сих пор? Несмотря на все, что я сделал?

— Будь у меня десять друзей, наверное, сейчас я спал бы дома. Но у меня один друг.

Брик улыбнулся и махнул рукой.

— Пошли. Я только что вскипятил чайник.

* * *

В доме был все тот же бедлам, что и во время моего последнего визита. Только в кухне Брик немного прибрался.

— Чай или кофе? — спросил он, ставя на стол кружки.

— Кофе.

— Ты сколько уже не спишь?

— Выплююсь завтра.

Он налил кофе и сел напротив меня. Я сидел спиной к окну, из которого сочился тусклый свет фонаря.

— Не включишь свет? — спросил я. В полумраке было неудобно.

— Нет. Дорога каждая секунда. Я завершаю восстановление и не хочу привлекать к себе внимание раньше, чем нужно.

Я отхлебнул кофе и чуть не поперхнулся — сахара там было ложек десять, не меньше.

— Тебе не повредит глюкоза, — сказал Брик.

— Ну да, наверное. Скажи, а что будет с тем милиционером, которого я скинул с крыши?

Брик на секунду прикрыл глаза.

— Его тело умирает.

Я потер лоб рукой. Ко всему прочему, теперь я еще и убийца. Убил милиционера.

— Я немного облегчу тебе груз ответственности, — сказал Брик. — Его мозг был необратимо изменен, практически уничтожен Разрушителем. Так же, как и мозги всех остальных. Когда Разрушители уйдут, процессы жизнедеятельности остановятся в любом случае. Считай, что они уже мертвы.

Вспомнились слова дяди Миши. Как он их называл? Зомби. Видимо, недалеко ушел от истины.

— Он сейчас лежит там?

— Нет. Ходит по поселку, ищет тебя.

— Разве он не умирает?

— Технически, да. Своя энергия уходит из тела, но остается энергия Разрушителя. Он может управлять даже разлагающимся телом носителя, просто это требует больших усилий.

Я не хотел вдаваться в подробности. И так было слишком мерзко.

— И какой у тебя план?

— Очень простой. Довольно скоро в отделение поселка поступит анонимный звонок. Женский голос сообщит, что я нахожусь у себя дома. Разрушители ринутся сюда, и я приму бой. Оставлю это тело, когда смогу восстановиться по максимуму. И попытаюсь бежать.

— Звонить будет Катя?

— Да, с телефона-автомата. Прости, но мне пришлось в последний раз повлиять на ее сознание. Утром это сотрется из ее памяти.

Я вдруг вспомнил свое знакомство с Бриком. Тогда он был совсем другим. Смешным, ничего не знающим о людях. Постоянно попадал в нелепые ситуации и при этом умудрялся сыпать советами направо и налево. А теперь передо мной сидел суровый солдат, досконально изучивший поле грядущей битвы. Я много чего хотел ему сказать. Просто поболтать, вспоминая былое, но все темы казались глупыми и несоответствующими моменту.

— Помнишь, как ты боялся заснуть? — спросил я.

Брик усмехнулся.

— Помню. Наверное, это была первая твоя серьезная услуга. Продолжи я бороться со сном — сошел бы с ума. Речь не о Брикe, а обо мне.

— Ты можешь сойти с ума?

— В этом теле — да. Мозг стал бы порождать галлюцинации, неотличимые от реальности, а я начал бы изучать их, получая неверную информацию. И попался бы так же, как этот ваш Мартынка.

Я хотел сказать что-то еще, но Брик меня оборвал:

— Сегодня ты не сможешь мне помочь, Дима.

— Почему ты так уверен?

— Вижу, что ты настроен остаться до конца. Но смысла в этом нет, поверь. Ты не сможешь драться с Разрушителями и, скорее всего, умрешь. Лучше всего тебе...

Брик вдруг осекся, встал и подбежал к окну.

— Что случилось?

— Замолчи.

В наступившей тишине слышалось только тиканье часов где-то в глубине дома.

— Беги, — глухо сказал Брик.

— Что?

— Они идут. Уходи отсюда. Перелезай через забор и беги в лес, у тебя не больше минуты.

Где-то далеко заорала сирена, потом еще одна и еще. Я поднялся со стула. Дыхание перехватило от страха.

— Что ты стоишь? — крикнул Брик. — Беги!

— Только с тобой, — сдавленным голосом сказал я.

— Я не буду бегать.

— Тогда и я останусь.

— Дима!

— Я решил!

Брик скрипнул зубами.

— Дурак, — прорычал он. — Ладно, пошли наверх, на чердак.

В общей комнате оказался люк в потолке, которого я раньше не замечал. Брик посмотрел на него, и крышка отскочила внутрь, обнаружив черный прямоугольник.

— Обними меня.

Я обхватил Брика, не задавая вопросов. Спустя мгновение подошвы моих кроссовок рванулись вверх. Колени подогнулись, я будто бы подпрыгнул, но очень высоко. Глазом не успел моргнуть, как мы уже оказались на полу чердака. Брик захлопнул люк, и мы оказались в темноте.

— Открой окно!

Я завертел головой и увидел чуть заметный квадрат, обрисованный тусклым светом. Вытянув руки вперед, я двинулся к нему. Несколько раз споткнулся, прежде чем упереться в ставень. Нащупал крючок, откинул его и рывком отворил створки. Свет фонаря, стоящего у дороги, проник в помещение. Брик тут же схватил увесистый с виду ящик и перетащил его на люк.

Сирены замолкли совсем рядом. Я услышал хлопанья дверей, потом негромкие голоса. Из чердачного окна не было видно ворот, поэтому я мог только догадаться, что ломали их. Слышались удары и треск дерева.

— В угол! — Брик показал пальцем в сторону.

Я перебежал туда и присел на корточки — слишком уж сильно дрожали колени. Внезапно пришло осознание, что меня могут убить.

— Не вздумай вмешиваться, — повелел Маленький Принц. — Тебя они раздавят, не заметив.

— Ты же не сможешь справиться со всеми! — воскликнул я, лелея надежду убежать вместе с ним.

— Попробую, — пробормотал Брик.

— Почему ты не взорвешь их так же, как...

— Потому что я не вижу их машин! — повернулся ко мне Брик. — Не прикасался к ним! Дима, поверь, тебе больше нечему меня учить!

Он говорил в запале, но я все равно почувствовал обиду. В который уже раз мне указали на то, что я лишь отработанный материал, не больше. Голоса раздавались уже в саду. Вдруг загромыхал мегафон:

— Борис Брик! Дом полностью окружен! Выходите с поднятыми руками, и никто не пострадает!

Брик приблизился к окну. Я видел его профиль, освещенный фонарем.

— Вот он! — закричали снаружи.

Тут же громыхнул выстрел. Брик отскочил назад, и пуля проделала дыру в крыше.

— Эй, ты что творишь? — рявкнул кто-то знакомым голосом. — С ума сошел? Это безоружный подросток!

Еще один выстрел и чей-то сдавленный крик. Я вспомнил этот голос. Дядя Миша все-таки решил вмешаться и поплатился за это жизнью. Закрыв глаза, я пытался успокоить дыхание.

Потом все затихло на минуту, и снова голос, усиленный мегафоном:

— Эй ты, беглец! Мы здесь попусту теряем время. Может, покинем эти гнилые тела и разберемся? Не хотелось бы устраивать штурм, убивать твоего любимого зверька.

Боря посмотрел на меня.

— Лучше бы ты убежал, — одними губами сказал он.

Я услышал нечто вроде порыва ветра, и в окне очутился человек в милицейской форме. Боря выбросил вперед руку, будто пытаясь инстинктивно защититься. Доска под ногами Разрушителя хрустнула и вылетела наружу. Разрушитель повис на руках. Он попытался подтянуться, но Брик подбежал к нему и ударил каблуком по пальцам сначала одной руки, а потом — второй. Разрушитель, вскрикнув, упал вниз. Что-то сверкнуло, и в руке Брика оказался пистолет.

— Ты выбрал, — прорычал усиленный голос.

Снизу послышался грохот, но ломились явно не в дом.

— Что они делают? — шепнул я.

— Ломают сарай, — мрачно сказал Брик.

— Зачем?

— Сам как думаешь?

Я вспомнил тот единственный раз, когда был в сарае у Брика. Что там было? Цепь, мотоцикл, канистры...

— Бензин? — пролепетал я.

Брик кивнул.

— Чего мы ждем?

— Двух процентов. Я брошу это тело не раньше, чем восстановлюсь полностью. Иначе нет никакого смысла вступать в борьбу. Я заведомо проиграю.

— А если...

— Тогда есть шанс сбежать. И воплотиться где-то еще на этой планете. Быть может, в другой раз все получится.

— А ты успеешь набрать эти два процента?

— Не знаю. — Брик поджал губы. — Чего-то не хватает. Мне нужно что-то познать, что-то фундаментальное, с чем я еще не сталкивался.

До меня донесся запах дыма. Дом горел. Вскоре стало слышно, как потрескивает дерево. С грохотом ящик, которым Брик заблокировал люк, отлетел в сторону, и на чердак выскочил Разрушитель. Мгновение он стоял над люком, освещаемый снизу сполохами огня, словно сам дьявол, вырвавшийся из преисподней. Этого мгновения Брику хватило, чтобы нажать на курок.

Разрушитель упал, одной рукой сжимая простреленное колено, а другой хватаясь за край люка. Пистолет вылетел из его кобуры и шлепнулся мне на колени.

— Защищай себя, — бросил Брик, оборачиваясь к окну. Я взглянул туда и задохнулся от неожиданности. Еще один Разрушитель уже проник на чердак. Они с Бриком выстрелили одновременно. Боря резко присел, схватившись за левое плечо. Между пальцами потекла кровь. Не раздумывая, я схватил пистолет и нажал на курок. Разрушитель, взревев, упал.

Пистолет у меня в руках дрожал. Рука заныла от непривычного чувства отдачи. Не было ни мгновения передышки. Проломился пол и, объятый пламенем, из пробоины выскочил еще один. Он бросился на Брика, которого отвлек Разрушитель с простреленным коленом, пытавшийся встать. Я выстрелил еще раз, услышал еще выстрелы. Огненное тело дернулось, но упало не назад, как бы мне хотелось, а вперед — на Брика. Он успел увернуться, но сзади ему в горло вцепился другой. Я не мог стрелять.

Огонь перекинулся на чердак. Становилось трудно дышать, глаза слезились от дыма. Но я все же успел заметить еще двоих Разрушителей, проникших через окно. Я прицелился и несколько раз нажал на курок. Не знаю, достигли ли цели мои выстрелы, потому что в тот же миг я услышал яростный вопль Брика. Крыша разломилась надвое, оставив нас всех под ясным безоблачным небом. Поток свежего воздуха заполнил пространство и позволил языкам огня взметнуться еще выше. Затем рухнул пол. Я почувствовал, что падаю вниз, в огонь, и закричал.

От падения я ненадолго потерял сознание. Когда же сумел вновь открыть глаза, то обнаружил, что лежу на бетонном чуть теплом полу. «Фундамент», — промелькнула догадка. Брик стоял неподалеку, расставив руки в стороны. Я огляделся. Огненный ад бушевал со всех сторон, оставляя нетронутым лишь маленький пяточок, на котором находились мы с Бриком. Он будто воссоздал вокруг нас какое-то поле, преграждая путь огню и демонам, бесновавшимся в нем. Так они и выглядели. Разрушители горели, но продолжали прыгать, бросаться на воздвигнутую Борей защиту. Некоторые стреляли.

— Беги, — сквозь зубы крикнул Брик. — Я сейчас не выдержу! Как только рухнет — беги!

— Нет.

Брик взревел на том самом языке, который я уже слышал однажды. Звуки взлетели вверх и растаяли в бездонном небе. Защита исчезла. На меня пахнуло дымом, жар опалил лицо. Ко мне бежал Разрушитель. Я поднял пистолет и выпустил в него оставшиеся пули. Без толку. Он продолжал бежать, хотя должен был быть мертвым. На объятom пламенем черепе почти не оставалось кожи. Я швырнул в него пистолет и успел отступить на шаг, прежде чем он сшиб меня. Подняться уже не удалось. Горящий ботинок вдавился мне в грудь. Даже через куртку я почувствовал, как течет расплавленная резина подошвы, и заорал от боли. Ботинок приподнялся, и вновь ударил в грудь, вышибив остатки воздуха из легких. Я уже не мог дышать.

— Хватит! Остановись, или я убью его! — прогрехотал ужасный голос.

Я скосил взгляд на Брика. Разрушители приближались к нему, сбивая пламя с остатков

одежды и кожи. Брик стоял без движения, глядя на меня расширившимися глазами.

— Дерись! — Я хотел крикнуть, но лишь без толку выпустил последние крохи воздуха. Боль и удушье помutilи мое сознание. Наступила тьма, и в тишине явственно слышался стук вагонных колес.

* * *

— Кажется, конечная станция, — сказал Брик, глядя в окно купе.

— Что теперь? — прошептал я. За окном я видел себя, лежащего под сапогом горящего скелета. Видел и Брика, окруженного другими Разрушителями.

— Я говорил тебе. Придется покинуть тело Брика. И будет битва, в которой я проиграю. Я заметил черную дымку, окутывающую скелет, нависший над моим телом. Истинная сущность Разрушителя готовилась выйти наружу.

— Ты ведь сможешь прорваться!

— Я — да. Ты — нет.

— И что? С каких пор тебя волнует это?

Брик улыбнулся, и в его руке снова появился карандаш с привязанной гайкой. Он раскрутил гайку и посмотрел на меня.

— Может быть, гайка — это я, а карандаш — это ты. И как бы я ни старался оторваться от тебя, нить слишком крепка. Наверное, я стал чересчур человеком. Не смогу пожертвовать тобой, хоть и понимаю, что все это глупо.

Я сжал кулаки и вскочил.

— И что, тогда все зря? — заорал я на него. — Все эти люди умрут! У каждого мента есть семья. А я? А Маша? Все мы что, зря страдали? Только для того, чтобы тебе под конец приспичило поиграть в благородство?

— Это не игра.

— Я знаю. Так давай пойдем до конца. Дай мне шанс. Подними немного его ботинок, чтобы я смог вдохнуть!

— Дима...

— Быстрее!

Мой крик эхом раскатился в пустоте, а в следующий миг я открыл глаза, набрав полные легкие воздуха. Вонючего, ядовитого, но — воздуха.

Я рванулся вперед. В этот рывок я вложил не только все силы, но, кажется, всю свою жизнь. Горящий скелет упал на землю, и я пробежал по нему, круша ребра. Не было времени на построение плана, поэтому я просто врезался плечом в ближайшего Разрушителя и повалил его на другого. Оба упали. Моя куртка горела, а на ладони я боялся даже смотреть.

— Беги! — прохрипел я, сам испугавшись своего голоса.

Я увидел улыбку Брика.

— Сто процентов! — сказал он, и мне почудилось многократное эхо. — Самопожертвование.

Внезапно черты его лица обмякли, ноги подкосились, и он упал. Но я не проследил взглядом за его телом. На том месте, где он только что стоял, осталась серебристая дымка. По ней то и дело пробегали электрические разряды, или что-то вроде этого. Послышался шум. Обернувшись, я увидел, как тела Разрушителей падают, оставляя наверху черные

туманности. В этой битве я уже никак не мог помочь.

Я схватил тело Брика и оттащил на несколько метров, подальше от огня и грядущего сражения. Потом сбил пламя со своей куртки.

Шесть черных сгустков одновременно рванулись вперед и облепили серебристую туманность. На миг она исчезла в этом клубке тьмы, но вот что-то сверкнуло, и сдержанное сияние будто выплеснулось наружу, постепенно окутывая черноту. И чернота зашевелилась, изогнулась. На моих глазах эти непонятные субстанции переплетались в немыслимые фигуры.

Минуту спустя серебристое сияние стало меркнуть. Реальность странным образом искажалась. Я все так же видел развалины дома, частично рухнувший забор, сарай, обвятый пламенем, но все это стремительно меняло очертания, изгибалось и вытягивалось. Все сущее трещало по швам. Я слышал невероятный грохот — не ушами, а мозгом, сознанием. Тряслась земля, воздух становился жидким, а земля превращалась в пар. Кто-то громко и отчаянно кричал, но крик тонул в звуках рушащейся Вселенной.

— Нет, — прошептал я. — Ты не можешь проиграть сейчас!

Чернота стискивала серебристую материю, душила ее. И вдруг сверкнуло что-то еще. Яркое, как прожектор. Я не успел обернуться, потому что все произошло мгновенно. Снова сверкнуло серебро, но его стало гораздо больше. Чернота боролась, пытаясь окутать собой все, ей противостоящее, но тщетно. Серебряная дымка побеждала. Вот она поглотила тьму, замерла, будто огромный серебряный шар, потом дрогнула, и в сторону будто бы высыпался серый порошок.

Шар сейчас же разделился. Передо мной парили не меньше двух десятков одинаковых серебряных сущностей. Одна из них приблизилась ко мне, и я затаил дыхание.

— Вот и все, — раздался у меня в голове знакомый голос. В дымке возникло улыбающееся лицо Брика.

— Ты победил? — прошептал я.

— Мы победили.

— Вы?

— Мы все. Я, ты и они.

Я посмотрел на серебристые сгустки, застывшие в ожидании.

— Кто они?

— Такие же, как я. Они почувствовали мою силу и силу Разрушителей, когда мы покинули тела, и успели прийти на помощь. Я предполагал такой исход, но не мог на него рассчитывать. Тем не менее, все сложилось на редкость удачно. Спасибо тебе, Дима.

В душе поселилась какая-то пустота. Будто из жизни уходит нечто очень важное. Я концентрировался на своей боли, упивался ей, чтобы не думать, не анализировать это страшное чувство: мой друг уходит навсегда.

— Не за что, — шепнул я.

— Нам пора лететь, — прошелестел голос Маленького Принца. — Прости меня за все, что я сделал тебе и твоим близким. Поверь, я буду сражаться, чтобы вы жили в прекрасном мире.

— А я? — вдруг вырвалось у меня. — Мне что делать? Теперь...

— Идти вперед, — тут же ответил голос.

— Конечно, — усмехнулся я. — Легко тебе говорить.

— Дима! — Я посмотрел в глаза ненастоящего, дымчатого Брика. — Запомни: ты

можешь идти один. Даже когда все против тебя — можешь. Если тебе покажется, что противник слишком силен, вспомни эту ночь. Ночь, когда ты столкнулся с воплощением вселенского зла и не отступил.

Они исчезли. Не улетели, не растворились в воздухе — просто исчезли, будто ничего и не было. Я остался один, в окружении догорающих трупов, наполняющих воздух сладковатым противным запахом.

Я со стоном принялся отрывать от груди пригоревшую одежду. Медальон с танцующей парочкой вжарился в тело так, что, когда я его отодрал, из раны брызнула кровь. Стиснув зубы, я боролся со слезами. Медальон сунул в карман куртки. Разумеется, он тотчас же выскользнул и упал на бетон, глухо звякнув. Я наклонился поднять его и замер. Тело Брика исчезло.

Я поднялся, пряча медальон в карман джинсов. Закрутил головой и увидел неясную тень возле забора.

— Брик! — крикнул я, двигаясь к нему. — Постой!

Он побежал. Я бросился следом. Мы выскочили из разломанных ворот, и я понял, что бежать бесполезно. Ноги меня не слушались. Избитый, обгоревший и усталый, я не мог преследовать Брика, стремительно удалявшегося в лес. Да простит мне бог эту слабость.

Возле забора стоял пяток «УАЗов». Я вскарабкался на капот одного из них, оперся спиной о лобовое стекло и закрыл глаза. Хотелось так же, как Маленькому Принцу, покинуть это обожженное, измученное тело и улететь куда-нибудь, в прекрасное далёко.

Я услышал чей-то стон, потом — шаги. Кто-то подошел ко мне, но я не мог даже открыть глаз. Будь что будет. Где-то далеко слышался вой сирен. Еще полиция? А может, пожарные? Пора бы, а то огонь вот-вот перекинется на лес.

— Ну и что это было, Дима?

На миг забыв об усталости и боли, я открыл глаза и наклонился вперед. Передо мной стоял дядя Миша и, морщась, потирал грудь.

— Вы живы?

— На задержание всегда надевается бронежилет. Эти придурки даже устав забыли на радостях, когда звонок поступил. Ничего не хочешь мне рассказать?

Я прикинул все «за» и «против».

— Вы видели эти серебряные и черные дымки?

— Еще бы не видеть!

— Тогда расскажу. Только мне нужно где-то привести себя в порядок.

Дядя Миша посмотрел на свой опаленный простреленный китель и закашлялся.

— Да, мне тоже.

* * *

Эту ночь я провел в доме дядя Миши. Жена его оказалась молчаливой и доброй женщиной. Она обработала наши ссадины и ожоги, а потом, покопавшись в шкафу, дала мне одежду своего сына.

— Вот видишь, мать, тебе лишь бы выбрасывать все! — сказал дядя Миша, дымя сигаретой в кухне. — Выбросить никогда не поздно, а вдруг пригодится?

Потом он настоял, чтобы я позвонил домой. К счастью, трубку взял отец. Я объяснил,

что ночью у друга, и со мной все в порядке. Выслушав небольшую нотацию на тему правильного общения с матерью, я повесил трубку и вернулся в кухню. Дядя Миша отослал супругу спать и заварил чаю.

— Ну, теперь рассказывай.

Я рассказал ему все, с самого начала. Дядя Миша дослушал до конца, не перебивая, и только курил сигареты одну за другой, да подливал чаю. Когда же я закончил, он задал всего один вопрос:

— Значит, теперь Вселенная в безопасности?

Глава 17

Брик

За ночь я поспал не больше трех часов, но все равно проснулся ровно в семь. Меня словно толкнуло что-то, какая-то мысль. Окончательно стряхнув с себя сон, я вспомнил эту мысль: Брик! Где он сейчас? Что делает? Жив ли?

Наскоро позавтракав, я попрощался с дядей Мишей и его женой. Забежал домой, взял пакет с книгами и тетрадями и пошел в школу. Наверное, это было единственное место, где Брик мог объявиться.

На первом уроке его не было. Одноклассники обсуждали события минувшей ночи. Слухи плодились со скоростью света. Я услышал про террористов, нарковойны, и даже, непонятно почему, про попытку государственного переворота. Фактов же знали не много: дом Брика сгорел, и на пепелище обнаружили трупы нескольких милиционеров.

В таком ажиотаже никто не обращал внимания на мои забинтованные ладони, чему я был только рад.

Брик пришел ко второму уроку. Одет так же, как и вчера. Волосы обгорели, ноги по колено в грязи. А лицо его было бледным, под глазами залегли тени.

— Боря! — Я подошел к нему.

Он метнул на меня полный ужаса взгляд и с криком отшатнулся.

— Э, это же этот клоун! — заорал, войдя в класс, Петя. — Он мать свою убил!

Боря дернулся и повернул к нему голову.

— Я не убивал, — прошептал он.

— Звоните ментам! — крикнул кто-то.

Эта фраза подействовала на Брика как разряд электричества. Он содрогнулся всем телом, вскрикнул и попытался убежать. Наверное, в планы Пети не входило преграждать дорогу убийце. Он просто неудачно отступил, и Брик врезался в него. Я не успел опомниться, как Петя отлетел в сторону, ударился о парту и перевернул ее.

— Замолчите! — взвизгнул Брик, хватаясь за голову. — Я ни в чем не виноват! Мама!

Он заплакал, упал на колени, но тут же снова вскочил и бросился на Семена Волохина. Вцепился ему в горло, повалил на пол и принялся избивать.

— Молчи, молчи, молчи! — повторял он, захлебываясь слезами.

Все бросились врассыпную. Вокруг Брика с Семеном образовалась пустота. Я слышал как кто-то из девчонок звонит в милицию. Семен уже не сопротивлялся, его лицо становилось лиловым.

— Боря, перестань! — Я подбежал к нему и перехватил кулак, прежде чем он в очередной раз обрушился на лицо Волохина. Брик попытался высвободиться и отпустил свою жертву. Семен со свистом вдохнул воздух, перевернулся на живот и пополз.

— Пусти! Пусти меня! — орал Брик.

Я не отпустил. Повернул его лицом к себе и внимательно посмотрел в глаза. Брик замер.

— Хватит, — попросил я его. — Тебе нужно остановиться, Боря. Хватит боли.

И он меня послушал. Когда приехала милиция, я сидел на полу, обнимая Брика, баюкая его, будто ребенка, а он тихо плакал.

— Парень, ну-ка, отойди от него! — велел милиционер.

Я поднял голову и увидел троих человек. Одним из них был дядя Миша. Я улыбнулся ему.

— Пожалуйста, не делайте ему больно, — попросил я.

Дядя Миша кивнул, хотя, кажется, он не был главным в этом трио.

Я смотрел, как Брика заталкивают в машину. Он не артачился только благодаря тому, что я был рядом. Смотрел на меня, словно спрашивая: «Все хорошо?» И я мысленно отвечал ему: «Все будет хорошо. Просто потерпи».

Это был последний раз, когда я видел Борю Брика подростком. Последний раз, когда я сам еще чувствовал себя чем-то вроде ребенка. А через неделю детство закончилось.

Интерлюдия 4

Мы сидели на лавочке в маленьком сквере перед больницей. Кажется, впервые Брику позволили выйти наружу. Лето только набирало силу, и ветерок, дувший откуда-то с северо-востока, был довольно прохладным. Но птицы пели по-летнему, и по-летнему пах воздух.

— Дима? — не поворачиваясь, сказал Брик.

— Да?

— Ты можешь сказать: я был сумасшедшим? Тогда?

Я задумался. Теперь, когда улучшения в состоянии Брика очевидны, стоит ли подвергать его испытанию правдой? Но, с другой стороны, он имеет право хотя бы знать, в чем ему довелось участвовать. Раз уж разрешения у него не спросили.

Я достал из рюкзака кипу листов, упакованных в черный целлофановый пакет.

— Я написал все, что хотел. Прочти. Думаю, ты имеешь на это право.

Он молча взял пакет и смотрел на него, положив на колени.

— Это то, что видел и слышал я. Можно назвать это правдой. Но только прошу тебя понять: все написанное только для тебя. Не говори никому. Для остальных это просто мой роман. Я изменил все необходимые имена, чтобы посторонние ни о чем не догадались. Но ты поймешь, о ком речь.

Брик кивнул, но в его позе осталось напряжение. Он словно ждал чего-то, и я достал из рюкзака плеер со вставленным диском. Я протянул Брику наушники, и, когда он вставил их в уши, нажал на кнопку. Он вздрогнул, но быстро расслабился. Глаза закрылись, на губах появилась улыбка.

— «Локон ангела», — прошептал он.

Глядя на человека, который, пройдя через ад настоящего безумия, сжал в руках нить, ведущую к прошлому, я вдруг отчетливо понял одну вещь. Он обязательно победит. Ведь самую страшную битву он уже выдержал.

Глава 18

Мой выбор

Ведущая новостей посмотрела в камеру взглядом, исполненным скорби:

— Настоящая трагедия разыгралась в Красноярском крае, в маленьком поселке под названием Бор.

Экран показывал знакомые с детства виды. Вот центральная площадь с «фонтаном», школа, полуразрушенная детская площадка, несколько произвольно выбранных домов. Голос ведущей продолжал вещать:

— Сотрудники милиции заинтересовались недавно переехавшей семьей: мать-одиночка с сыном-старшеклассником. Почти сразу после переезда женщина исчезла, никто ее не видел. Сын женщины исправно ходил в школу и, несмотря на то, что вел себя довольно странно, делал успехи в учебе.

На экране появился Петя Антонов, лихорадочно облизывающий губы.

— Когда он появился, я сразу понял: что-то не так! — затараторил наш староста. — Он был очень странным. Как будто что-то скрывал.

Теперь показывали школьные коридоры. Я видел знакомые лица учителей и учеников. Школьники тарасились в камеру и пытались делать умные лица.

— Одноклассники дали прозвище странному ученику. Его стали называть Маленький Принц. Прочувшись меньше месяца, он, как и его сказочный прототип, таинственно исчез. Вскоре после этого милиция произвела обыск в его доме, где и удалось обнаружить неглубокую могилу с телом женщины, в которой удалось опознать пропавшую.

Возле забора стоял корреспондент с микрофоном. Тщательно причесанный мужчина лет тридцати, всем своим видом выразивший неудовольствие от того, что ему пришлось тащиться в такое захолустье.

— Я стою рядом с домом, в котором жил Борис Брик, печально известный Маленький Принц, — забубнил мужчина. — Вернее, рядом с развалинами дома. Отсутствовавший чуть больше недели Брик вернулся в свой дом однажды ночью. Цель возвращения осталась неизвестной, так же, как и то, где он находился все это время. В милицию поступил анонимный звонок с сообщением о местонахождении Брика. Пять экипажей выехали немедленно, но операция задержания превратилась в нечто невообразимое. Преступник был упущен, а при задержании погибли одиннадцать сотрудников милиции.

Теперь я увидел дядю Мишу. Он сдвинул фуражку на затылок и заговорил:

— В мою задачу входило наблюдение за территорией снаружи. В дом я не заходил. Думаю, что там стояла канистра с бензином, или что-то вроде этого, потому что я услышал выстрел, а потом — взрыв. Дом сразу загорелся. А потом сотрудники просто начали беспорядочную пальбу. Мне тоже досталось две пули.

— Вы не стреляли? — спросил корреспондент.

— Нет, не стрелял.

— Видели Бориса Брика?

— Нет, не видел.

Снова появилась ведущая.

— Борис Брик объявился на следующий день, — сообщила она. — Придя в школу, он напал на двух своих одноклассников, одному из которых нанес повреждения средней

тяжести.

Снова Петя:

— Я староста класса. Когда увидел его — сразу сказал звонить в милицию. Он попытался бежать, я хотел остановить его, но он оттолкнул меня! Я читал, что у сумасшедших бывает огромная сила, так вот, это правда. Нечеловеческая сила, меня будто автомобиль сбил. До сих пор ребра болят!

И опять ведущая:

— Вовремя прибывший наряд милиции сумел обезвредить преступника. В настоящий момент Борис Брик проходит психиатрическое освидетельствование.

Я выключил телевизор. На душе оставался неприятный осадок. Вот как эта история предстала перед людьми. Вот как ее видели мои одноклассники и родители.

Был понедельник. Я снова прогуливал школу. Не мог найти сил прийти в класс и находиться среди этих людей. Утром я завтракал с родителями, брал пакет, выходил на улицу и ждал полчаса, слоняясь по лесу. Потом возвращался домой. Смотрел телевизор, пытался читать, но больше просто лежал и думал.

В дверь позвонили, и я вздрогнул. Кто бы это мог быть? Впрочем, какая разница. Я никого не хотел видеть.

Звонивший не унимался. Раздражающие трели, догоняя друг друга, рассыпались по пустой квартире. Когда у меня начало звенеть в ушах, я встал и пошел открывать дверь.

Это была Маша. Ни слова не говоря, она проскользнула в прихожую, а когда я запер за ней дверь, она уже сидела на кровати в моей комнате.

— Привет, — сказал я, присаживаясь рядом. — Как дела в школе?

Она посмотрела на меня исподлобья и отвернулась.

— Сам бы пришел, посмотрел, — тихо сказала она.

— Я пытаюсь...

— Плохо пытаешься. Бросил меня там одну.

Я не знал, что ответить на этот упрек. Маша сердилась, но ведь она пришла. Я протянул руку и осторожно коснулся ее плеча. Она не остановила меня, и я ее приобнял. Маша вздохнула, придвинулась ближе и положила голову мне на плечо.

— Я рассказала отцу.

— О чем? — удивился я.

— О чем... О беременности.

Я закрыл глаза. Совсем забыл об этом!

— И что он? — чуть слышно спросил я.

— Завтра к двум часам отвезет меня в клинику. Слышать не желает...

Снова я молчал, не зная, что сказать. Пусто на душе, совсем пусто.

— Дима? — Она подняла голову и посмотрела мне в глаза. — Я не хочу так!

Все, что я мог — это обнять ее крепче. Взгляд ее глаз потух. Голова опустилась.

— Не попадайся ему на глаза, — сказал Маша.

— Почему?

— Этот ребенок... Я сказала ему, что он от тебя.

— Зачем? — Я, должно быть, покраснел.

— Надеялась... Сказала бы правду — точно... Он же убийца, сумасшедший. Я хотела...

Она заплакала, тихо и страшно. Я гладил ее волосы, спину, плечи. Через несколько минут рыдания утихли.

— Такое чувство, будто все заканчивается, — задумчиво произнесла Маша. — Не вижу впереди ничего. Только какая-то тьма, непроглядная тьма. Будто солнце навсегда ушло.

То же самое чувствовал и я, но не хотел признаваться.

— Можно все исправить, — сказал я, надеясь попасть в резонанс с ее мыслями. — И зажечь впереди солнце. Наверняка можно.

Не знаю, что я нес в этот момент. Просто сочинял какую-то романтическую ерунду, чтобы утешить ее. Но Маша не стала воспринимать это так. Она посмотрела на меня серьезно и сказала:

— Так исправь. Зажги солнце. Пожалуйста!

Больше она не сказала ни слова, просто ушла. Я закрыл за ней дверь с таким чувством, будто это была крышка гроба. Моего гроба.

* * *

Когда Маша ушла, я некоторое время сидел на кровати, пытаюсь успокоить бурю в своей душе. Хотелось поговорить с кем-то, выложить все начистоту. Но во всем мире, кажется, оставался лишь один человек, способный выслушать, дать ценный совет и пообещать выцарапать глаза. Я улыбнулся, вспомнив Элеонору, и стал одеваться.

Мы встретились на том месте, которое в телефонных разговорах уже стали называть «нашим». Сидели друг напротив друга так же, как в первый раз, только теперь были в теплых куртках и шапках.

Элеонора была необычно серьезной сегодня.

— Если бы я залетела, — сказала она, — то сделала бы аборт, даже не задумываясь. И забыла бы через пару дней об этом, можешь мне поверить.

Я кивнул. Наверное, это и был голос разума. Отец Маши был прав, и она поймет это, хоть и не сразу.

— Спасибо, — сказал я.

— За что? — удивилась Эля. — Это не приглашение в постель, если ты об этом.

— Я понял, я про другое...

— Тогда тем более дурак! — Она стукнула ладошкой по столу. — Я, конечно, не психолог ни разу, но... Тебе не кажется, что этот ребенок, несмотря ни на что, единственное, что вас связывает? Единственное, за что вам осталось бороться!

— Но что я могу?

Элеонора перегнулась через стол и вlepила мне пощечину. Не сильно, так, скорее просто для проформы.

— В другой раз — глаза выколупаю, — пообещала она. — Когда ей угрожала опасность, ты не долго думал. Когда ехал с ментами за ней, тоже не растерялся. Что же с тех пор изменилось? Опять становишься размазывающим соплю маменькиным сынком? Что, без этого недомерка у тебя мозги работать перестали?

«Ты можешь идти один!» — вспомнил я прощальные слова Маленького Принца. Я встал из-за стола.

— Спасибо!

— Всегда пожалуйста! — Элеонора ослепительно улыбнулась. — По роже съездить — я никогда не откажу. Обращайся.

Когда я уже уходил, он окликнула меня:
— Дим! Ну ты, это... Звони там, иногда.

* * *

На лесопилке все было по-прежнему: визжали пилы, летели опилки. Лысый Антоха орал песни из мультфильмов — на этот раз доставалось Спанч Бобу.

— Я от вас, поселковских, просто фигею, — сказал Коля, когда мы с ним вышли покурить. — Привел работника, ничего не скажешь.

— Он ведь тебя не подводил?

— Нет, но...

— Остальное — его проблемы. Можешь мне помочь?

Коля усмехнулся.

— Что? Взять на работу Фредди Крюгера?

— Нет. Гораздо хуже.

Мы проговорили полчаса, прежде чем мне удалось уговорить брата. Собственно, сама затея у него отторжения не вызвала, но просто сорваться с работы среди недели было проблематично. Он настаивал на том, чтобы подождать до выходных, но, в конце концов, сдался. Мы уточнили время и разошлись. Я направился на автобусную остановку, а Коля — слушать балладу о таинственном существе, проживающем на дне океана.

* * *

Утром я простоял возле школы больше часа, прежде чем понял, что Маша не придет. Осознание пришло одновременно с писком телефона. Это было сообщение от брата: «Еду!» Мой палец завис над клавиатурой. Что написать? Дать отбой, или продолжать надеяться? Десятый час...

Решение уже созрело, но, пока я писал адрес, руки дрожали. Следующее сообщение я писал на ходу — Маше.

Когда я подошел к ее подъезду, она уже была там. Абсолютно пустой взгляд.

— Привет, — холодно сказала она. — Чего хотел?

— Поговорить.

— О чем?

— О нас.

Она посмотрела на меня с каким-то новым выражением.

— В каком смысле?

— Я хочу узнать, не боишься ли ты довериться мне?

Маша пожала плечами.

— Однажды я доверилась тебе. Нет, не боюсь. Что ты собираешься сделать?

Время поджимало. Я знал, что должен сказать эти трижды проклятые слова, и, наконец, сказал:

— Я люблю тебя!

Слова прозвучали глухо, бедно. Она не бросилась ко мне в объятия, только слегка

покраснела.

— Долго же ты думал...

— Знаю. Еще не поздно?

— Не знаю. Скоро я уеду отсюда, а когда вернусь — не знаю, что останется у меня в душе. Прости, но сейчас я ничего не могу тебе сказать.

— Ты умеешь готовить?

Маша широко раскрыла глаза.

— Что? Готовить? Ну да, умею, а зачем тебе?

— Сколько вкусных блюд ты можешь приготовить из картошки, макарон и соли?

— Дима, что ты несешь?

Красная «девятка» остановилась около подъезда. Я подошел к машине и открыл заднюю дверь.

— Может быть, иногда я смогу покупать даже мясо. Не боишься?

Маша все поняла, я видел это по ее лицу. И сразу, как только я это заметил, она сделала шаг вперед.

* * *

— Тетя Рая меня с потрохами сожрет, — сказал Коля, закуривая сигарету.

— Не надо ей говорить, — ответил я.

— Совсем рехнулся? Да она до завтрашнего вечера с инфарктом сляжет! Нет уж, я ей все расскажу. А там — решайте сами.

— Не надо. Я позвоню ей сегодня вечером и все объясню.

— Точно позвонишь? Ну ладно, поверю.

Я повернулся к Маше. Она глядела в окно, и я не мог видеть выражения ее лица. Надеялся только, что она не плакала.

— Можешь не курить? — попросил я брата.

— А, да. Извини. — Он бросил окурок в форточку.

Мы проехали знак с перечеркнутым названием города.

— Вот и все? — произнесла Маша.

— Все. — Я взял ее за руку и почувствовал слабое пожатие. — Теперь — все.

* * *

У Коли было много друзей, и сегодня я в полной мере оценил это полезное качество. Один его друг сдавал гостинку и согласился поселить там нас с Машей, не взимая плату за первые два месяца. Второй друг работал в автосервисе и обещал помочь с устройством на работу.

Когда мы вдвоем остались в крошечной гостинке, с пакетом продуктов и парой тысяч рублей (подарок брата), пришел страх. Комната казалась пустой, холодной и чужой. За окном сгущались сумерки, внутри тоже темнело. Я сидел на одном краю матраса, который был единственным спальным местом здесь, а Маша — на другом. Она не шевелилась. Я даже не слышал ее дыхания. Что я скажу, если она сейчас повернется и закричит на меня? Обзовет

идиотом? Я ведь даже сам не могу поверить, что мы сумеем здесь выжить одни!

Маша встала. Я молча смотрел, как она включает свет, вытаскивает продукты из пакета, наполняет кастрюлю водой.

— Суп? — спросила она, посмотрев на меня, и чуть улыбнулась.

Я кивнул.

— Тогда почисти и порежь лук, я терпеть не могу с ним возиться!

Она бросила мне луковицу, и я ее поймал.

Глава 19

Страх, печаль и радость

Счастье никогда не бывает долгим. Со временем оно либо уходит, либо заменяется привычкой. И только спустя время мы вспоминаем его, словно листая страницы фотоальбома, и понимаем: а ведь это было оно, счастье!

Есть еще одна особенность счастья: оно не абсолютно. Наверное, оно получается при смешении равных долей радости, страха и печали. Все фотографии можно разделить по этим категориям.

Страх. Я прихожу в автосервис и вижу много незнакомых людей, которые смотрят на меня с холодным равнодушием. Ни улыбок, ни приветствий. Они даже не прерывают разговора при моем появлении, и мне приходится ждать паузы, чтобы заявить о себе.

Печаль. У меня ничего не получается. Ключи валяются из рук, гайки сидят, как влитые. От обилия технических подробностей начинает кружиться голова. В середине рабочего дня меня посылают мести пол.

Радость. Я прихожу домой, и Маша обнимает меня, целует. Дома пахнет чем-то вкусным. Мы ужинаем, разговариваем о чем-то, иногда наши руки ненадолго соприкасаются. Ночью, лежа на матрасе, мы держимся за руки.

Страх. Меня точно уволят с этой работы. Целый день на меня кричат, я ощущаю себя самым тупым существом на планете. Но я, как боксер на ринге, снова и снова поднимаюсь, несмотря на то, что противник втрое тяжелее меня. Потому что я его не боюсь, я боюсь, что он уйдет, махнув рукой.

Печаль. Я опять в одиночестве. Не принимаю участия в разговорах, даже ем отдельно от всех, потому что не хватает места за общим столом. Я ем тушеную картошку, приготовленную Машей. Девушкой, которая верит в меня, а я не оправдываю ее ожиданий. И еда застревает в горле.

Радость. Я помогаю Васе менять тормозные колодки. Его зовут курить, и он уходит, велев мне снять остальные колеса. Я выполняю порученное, потом снимаю суппорта, чтобы облегчить ему работу. Вытаскиваю старые колодки, ставлю новые, словно в каком-то трансе. Потом я ставлю на место колеса и начинаю их прикручивать. Лишь закрутив последнюю гайку, я замечаю, что все работники стоят и смотрят на меня. Вася улыбается. Он подходит и хлопает меня по плечу. Я справился!

Страх. Ночью Маша тихо плачет, и я обнимаю ее, пытаюсь утешить. Мы говорим, что любим друг друга, и я вдруг понимаю, что обнимаюсь в постели с почти неодетой девушкой. Она целует меня не так, как раньше, все меняется. Нельзя отодвинуться, сбежать, нельзя ничего говорить. Я должен пройти через это, но... господи, до чего же мне страшно!

Печаль. Маша уже уснула, а я все смотрю на нее, глажу ее обнаженную спину и думаю. Я думаю о том, что будь я посмелее, она была бы моей и только моей. А теперь между нами всегда будет Брик. Он был первым, и я обречен сравнивать себя с ним. В каждом слове Маши я буду слышать воспоминание о нем. И ребенок, который родится, будет его ребенком. Смогу ли я воспитывать этого ребенка? Я! Воспитывать ребенка! Пытаясь забыться, я теснее прижимаю к себе Машу, шепчу какую-то чушь ей на ухо.

Радость. Открыв глаза, она улыбается мне, и все, что было ночью, повторяется. Только без страха и печали. Есть только мы и наше счастье.

Страх. Печаль. Радость. Наша первая ссора: я не взял выходной, и мы не смогли погулять в парке. Первое примирение. Мы по очереди читаем друг другу вслух книги по вечерам. Гуляем по ночному городу. Смеясь и плача, покупаем самую дешевую зимнюю одежду и обувь. Считаем мелочь на дорогу от рынка до дома. Маша становится на учет в женской консультации. Последние деньги, улетающие на необходимые таблетки. Меня официально трудоустраивают. Я принимаю первый автомобиль и работаю с ним сам. Первое застолье с коллегами после работы, от которого я не смог отказаться. Первый раз прихожу домой пьяным, и Маша смеется над моим смущением. Ее живот начинает увеличиваться, и я боюсь к нему прикасаться.

Наш первый новый год. Маленькая искусственная елочка на столе, обращение президента по радио. Шампанское и жареная курица с картошкой. Мой подарок Маше: красивое платье. Ее счастливое лицо, когда она выходит из ванной, переодетая. Живот ощутимо выпирает, Маша смеется и говорит, что носить это платье будет после родов.

А потом был холодный зимний вечер, когда я возвращался с работы давно привычным маршрутом. Меня окликнули. Обернувшись, я увидел двух милиционеров, выскочивших из «УАЗа». Это были люди, не Разрушители, но в их глазах я видел все ту же засасывающую, бездонную пустоту. Этой пустоте нельзя было ничего объяснить, бесполезно было умолять. И я перестал унижаться. Попросил только один телефонный звонок. Я позвонил Маше. Она уже плакала, когда сняла трубку. Слышался гул мотора — отец вез ее домой.

Сослуживцы, слушая мою историю, наперебой кричали, что я мог бы подать жалобу, сбежать, обратиться в какие-то общества. Наверное, мог. Но не сделал этого. Судьба снова и снова пыталась утопить меня, и во мне проснулось маниакальное желание поиграть: а насколько глубоко я сумею опуститься?

Меня отправили служить за тысячу километров от родного дома. На два года я должен был превратиться в другого человека. Закрыв глаза, я видел, как будто какая-то бумажка летит вместе со мной, передается от человека к человеку. Меня выделяли из всех, на меня орали, меня били, унижали.

Те, кто пришел вместе со мной, удивлялись. Их никто не трогал сверх необходимого, все побои и издевательства сыпались на меня. Самые подлые из них вели себя так же, как старослужащие, но большей частью мне сочувствовали.

Спустя полгода после начала моей службы, я подслушал разговор командира части подполковника Игнатьева с одним из сержантов.

— ... не доживет, — говорил командир части.

— В смысле, мне его убить, что ли? — пискнул сержант.

— Ты дурак? — Игнатьев повысил голос. — Сделай так, чтобы он в дисбат попал, а там уже другие разберутся. Мне в части этот беспредел без надобности. Задачу понял?

— Так точно!

Той ночью я лежал в койке и думал. Разговор явно шел обо мне. Значит, Вениамин не успокоился и по каким-то своим каналам дал приказ меня убить. Как такое возможно? Хотя, наверное, возможно, если есть деньги и связи.

Страха я не чувствовал. У меня уже отняли все, так ради чего еще цепляться за эту жизнь? Ответов я не находил.

В ту ночь я увидел во сне Брика. Мы с ним стояли посреди развалин его дома. Брик повернулся ко мне.

— Бросил меня, — вздохнул он.

— Это ты меня бросил, — возразил я.

— Знаешь, где я сейчас?

— Где-то там, далеко. Познаешь Вселенную.

— Не Маленький Принц. Я.

Мне сделалось страшно. Столько времени я старался не думать о том, где сейчас находится Брик. Я считал его мертвым.

— Я жив, — шепнул мне человек, которого я совсем не знал. — Мне сейчас очень плохо. Одиноко и страшно. По ночам меня окружает тьма, населенная голосами. Это как кошмарный сон, от которого не очнуться.

Я молчал, наблюдая, как меняется пейзаж. Мы с Бриком стояли на вершине скалы, вокруг которой бушевало пламя. Жаркие языки огня взмывали вверх от самой земли. Казалось, будто сам воздух горит.

— Такой огонь пожирает твою душу? — крикнул Брик. — Полагаю, нет! А это лишь малая часть того, что гложет меня.

Он раскинул руки в стороны и шагнул назад, с обрыва. Я рванулся вперед, чтобы схватить его, но не успел — пальцы сомкнулись на воздухе. Я проснулся, все еще ощущая нестерпимый жар.

Утром я пришел в кабинет к командиру части. Он поморщился, глядя на мое разбитое лицо.

— На занятиях по рукопашному бою я делаю успехи, — сказал я.

Подполковник Игнатьев отложил ручку и посмотрел на меня злым взглядом.

— Устав забыл, рядовой Семенов? — рявкнул он.

— А вы?

Это было сродни нашему общению с Машей. Мы смотрели в глаза друг другу и понимали все.

— Что хотел? — буркнул Игнатьев, отводя взгляд.

— Хотел сказать, что убью того, кто на меня кинется следующим. Проблем не избежать.

Во взгляде Игнатьева мелькнула жалость.

— А толку? — тихо спросил он. — Себе же хуже сделаешь. Думаешь, я от этого в восторге?

Я указал на телефон, стоящий у него на столе.

— Позвоните ему.

— Рехнулся? Чтобы ты по телефону с ним говорил о...

— Я не буду об этом говорить. Позвоните.

Игнатьев потер лоб рукой, размышляя. Потом снял трубку и набрал номер.

— Держи, — протянул он мне трубку.

Я прижал трубку к уху и стал слушать гудки.

— Алло? — Знакомый визгливый голос. — Да, я слушаю! Алло? Кто это? Вас не слышно!

— Я помню, как хоронили вашу жену, — сказал я.

Вениамин замолчал. Я слышал лишь его глубокое дыхание.

— Вы плакали, когда шли за гробом, — продолжал я. — Знаете, я не часто видел людей, столько проживших в браке и сохранивших любовь. Несмотря на болезнь, вы надеялись.

— Заткнись, — сказал Вениамин, но я не слышал злости в его голосе. Слова били туда, куда и должны были.

Я поймал взгляд Игнатьева и улыбнулся тому ужасу, который он выражал.

— Маша любила вас обоих. Она поступила так, как и должна была: постаралась заменить вам ее. Я видел, как она стала взрослой за несколько дней. Она из кожи вон лезла, чтобы угодить вам, и вы приняли эту игру. Позволили иллюзии заполнить пустоту.

Он молчал, но не вешал трубку. Слушал мои слова.

— Мне жаль, что так получилось, — почти шепотом сказал я. — Будь я поумнее, наверное, поступил бы иначе. Но я всего лишь хотел помочь Маше спасти ребенка. Не думая о том, что лишаю вас родного человека. У меня не было надежды на то, что мы будем жить вместе всегда. Я просто тянул время.

Глубоко вдохнув, я закончил свою речь так:

— Я совершил ошибку и поплатился за это. Я не собираюсь жаловаться — пусть все остается как есть. Но мне нужно еще кое-что сделать. Есть человек, которому очень нужна моя помощь. Кроме меня, ему не поможет никто.

В трубке было тихо. Я даже подумал, что связь уже давно оборвалась, но вот послышался вздох. Потом Вениамин сказал:

— Передай трубку.

Я протянул трубку Игнатьеву. Прижав ее к уху, он буркнул:

— Игнатьев слушает. Понял. Так точно, я вас понял. До свидания.

Положив трубку, он посмотрел на меня и покачал головой.

— Служи, Семенов, — проворчал он. — Психолог хренов.

И действительно: самое страшное закончилось. Я без особых проблем пережил первый год службы. Как все, бегал марш-броски, стрелял, учился самообороне, заводил товарищей. Я не мог назвать этих людей друзьями, потому что знал, что как только мы разойдемся в разные стороны, то забудем друг друга. Друзей у меня было лишь двое: Боря и Элеонора. Обоих я вспоминал почти каждый день.

Я писал письма. В первую очередь, конечно, родителям. Потом — Маше. Она долгое время не отвечала. Однажды пришло письмо от отца, в которое он вложил записку от Маши. «Маша говорит, что отец не дает ей писать тебе письма, а твои сжигает», — сообщал отец. Записка была совсем короткой: «Все хорошо. Родилась девочка. Жду тебя».

Еще я писал Элеоноре. Она отвечала регулярно и с удовольствием. Первые письма были гневными. Она рвалась выцарапывать глаза всем: от отца Маши до Министерства Обороны. Когда я убедил ее этого не делать, Эля стала выдумывать различные способы, как меня комиссовать. Не меньше пяти писем я потратил на то, чтобы объяснить, что не собираюсь грызть известку со стен и стрелять себе в ногу. Только тогда Элеонора остыла и стала рассказывать о себе. Так я узнал, что у нее появился парень и был искренне за нее рад.

Страстно желая увидеть родное лицо, я попросил Элеонору прислать фотографию, что она и сделала.

— Твоя? — спросил Шура Артамонов, солдат-первогодка, как и я.

Похоть в его глазах была вполне извинительна: на фотографии Элеонора сидела в весьма вызывающей позе у себя на кровати. Из одежды на ней были только лифчик, да мини-юбка.

— Нет, — сказал я. — Просто хороший друг.

— Познакомишь потом?

— Извини, занято.

Я носил эту фотографию в нагрудном кармане все время. Когда становилось тяжело,

доставал ее и смотрел. Для меня здесь не было никакой эротики. На фото была Эля, такая, какой я ее запомнил: с взъерошенными рыжими волосами, глазами, метаящими молнии и озорным выражением лица. Ничего не боявшаяся, не знающая стыда. Я смотрел на нее и улыбался: девочка-вспышка, иначе и не скажешь.

Второй год омрачился печальным известием. Элеонора написала мне письмо, исполненное поистине шекспировского трагизма. Она случайно встретила Машу с дочерью и «каким-то хреном в очках! Очки надел, будто знал, что я ему шары выколупаю!» Выяснилось, что Маша выходит замуж. Как я понял, Элеонора не стала вдаваться в долгие разговоры, а устроила скандал и убежала, возможно, закатив собеседникам пару оплеух на прощание.

Я не спал целую ночь, получив это известие. Смотрел в потолок и шептал: «Что еще ты со мной сделаешь?» Бог молчал. Лишь под утро, ненадолго забывшись, я получил ответ.

— Иногда, — сказал Брик, вылезая из под стола, — сломанное можно починить.

Он показал мне найденную гайку и подул на нее, очищая от пыли.

— Конечно, глупо надеяться, что оторвавшаяся гайка сама наматается на нить. Поэтому вмешиваются другие силы. Бог, судьба, провидение — зови как хочешь.

Он привязал гайку на прежнее место, поднял карандаш и стал крутить его. Гайка завертелась.

— Все вернется к началу? — спросил я.

— А ты помнишь, что было в начале? — усмехнулся Брик. — Мне кажется, ты забыл.

— Рота, подъем!!!

Я открыл глаза.

* * *

Я вернулся в Красноярск зимой. Нашел то место, где меня забрали, и долго стоял там, думая и вспоминая. Это место стало еще одной поворотной точкой в моей жизни. Я пошел дорогой, которую помнил так хорошо, что мог бы одолеть ее с закрытыми глазами. Почти четыре месяца я ходил по ней каждое утро.

В сервисе меня встретили с распростертыми объятиями. За два года многое изменилось, часть людей ушла, а работы меньше не стало. Я успел только скинуть вещмешок, а в следующую секунду меня уже тащили к полуразобранному «Ниссану».

Безразличный к комфорту, я жил прямо там, в боксе. Это не только давало мне крышу над головой, но и приносило дополнительный доход, ведь я выполнял функции сторожа и кочегара. Один день походил на другой, как две капли воды. Я много работал, хорошо зарабатывал и почти ничего не тратил.

— Копишь на что-то? — поинтересовался однажды Вася.

— Да, наверное. На мечту.

— Думаешь, можно купить мечту?

— Нет. Но мечту нужно убедить, что ты ее достоин.

— Какая-то неправильная мечта.

— Это мечта. Ей многое прощается.

Так прошло еще четыре года моей жизни. Долго? Возможно. Но не было времени считать дни. Я всегда был занят, всегда чем-то озадачен. В какой-то мере я отдыхал все это

время. Наверное, даже был по-своему счастлив. Пока однажды летом неожиданная встреча не заставила меня отправиться в путь.

Я занимался с автомобилем в дальнем конце бокса, когда услышал знакомый голос, громко и не без мата расписывающий неполадки автомобиля. Заинтересовавшись, я подошел к высокому худошавому парню в кожаной куртке. Он повернулся ко мне, и я чуть не упал.

— Антон?!

— Дима? Ты?

Это был Антон Дрокин, тот самый пухленький ботаник, которого почти никто никогда не замечал. Мы разговорились, вышли на улицу, пока ребята осматривали его «Тойоту».

— А ты изменился, — сказал я.

— Да ты и сам... — он смерил меня взглядом. — Если б не лицо — не узнал бы! Прямо вообще мужиком стал!

Я засмеялся. Да, наверное, он был прав. После армии я стал шире в плечах и набрал мышечной массы.

— Как там наши? — спросил я.

— Кстати! — Антон щелкнул пальцами. — Хорошо, что напомнил. Через месяц встреча выпускников. Приедешь?

Я растерялся и промямлил что-то невразумительное.

— Ну чего ты? Давай! Пятнадцатого июля, уже назначено. Настя все организует.

— Елизарова?

— Ну а какая еще? Она. Очень хочет всех увидеть. И про тебя, кстати, спрашивала у всех — никто не знает, где ты и как. Пропал тогда так неожиданно...

— Приеду, — кивнул я.

В тот же день я договорился об отпуске. Антона будто послала сама судьба, увидев, что я опять сошел с верного пути и засел в теплом уютном мирке.

* * *

Когда я пересчитал деньги, скопленные за четыре года работы, то испытал шок. Сумма выходила, конечно, не астрономическая, но намного превышающая мои представления о собственном материальном положении. Я смотрел на эти деньги и не знал, как с ними поступить. В голову лезли только всякие глупости.

— Чахнешь? — спросил Вася, увидев меня, сидящим перед столиком с пачками наличности.

— Ага, — признал я.

— Блин, всегда завидовал людям, которые умеют копить! Чего делать думаешь? Машину купишь?

— Машину? — встрепенулся я. — Какую машину?

Вася рассмеялся:

— Блин, да какую хочешь! Что ты тут, мало колымаг разобрал? Отличишь, поди, нормальный автомобиль от ведра с болтами. Возьми какую-нибудь «Тойоту» хорошую, или «Мицубиши».

— Поможешь?

Я просто оказался в вакууме. Несколько лет, проведенных безвылазно в сумасшедшем

замкнутом мире автосервиса, лишили меня представлений о реальности. Как купить машину? Что для этого нужно? Куда идти, с кем говорить? Вася согласился помочь, и через неделю мотаний по авторынкам и звонков по объявлениям я стал счастливым владельцем пятилетней черной «Тойоты Камри».

— Машина — зверь! — прокомментировал покупку Вася. — Запчасти, правда, в копейку влетят, но зато мощная, надежная и удобная. На трассу выберешься — оценишь!

Я оценил ее спустя месяц, покрыв расстояние в двести километров до моего родного городка почти за час.

Глава 20

Per Aspera ad Astra

Мать встретила меня со слезами. Сначала она не могла определиться, плачет ли от обиды, что я пропал так надолго, или же от радости, но, в конце концов, радость перевесила. Отец тоже был рад, хотя и обиделся, когда я не стал пить с ним пиво.

— Я-то думал, ты вырос! — упрекнул он меня.

Я только развел руками. Мне было немного грустно смотреть на своих родителей, так постаревших за эти годы.

Мы проговорили три часа. У меня уже язык распух от рассказов о своей жизни, когда, наконец, подошло время.

— Пора идти, — сказал я, допив пятую кружку чая.

— Ты вернешься? — Мама вцепилась мне в рукав.

— Вернусь, конечно!

И вот, наконец, я на встрече. Настя Елизарова забронировала целый угол в местном кафе, так что мы чувствовали себя королями. Они чувствовали. Я по-прежнему был отдельно. Сидел с краю стола, пил сок, смотрел и слушал.

Одноклассники изменились. Многих уже было не узнать. Многие уже состояли в браке, у некоторых были дети.

Пришли не все. Я не увидел Илью Кирова, Сашу Рыбина, Семена Волохина и Жанну. Поэтому я внимательно слушал разговоры и постепенно узнал, что Рыбин отсидел в колонии три года, после чего забыл все прежние знакомства и пропал из поля зрения одноклассников. Илья заразился СПИДом и покончил с собой. Семен, вроде как, уехал в Москву, но чем он там занимается, никто знал.

— А что слышно про Жанну? — подал голос я.

Все пожали плечами, и только Петя Антонов поморщился.

— Видел я ее в Красноярске.

— Она там живет?

— Ага. Вроде как. Шатается по клубам, ни фиги не делает. Ну, как всегда, в общем.

Он говорил не без удовольствия. Ему нравилось чувствовать свое превосходство.

— В клубе встречались? — спросил я.

— Ну. В этом, как его... в «Гагарине».

Я кивнул. Остальное меня не интересовало. Почувствовав на себе чей-то взгляд, я обернулся и увидел Машу. Она покраснела и сделала вид, будто изучает содержимое своей тарелки.

— Ты сам-то как? — Петя вдруг панибратски толкнул меня в плечо. — Рассказывай, где живешь, чем занимаешься.

— В Красноярске живу, — ответил я без особой охоты. — Чем занимаюсь? Сейчас не знаю. Раньше отдыхал.

— В смысле, отдыхал? — Петя приподнял бровь. — Не работал, что ли?

— Работал, почему же.

— Ну вот. А где работал?

— Какое это имеет значение?

Наша беседа постепенно привлекала все больше внимания. Теперь уже все оставили

свои разговоры и смотрели на нас с Петей.

— Что значит, «какое»? — воскликнул наш бывший староста. — Это нормальный взрослый вопрос!

Я улыбнулся — так по-детски это прозвучало.

— Неужели так хочется казаться взрослым? — спросил я.

— Что значит, «казаться»? — Петя начал сердиться. — Я и есть взрослый! И мне не стыдно о себе рассказать. Я работаю...

— Мне не интересно, как ты добываешь себе пропитание, — перебил его я. — Расскажи о себе, а не о своей работе. Что ты изменил в себе за эти годы? С какими людьми познакомился? Каких людей потерял? Что интересного ты узнал? Что или кого любил и ненавидел?

Петя почесал голову, промычал что-то, потом нерешительно начал:

— Ну, в смысле... Я сейчас работаю...

— Кроме работы — ничего? — снова перебил его я.

Петя не хотел уступать мне в этой битве. Да, конечно, он мог в любой миг провозгласить, что я несу чушь. Но он уже вступил в игру и хотел продержаться до конца.

— Я с девушкой познакомился! — заявил он.

— Вот как? — Я подбодрил его кивком. — И какая она?

— Ну... красивая! Блондинка такая, высокая.

— Любишь ее?

— Ну, как... В смысле, «любишь»? Так, просто, прикольно.

— То есть, она для тебя почти ничего не значит? Зачем тогда говоришь о ней?

— Да как «не значит»? — Петя нервно забарабанил пальцами по столу. — Значит, наверное. Только она чего-то это... Ломается долго. То, вроде как, все ништяк, а то не подступишься... Надоело уже. Чего ей надо — понять не могу.

— Умная?

— Ну, типа, да. Аспирантка там какая-то.

Я зевнул. Если Петя и мог стать хуже, чем был в школе, то он это успешно сделал.

— Знаешь, в чем твоя проблема? — сказал я. — С тобой скучно.

— Со мной? — выпучил глаза Петя.

— Да, с тобой. Как ты предпочитаешь проводить с ней время? Чего ты от нее добиваешься? «Давай пойдем в бар и выпьем», «давай пойдем в клуб, выпьем и потанцуем», «давай просто выпьем». Ведь так?

Петя насупился.

— Ну придумай что-нибудь пооригинальнее! Все равно все к этому и сводится.

— Не все.

— Ну давай, давай! Поделись опытом, скажи, что еще можно придумать!

Я пожал плечами.

— Да легко. Я бы, например, предложил забраться ночью на крышу самого высокого здания и собрать все звезды с неба.

Петя расхохотался, но его смех прозвучал одиноко и фальшиво.

— Это ж бред! — воскликнул он. — Ну заберетесь вы на крышу — и чего? Замерзнете только. А, ты ж не доучился. Правда думаешь, что звезды можно собрать?

— Нет, конечно. Мы не сможем сорвать с неба ни единой звезды. Но умрем, пытаюсь.

Тут за столом воцарилась мертвая тишина. Я чувствовал на себе каждый взгляд и мог бы

рассказать каждому, о чем он в этот миг думает.

— А есть развлечения, никак не связанные со смертью? — Петя продолжал свои саркастические потуги.

— Есть, наверное. — Я допил сок, поставил стакан на столик и достал бумажник. — Только вот развлечения, никак не связанные со смертью, это унылая и бесполезная рутина. Куда бы ты ни шел — будь готов умереть на этом пути. А если не готов — сиди на месте.

Я оставил на столе сумму денег, на мой взгляд, вполне покрывающую два бокала сока, выпитые мной, плюс чаевые.

— Рад был вас всех повидать, — сказал я, выходя из-за стола. — Мне нужно заскочить еще кое-куда сегодня, так что прошу меня простить.

Никто не бросился меня останавливать. Я вышел из кафе в теплый летний вечер. А за мной выскользнула тень. Я видел ее, подходя к автомобилю, и остановился, взявшись за ручку. Тень замерла.

— Думаешь, в этом есть смысл? — спросил я, не оборачиваясь.

Маша глубоко вдохнула и не сразу нашлась с ответом.

— Я не могла поступить иначе. — Шепот.

— Правда? — Я повернулся к ней. — Я избавлю тебя от необходимости повторять заготовленную историю. Расскажу сам. Ты жила с отцом, который каждый день гнобил тебя и ребенка. Было очень тяжело, ты часто плакала, вспоминала обо мне и считала дни до моего возвращения. Так?

Она кивнула. Я увидел первые слезинки.

— А потом появился он. Может, ты гуляла с ребенком, и он заговорил с тобой. Не важно, как вы познакомились — это произошло. С ним тебе было легко и приятно. Кроме того, он мог забрать тебя от отца. В отличие от меня, он имел какой-то стабильный достаток. Наверное, не маленький, раз решился жениться на девушке с ребенком. И ты решила, что натерпелась достаточно. Думаю, ты даже хотела сказать, что думала в первую очередь не о себе, а о дочери.

Слезы лились ручьем. У нее прерывалось дыхание, рукавов не хватало, чтобы осушать глаза, и я протянул ей платок.

— Я ужасно поступила, — почти неразборчиво сказала она.

— Ты готовилась защищаться от обвинений. Я тебя не обвиняю. Ты поступила вполне разумно. С одной стороны — благополучие. Твое и твоего ребенка. А с другой — ... назовем это любовью. Любовью к человеку, который никто в этом мире. Много ли на свете идиотов, которые рассудили бы иначе?

Маша вытерла лицо платком и посмотрела на меня. Наши взгляды встретились, как раньше, в школе, но теперь я не хотел ни открывать ей свою душу, ни проникать в ее.

— Рассказать дальше? — спросил я. — Вы вместе уже пять лет. За это время чувства, если они и были, утихли. И вдруг ты узнаешь, что я приеду на встречу. Рассказав свою историю, ты хотела сказать: «Забери меня!»

В ее взгляде появился испуг. «Откуда ты знаешь?» — спрашивал этот взгляд.

— И вот, я возвращаюсь к началу. Ответ на вопрос: есть ли в этом смысл? Разрушать семью, лишать девочку отца?

— Мы можем уехать без нее! — Маша повысила голос, выкладывая свой единственный козырь. — Он... он любит ее и будет хорошо о ней заботиться, а мы...

Я не задумывался. Просто размахнулся и ударил ее по щеке. Маша упала на колени,

зажав ладонью место удара, и тихонько заскулила.

— У меня тогда мало что было, но я всем этим пожертвовал ради того, чтобы выиграть для тебя время, — сказал я. — За это мне пришлось расплачиваться двумя годами ада. Теперь ты говоришь, что все это напрасно. Что я должен был позволить тебе сделать аборт. Знаешь, лучше бы ты не подходила. Так я, по крайней мере, сохранил бы уважение к тебе.

Я не слушал того, что она говорила в ответ. Просто сел в уютное кожаное кресло, запустил двигатель и поехал прочь. В зеркало заднего вида я посмотрел только когда выехал на дорогу. Впереди и сзади дорога была свободна.

* * *

Перед отъездом я должен был повидать еще одного человека, которого ничто не могло сломать или переменить. Я подъехал к дому Элеоноры уже почти ночью и сбросил ей сообщение на телефон. Две минуты спустя запищал электронный замок, и на улицу вышла девушка. Я мигнул фарами.

— Димка! Офигеть можно! — воскликнула Эля, сев рядом со мной.

Я не успел сказать и слова, как она буквально впилась поцелуем в мои губы. На несколько секунд я перенесся в тот осенний вечер, когда началось наше знакомство. Я позволил себе раствориться в этом воспоминании и обнял свою безумную подругу.

— Извини, не сдержалась! — хихикнула Эля, отстраняясь от меня. — Просто соскучилась ужасно! Пропал совсем, столько лет ни слуху, ни духу!

Я смотрел на нее и не знал, что сказать. Из худенькой четырнадцатилетней девчонки она превратилась в невероятно красивую девушку.

— Ты без оружия? — спросил я.

— Чего? Зачем это мне оружие? Что, опять вляпался в какой-то трэш?

— Нет. Просто интересно, как ты отбиваешься от кавалеров.

Она рассмеялась своим неповторимым звонким, заливистым смехом.

— Не нужно мне оружия, Димочка! Я, если надо, могу глаза любому выколупать, ты-то знаешь!

— О, да, помню! — улыбнулся я.

— Ну, давай, рассказывай! — потребовала Эля.

Я в общих чертах рассказал ей о своей жизни. Эля слушала внимательно, кивала, держала меня за руку.

— Виделся с ней сегодня? — только и спросила она, когда я закончил говорить.

— Да...

— Совсем все плохо?

— Хуже не придумаешь.

— Ясно... Ну и черт с ней! Правда ведь?

Я кивнул.

— Дальше-то чего делать думаешь?

Я помолчал, барабанил пальцами по рулевому колесу.

— У меня осталось два старых долга, которые необходимо вернуть. А потом я вернусь и буду жить здесь. Будешь ждать?

— Ну, я, вообще-то, учусь в Новосибирске. — Эля потерла лоб рукой. — Сейчас тут на

каникулах просто. Два года осталось. Потом, наверное, вернусь сюда. Не люблю больших городов. Суета бесконечная.

— Я думал, ты любишь суету.

— Люблю создавать суету. А крутиться, как белка в колесе — это уж избави господи.

Нет-нет, сейчас точно решила — вернусь! Встречаемся через два года?

— Мне понадобится больше двух лет. Может быть, еще лет пять или шесть, а то и больше. Может, и вся жизнь.

— Ну и ладно. Все равно дождусь.

Я посмотрел ей в глаза в некотором замешательстве. Правильно ли мы друг друга понимаем?

— Дождусь вас обоих, тебя и ее! — закатила глаза Эля. — Господи, Димка, мне кажется, мы еще тогда определились, что парочка из нас получится так себе! Убери этот дурацкий взгляд, я тебя умоляю!

— Извини, — улыбнулся я. — Показалось.

— Креститься, значит, надо. Я, конечно, не гарантирую, что как-нибудь мы не проснемся с похмелья голые в одной постели, но готовить тебе завтрак и стирать носки я точно не собираюсь. У меня своя личная жизнь!

На прощание мы еще раз поцеловались, чуть более целомудренно, чем при встрече.

— Спасибо тебе, Эля, — сказал я, когда она уже вышла из машины.

— За что это? — Она наклонилась к открытому окошку.

— Просто за то, что ты есть. Будь всегда, хорошо?

— Это я запросто!

Она подмигнула мне, засмеялась и убежала, оставив в салоне смешанный запах духов и сигарет.

Я поехал к родителям. Утром нужно было отправляться в обратный путь, навстречу судьбе.

* * *

Три ночи подряд я провел перед входом в клуб, вглядываясь в смеющиеся лица девушек. И лишь на четвертую ночь увидел ее. Она шла в компании четырех парней. Один из них держал ее под руку, трое остальных плелись следом, курили и плевались. Я вышел из машины.

— Жанна! — позвал я.

Она обернулась. Нахмурилась, глядя на меня. Потом ее брови взлетели вверх, приоткрылся рот.

— Это что за хмырь? — спросил ее кавалер. Не дождавшись ответа, он обратился ко мне:

— Э, тебе чего надо?

Я смотрел на Жанну, не замечая больше ничего и никого. После стольких лет она умудрилась стать еще красивее. Высокая, стройная, с безупречной прической. Ее лицо я помнил с точностью до последней веснушки. Столько раз она являлась ко мне во снах!

— Один шаг, вот и все. — Я протянул руку. — Я заберу тебя отсюда.

Она не пошевелилась. Просто стояла и смотрела на меня. Выражение удивления на лице

сменилось сомнением.

— Ну, ты, блин, попал! — сказал ее ухажер, приближаясь ко мне. — Совсем страх потерял, что ли?

Удар был сильным. Мне даже показалось, что сломана челюсть, но обошлось. Я упал на капот своей машины и тут же встал. Смотрел на Жанну, а она — на меня.

— Мало, что ли? Сейчас еще получишь! Пацаны, месим его!

Это был детский лепет по сравнению с тем, что мне пришлось пережить в армии. Нос они мне все же сломали, разбили губы, пытались заламывать руки, били ногами в живот и по лицу, пока я лежал на асфальте. Но я вставал снова и снова. Вставал и смотрел на нее, в ожидании.

— Да когда ж ты сдохнешь-то уже! — взвизгнул кто-то, и на меня обрушилась новая серия ударов. Не зрением, а каким-то шестым чувством я увидел, что кто-то вытащил нож. Что ж, возможно, придется умереть. Я улыбнулся Жанне, которая плакала, глядя на меня. И тут она сделала шаг. Вперед, ко мне.

— Хватит! — крикнула она. Голос стал чуть грубее, чем я помнил. Но я был рад его слышать. Словно прекрасная музыка зазвучала, перекрывая гулкие ритмы, вырывающиеся из недр клуба.

— Дима, хватит!

Я перестал ждать. Перехватил руку с ножом и привычным движением заломил ее. Затрещали кости, послышался вопль. Нож звякнул об асфальт. Я повернулся и нанес один удар. Парень хрюкнул и свалился без движения. Еще один удар, захват, удар и все. Четверо человек лежали у моих ног, скуля и пытаюсь отползти. Я вытянул вперед свою окровавленную руку, и Жанна ее взяла.

— Садись. — Я открыл перед ней дверь.

Жанна села на пассажирское сиденье. Я обошел машину и сел рядом с ней. Включил зажигание. Морщась от боли в колене, выжал сцепление.

Мы ехали по ночному городу, и только приглушенный шум двигателя нарушал тишину. Я бросил взгляд на свою пассажирку. Она смотрела вперед, на дорогу. Растерянное, виноватое лицо.

— Я закурю? — спросила она.

Вместо ответа я опустил стекло с ее стороны. Жанна прикурила сигарету.

— Куда едем? — спросила она, глядя все так же вперед.

— Домой.

— Домой? — Она усмехнулась. — Вот так вот?

— Именно так.

— А у меня ты ничего спросить не хочешь?

— Нет.

Она хмыкнула и замолчала. Мне не очень-то хотелось говорить сейчас — болели губы, да и челюсть двигалась с трудом. Но все же я снизошел до пояснений:

— Ты сама решила. Могла сделать шаг назад. Но теперь ты здесь.

— Да? А может, я просто тебя, дурака, защитить хотела?

— Отпустила бы одного.

На это ей нечего было возразить. Она затянулась, маскируя свое замешательство.

— Жанна?

— Да?

— Если ты еще раз попробуешь от меня сбежать — я тебя убью.

Она выбросила окурок и закрыла окно.

— Очень мне нужно от тебя убежать, — буркнула она, словно обиженный ребенок. Я рассмеялся.

— Что, блин, смешного? — воскликнула Жанна. — Наполучал п...дюлей и ржет, как лошадь! Дебил, идиот! Господи, что ж я за дура-то такая? Дай посмотрю... Боже мой, да тебе в больницу надо!

— Не сегодня, — усмехнулся я. — Сегодня нам предстоит бурная ночь.

— Чего?

— И даже не надейся, что заснешь раньше восьми утра.

Она смотрела на меня, округлив глаза и приоткрыв рот.

— Ты это серьезно сейчас? — она понизила голос.

— Абсолютно. Я больше шестнадцати лет потратил, чтобы научиться любить тебя. И если ты думаешь, что я, сразу же после встречи, повезу тебя в больницу, то ты явно больна.

Теперь засмеялась она. Тряхнула головой, взъерошила себе волосы, портя прическу.

— Нет, это просто безумие какое-то! — воскликнула Жанна. — Ты собрался меня удержать? Приручить?

— Если надо — посажу на цепь, — пообещал я.

— Не думаю, что мне это понравится.

— Понравится. Выйдет отличная ролевая игра — не соскучишься! А теперь извини, у меня челюсть отваливается. Давай послушаем музыку.

Я включил магнитолау, и перед глазами все расплылось от слез. Эта песня... Как так получилось, что заиграла именно эта песня? У меня на флешке было около тысячи композиций, но сейчас — сейчас играла эта. Слова, которые обнажали душу, рвали ее на части и собирали вновь.

Снаряды рвутся, как прежде,

Но ты не привык отступать.

Мелодия минных полей,

Дорога туда, где опять

Все повторяется снова

И начинается вновь.

Здесь миллионы считают, что это — любовь.

Я жал на педаль все сильнее. Автомобиль стрелой летел по ночному городу, игнорируя все знаки, правила и светофоры.

— Дима, все нормально? — забеспокоилась Жанна.

Я молча сжал ее ладонь.

— Умрешь со мной? — шепнул я.

Ее рука дрогнула, а затем стиснула мою.

— Да.

Там за стеной плачут дети,

Там за окном чей-то бред.

*Десятилетия боли,
Пять героических лет.
Теперь здесь все по-другому,
И я не помню, когда
Я вдруг очнулся и понял:
Ты у меня одна.*

За нами рванулась патрульная машина, но быстро исчезла вдали. Мы уже выехали из города, и я, на миг отпустив руку Жанны, включил последнюю передачу.

*И пусть внутри поет ветер,
А за стеклом стучит дождь.
Я делал все очень просто
И знал, что ты все поймешь.
По их поганым расчетам
Мы облажались опять.
Не важно, кто будет помнить, важно, кто будет знать![\[1\]](#)*

В ту ночь, обгоняя по встречной полосе редкие автомобили, со скоростью, которой не было места на спидометре, мы поклялись друг другу в любви и верности до самой смерти и после нее. Лишь тогда высохли слезы, и сердце отпустили стальные зажимы, терзающие его столько лет. Лишь тогда я развернул машину и поехал обратно, туда, где нас ждал дом.

Борис Брик, сумасшедший подросток, убивший собственную мать и напавший на одноклассника, прошел через эти ворота в шестнадцать лет. Он провел за воротами почти столько же времени, сколько и за ними. Пятнадцать лет кошмарных снов, голосов в голове и страха перед самим собой. Пятнадцать лет таблеток, уколов, смирительных рубашек и издевательств санитаров. И вот теперь он возвращался. Я поддерживал его под локоть, когда мы выходили за ворота. Он вовсе не так ослаб, хотя и весил, должно быть, килограмм сорок. Просто ноги подгибались, когда он выходил из ворот.

— Подожди! — Брик вцепился мне в руку. — Подожди, голова кружится.

Мы стояли и ждали. Светило солнце, пели птицы. И вдруг Боря заплакал. Я обнял его не задавая никаких вопросов, и ждал, пока не пройдет этот приступ.

— Я боюсь! — прошептал он. — Не хочу, пожалуйста! Верни меня назад!

— Нет! — Я покачал головой. — Возьми себя в руки.

— Не могу!

— Можешь. Ты пережил все это, а значит, можешь все. Я буду рядом.

Он несколько раз глубоко вдохнул и немного успокоился.

— Хорошо. Постараюсь.

Мы подошли к машине. Жанна сидела на капоте, упершись каблуками в колесо. Она смотрела на Брика, и жалость на ее лице мешалась со страхом и отвращением.

— Узнал? — спросил я.

Боря посмотрел на Жанну и кивнул.

— Жанна, — шепнул он. — Я помню тебя. Помню, как вы танцевали. Все... хлопали... вам...

— Давно это было, — сказала Жанна. — Здравствуй, Боря.

— Привет. А у вас... У вас же ребенок?

Я открыл заднюю дверь и наклонился.

— Костя, выйди, поздоровайся!

Мой сын выбрался из машины и посмотрел на Боря, сжимая в руках игрушечный автомат. Мальчику недавно исполнилось пять лет, и он считал себя во всех отношениях взрослым человеком. Ну, за исключением игрушек.

— Привет, Костя, — улыбнулся ему Брик.

Костя, хмурясь, оглядывал нового знакомого.

— Это — дядя Боря, — сообщила ему Жанна. — Поздоровайся. И не надо так смотреть это не вежливо! На тебя ведь никто так не смотрит.

— Дядя смотрит! — проворчал малыш.

— Костя! — прикрикнула Жанна.

Костя насупился, но все же переступил через себя.

— Здравствуйте! — сказал он. — Меня зовут Костя!

— Здравствуйте! — Брик опять засмеялся. — Здравствуйте, Костя!

Мой сын шагнул вперед и протянул автомат.

— Вот! — сказал он. — Хочешь поиграть?

Мы двинулись в путь. Жанна с Костей сидели на заднем сиденье, а Брик — рядом со мной. В руках он сжимал игрушечный автомат.

— Мам, дядя странный! — ворчал Костя.

— Дядя просто очень устал. — Жанна краснела и косилась на Брику. Даже сейчас я не мог не улыбнуться этому волшебному зрелищу — покрасневшая и смущенная Жанна!

Брик повернулся ко мне.

— Куда ты меня отвезешь? — спросил он.

— Домой.

— А где дом?

— Там, где все началось.

Я сдержал данное Элеоноре слово — мы возвращались. А она ждала — как и обещала. Только вчера мы с ней говорили по телефону, шутили и смеялись. Элеонора была замужем. Ее дочери уже шесть лет. А сама она, кажется, совсем не изменилась. Мы болтали с ней час подряд о всякой ерунде. Вчерашние подростки, а теперь — взрослые люди. Смех, да и только!

— Не хочу переезжать! — захныкал Костя. — У меня там не будет друзей!

— Обязательно будут! — заверил я сына. — Тебя уже ждет прекрасная подруга, ее зовут Даша.

— Не хочу подругу!

— Кто такая Даша? — поинтересовалась Жанна.

— Дочь Элеоноры.

— Ясно. А с моей стороны не будет слишком дерзко спросить, кто такая Элеонора?

— Это мой старый добрый друг.

— Женского пола?

— Увы. Хотя, в этом есть свои плюсы. Например, она классно целуется.

Жанна хлопнула меня ладонью по голове и засмеялась. Я повернулся к Брику. Его губы слегка изгибались в улыбке.

* * *

Катя сидела на лавочке возле своего подъезда. Одинокая и немного грустная. Я вышел из машины и помог выбраться Брику.

— Где мы? — спросил он, крутя головой.

— Погляди туда. Узнаешь?

Он вздрогнул.

— Ангел... Нет...

— Почему нет? Я предупредил ее.

— Нет, нет, ни за что!

— Боря! — Я посмотрел ему в глаза. — Она ждет тебя. Просто подойди.

— Не могу. Хотя бы... Пойдем со мной!

Я положил руку ему на плечо.

— Я скажу тебе то же самое, что ты сказал мне тогда, пятнадцать лет назад. Ты можешь идти один. Пусть будет страшно, больно и невыносимо. Но ты можешь. Так иди же. Жизнь еще не закончена!

Он сделал шаг. Потом еще один. Обернулся ко мне.

— Ты меня не оставишь?

Я покачал головой.

— Нет, конечно. Это маленький город. И все мы будем рядом. У тебя есть семья, несмотря ни на что. Есть я, Жанна, Катя и Элеонора. Думаю, вы с ней тоже скоро увидите. Так что иди и не волнуйся. Если оступишься, кто-нибудь всегда поддержит тебя.

Я видел, как он подошел к Кате. Она подняла голову и что-то сказала. Потом встала, шагнула навстречу. Ее пальцы скользнули по его лицу. Они о чем-то говорили несколько минут. Потом Катя взяла Борю за руку, и они медленно пошли куда-то.

— Ты ведь сделал все, что мог, да? — Я поднял голову к небу, обращаясь к Маленькому Принцу, который, я уверен, все знал и все слышал. — Мелкий поганец! Неужели все, что ты делал ради себя, ты делал и ради других? Может, и Рыбин нашел себя благодаря тебе?

— Дима, я обратно в дурку тебя не повезу! — высунулась из окна машины Жанна. — Хватит уже с небом разговаривать, поехали. Костик голодный!

Через десять минут мы уже звонили в дверь моих родителей. Открыла, как ни странно, Элеонора.

— Димка! — заорала она, кидаясь мне на шею. — Сколько лет, сколько зим, а ты все такой же милый! А это она, да? Ты Жанна? Здравствуй, дорогая! Сколько о тебе слышала, хоть посмотреть, что ли. Ну да, красавица, красавица, хотя, до меня — как до Китая пешком. Блин, Димка, ну куда ты смотрел? А, чего с вас, мужиков, взять!

Жанна совершенно оторопела от энергетики Элеоноры, которая то обнимала ее и целовала в щеки, то трясла за плечи, то пренебрежительно отворачивалась.

— А вот и Костик! — Эля переключилась на мальчика. — Ой, какой красивый мальчик! Да не бойся ты, обними тетю Элеонору! Ну, иди ко мне, я тебя кое с кем познакомлю!

Она схватила Костю на руки и убежала с ним в комнату. Жанна тряхнула головой и посмотрела на меня удивленными смеющимися глазами.

— Я-то думала, что я сумасшедшая, — сказала она.

— Куда тебе! Пай-девочка.

Она ткнула меня кулаком в ребра, и на мгновение в ее глазах сверкнули искры из прошлого. Лишь на миг, но я почувствовал себя все тем же застенчивым подростком. А в следующую секунду Жанна уже с улыбкой обнималась с моими родителями, наконец, вышедшими навстречу.

Я закрыл за собой дверь. Обнял отца, мать. Отвечал на какие-то вопросы. Из кухни доносился аромат грядущего пиршества. В комнате что-то с грохотом упало, и два детских голоса хором завопили, а потом захохотали.

— Ну и друзья у тебя! — покачал головой отец.

— Лучшие в мире, — улыбнулся я.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

фрагменты песни группы Адаптация «Талая вода».